

Том XXVI

Трилогия: Проклятье Древнего Ханаана

Сегодня становится все более непонятен и загадочен смысл проведения большевиками русской революции. Одни, даже несмотря на все пережитые ими ужасы, продолжают настаивать о несомненном благе, принесенном в страну завоевавшим ее социализмом. Другие, хоть краешком глаза ознакомившись с документами большевиков, ранее секретными, приходят в ужас, чуть ни доходящий до истерики, поведясь на другой лжи — нынешнем обелении одних революционеров и обвинении во всем случившемся других, что выясняется, таких же палачей.

Кто из них прав? Кого слушать?

Поневоле приходишь к выводу, что слушать не надо никого. Но тщательно разобраться в произошедшем, опираясь лишь на неопровержимые источники. А они говорят не о том, что хотели на словах революционеры, но о том, что натворили при благих своих казалось бы пожеланиях. Но выясняется еще и тот факт, что и много ранее подобные же идеи приносили практически те же разрушения и ужасы, которые принес в Россию социализм XX века.

Так что собой представляет на деле доктрина победившего большевизма: несомненное благо для общества или мрачную ледяную тюрьму?

Красная чума

Часть 1

Петля для «Англетера»

Плоды петровской реформации

«Внутренняя политика наша, — писал в 1911 г. русский патриот дореволюционной России М.О. Меньшиков, — объявлена национальной. В добрый час! Но, к сожалению, то что сказано у нас далеко еще не сделано. От благих намерений до исполнения их у нас глубокая и всего чаще непроходимая пропасть...

Именно после окончательного покорения финляндцев и поляков они стали укреплять на нашей земле свои политические позиции, причем при потворстве из Петербурга достигли успехов невероятных. То же было на третьей, крайне важной нашей окраине — на Кавказе. То же идет теперь и в Туркестане. Утвердившись между двумя материками, Россия далеко выдвинула свои редуты, но не заметила, что эти редуты постепенно наполнялись внутренними врагами и вместо крепости служат уже причиной слабости нашей, источником острых тревог и расходов.

...Вчерашняя телеграмма гласит о том, что «революционное разбойничество усиливается в *Закавказье*». А в *Прикавказье* продолжают действовать шайки горцев,

нападая даже на поезда у крупных станций... Кавказ, как известно, был присоединен к России после пятидесятилетней сокрушительной войны. Каждая скала там, что называется, облита русской кровью, и недаром далось нам это чудное царство снеговых гор и райских долин! Казалось бы, завоевав наконец опустошенный край, сказочно богатый, следовало отдать его народу победителю... Кавказ тогда еще полностью не принадлежал России, но в отвоеванную часть Кавказа в 1819 году переселили 500 семейств... Вы думаете, русских? Нет — *вертенбургских*, из которых были образованы немецкие колонии в Тифлисской и Елисаветпольской губерниях. Колонистам были отведены лучшие казенные земли и даны всевозможные льготы. Затем после войны 1826–1828 годов, мы переселили в Закавказье в течение двух лет свыше 40 000 душ... русских поселенцев? Нет — *персидских* и свыше 84 000 *турецких армян*. Им были отданы лучшие земли в Елисаветпольской и Эриванской губерниях, а также в трех уездах Тифлисской губернии. Скажите, это похоже сколько-нибудь на русскую национальную политику?

Для водворения армян было отведено 200 000 десятин казенных земель и куплено более чем на 2 000 000 рублей земли у мусульман. Неужели же, однако, у самой России тогда не было народа, нуждавшегося в земле? Так как тогда почти вся русская земля была или помещичья, или казенная, то мечтой каждого из миллионов крестьян — и мечтой несбыточной — было иметь хоть клочок *своей* земли да свободно работать на нем. И вот «национальное» правительство наше той эпохи заботливо выписывало из далекой Германии немцев, выписывало персов, выписывало армян, даром (то есть за счет русского народа) отдавало им завоеванные земли, тратило казенные (то есть русского народа) миллионы для их благоустройства. Кроме выписанных армян, как только стала известна благотворительность русской власти, хлынули целые полчища их соплеменников, так что уже тогда число их превысило 200 тысяч... Кавказ, наконец был совсем покорен, наша казна дала немалые жертвы, чтобы заселить чудное Черноморское побережье — русскими людьми? Нет. Боже сохрани. На казенный счет привозили из Малой Азии тех же армян и греков... казна... выписывала также эстов, латышей, чехов, и всем им отводились лучшие земли. Счастливая война с Турцией 1877–1878 годов увеличила Закавказье двумя новыми областями и вызвала новый приток переселенцев. В одну лишь Карскую область вселилось тогда 50 000 армян и до 40 000 греков, кроме того, генерал Тергукасов (армянин) вывез к нам в Сурмалинский уезд 35 000 зарубежных армянских семей... Армяне потянулись из Турции... князь Голицын в 1897 году насчитал уже около 100 000 самовольно вторгшихся армян... Этим путем в одно нынешнее царство было влито в Закавказье до миллиона армянских переселенцев, и приток их все растет... Кроме миллиона армян, при благосклонном содействии правительства вселились (к 1897 году) более 17 тысяч поляков, 82 тысячи греков, 31 тысяча евреев и по несколько тысяч других всевозможных национальностей. Таким образом к и без того разноплеменному кавказскому населению было влито до 25 процентов инородчины, враждебной России.

Читатель спросит: неужели же русское правительство совсем не сознавало необходимости закрепления столь важной окраины за Россией?.. После войны с Турцией, когда были присоединены богатыми новыми областями, Великий князь Михаил Николаевич настаивал на необходимости переселения в Карскую область 100 000 русских поселенцев из внутренних губерний. Но тогдашний министр внутренних дел Лорис-Меликов (армянин) настоял на *отказе* в этом ходатайстве. Факт необыкновенно характерный, хорошо рисующий истинную механику русской «национальной» политики. Заметьте: даже такой, казалось бы, сильный человек, как наместник Кавказа и превосходный знаток его (притом брат Государя) — и тот ничего не мог поделать против либерального временщика из инородцев. Переселение русских

не было допущено, а тем временем 100 000 армян и греков хлынули в Карскую область и захватили все, что могли. В 1879 году, когда управлял краем грузин князь Меликов (исправлявший должность наместника), он испросил закон, запрещающий *русским селиться вне городов*, — чудовищный закон, имевший главным образом целью не допустить перехода сельской земельной собственности в русские руки... Как? В черте Российской империи для коренных русских устраивается черта оседлости? В том самом краю, где пролито целое море русской крови... — в этом краю все могут селиться вне городов, а русские не смеют? Мне кажется, кости героев, погибших в безчисленных кавказских подвигах, со стоном переворачивались от такой “национальной” политики. Стоило, в самом деле, лезть на стены неприступного Гуниба или Карса затем только, чтобы сделать миллион армян и греков турецких — кавказскими помещиками!» [45] (с. 254–257).

«Русское правительство принимало все меры для привлечения армян в Россию. Екатерина II дала указание создать для армян все условия, чтобы “не только перешедшие в пределы сохранены были, но чтоб и находящиеся за границей, видя их благоденствующих, к ним присоединялись” (Брюсов В. Летопись исторических судеб армянского народа. Ереван, 1940, с. 4.) К концу XVIII в. армянская колония в Санкт-Петербурге настолько разрослась, что протоиерей Степан Лорис-Меликов в феврале 1791 г. обратился с просьбой в губернское правление выделить для армян отдельное кладбище на Васильевском острове.

Безпрерывный поток прироста армян в Россию, начавшийся с раннего средневековья, принял массовый характер в петровские времена, продолжался и после присоединения Восточной Армении к России. Для русских государственных деятелей, в особенности для Петра I и Екатерины II, Армения и армянский народ играли важную роль...» [2] (с. 139).

И ведь отнюдь не своих бывших подданных от ярма бусурманского выручали — на своих наплевать. А армян не просто из-за кордона выписывали, но и вообще делали гражданами той земли, которая им никогда и не принадлежала. Граница Армянского царства некогда имела:

«...на севере равнину Аракса с горою Арарат» [49] (с. 831).

Так что с таким же успехом можно было выписывать из Африки, в попытке спасти из «лап жестоковых» этих самых колонизаторов, какое-нибудь людоедское племя Тумбо-Юмбо из Занзибара — ведь нам самим земля, получается что, «не нужна» — мы можем закавказские лимоны выращивать и за полярным кругом...

Но ведь это еще не все, что успел натворить этот инородец, забравшийся в наши властные структуры:

«Лорис-Меликов сумел вернуть из Сибири многих ссыльных и открыл двери университетов...» [3] (с. 172).

Так что и революцию им у нас устраивать — никто не смел препятствовать. То есть кто в этой самой Царской России по тем временам управлял, видно и не вооруженным глазом: управляла ею всякая инородчина. А потому отнюдь не голословно еще во время Отечественной войны 1812 г. Багратион (между прочим, грузин по крови) писал:

«“вся главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно и толку никакого нет” (Генерал Багратион. Сборник документов и материалов, с. 226)» [31] (с. 155–156).

Это было при масоне Александре I. У него, однако же, были и продолжатели:

«В области внешней политики Александр II стоял на германофильской позиции» [69] (с. 172).

Вот как это положение дел комментируют советские источники:

«Иностранцев приглашали потому, во-первых, что русские дворяне старались пораньше уйти в отставку и надо было заполнять свободные вакансии в войсках; и, во-вторых, потому, что иноземные наемники ограждали от народа царский трон и душили русский народ еще сильнее и беспощадней, чем “свои” угнетатели-помещики» [7] (с. 27).

Так что политика Российских царей выглядит достаточно странной. Для русского человека изобретаются все новые законы по подавлению его прав и свобод. Со всех же стран и весей, со всех буквально щелей — откуда только вытащить еще можно, тянут к нему на шею и рассаживают, производя в помещики и военные, купцы и фабриканты, всевозможную инородчину: греков и армян, поляков и немцев. Идет кропотливый сбор кровопийц со всех подворотен: из Европы ли из Азии — лишь бы побольше и посадить их, по возможности, поплотней.

Так что еще за долго до революции, благодаря столь титаническим именно в этой области трудам Петра I, Екатерины II, Александра I и Александра II, власть в России принадлежала классу паразитирующих на ее теле бактерий. И все это происходило в форме усаживания на нашу шею не только иноверной, но даже практически уже и инородной разномастной клики пиявок, жаждущих нашей крови. И ко времени восшествия Николая II совладать с инородной прослойкой, густо окружившей трон, было практически невозможно — ведь даже брат Царя, являясь фактически правителем Кавказа, противостоять узурпировавшим русское правительство инородцам — уже никак не мог! Вот почему его знаменитый на этом посту в былые годы предшественник, гроза кровожадных местных дикарей, генерал Ермолов, вместо вполне причитающихся ему за безчисленные победы чинов и наград, попросил от венценосного монарха казалось бы сущей безделицы:

«Произведите меня в немцы, государь...» [44] (с. 66).

И это отнюдь не шутка. Ведь даже брат царя, не являясь, что и понятно, иностранцем, а, главное — иноверцем, оказался полностью безсилен перед засевшими в правительстве *врагами русского народа*.

То же творилось: и в Польше, и в Финляндии, и в Малороссии, и в Новороссии — все отвоеванные русской кровью земли были отданы инородцам и иноверцам. После чего, что и естественно, эти завоеванные земли теперь не своих завоевателей питали, но, наоборот, «захватчики» оказывались в роли безправного подъяремного инородцам и иноверцам местного народонаселения.

И стоит лишь мельком взглянуть на отношение наших законов к иноверцам, извечным врагам русского человека, чтобы все эти скрытые механизмы случившегося нас ими закабаления стали более ясны. Пункт за № 66 гласит:

«Все не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского Государства, природные(а) и в подданство принятые(б), также иностранцы, состоящие в Российской службе, или временно в России пребывающие(в), пользуется каждый повсеместно свободным отпращиванием их веры и богослужения по обрядам оной» [50] (с. 355).

Мало того. Пункт № 67 гласит:

«Свобода веры присвоается не токмо Христианам иностранных исповеданий, но и Евреям, Магометанам и язычникам(а): да все народы, в России пребывающие, славят Бога всемогущаго разными по закону и вероисповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов, и моля Творца вселенной об умножении благоденствия и укреплении силы Империи(б)[Свод законов Российской Империи. Том первый. Часть I. Свод Основных Государственных Законов. С.-Петербург. 1906]» (там же).

Вот где кроется основная стратегическая ошибка Николая II и его предшественников. А всему виной слишком долгое и настойчивое внедрение в сознание наших монархов ошибочного убеждения, что все эти разношерстные религии якобы ведут камлания своих адептов не к обезьяне Бога, а к Самому Творцу. И лишь теперь, после Андриюши Ющинского и Екатеринбурга, после обнаружения обезображенных трупов в подвалах Киевского ЧК и миллионных жертв Беломорканала, Дмитлага, после Освенцима и Дахау — только уже после всего этого, произошедшего с нами, проясняется полная картина ложности привитых нам некогда при Петре понятий. Лишь сегодня, наконец, у нас все же открылись глаза на личину бога: моголей и шаманов, цадиков и лам, масонов и фашистов, демократов и коммунистов, атеистов и кришнаитов. Лишь теперь начинает потихоньку доходить, что их Кришна и Яхве, Аллах и Перун (см.: [178]) — это никакой не Бог, но лишь Его обезьяна. И именно его религии адептов нам столь настойчиво усаживали на шею, подкармливая, чем можно, наделяя льготами и землями, отвоеванными русским оружием у врагов внешних, выступающих против нас с оружием в руках. А усадив ласково, выпускали всеразличные законы, помогающие им наиболее верным методом подготовить государственный переворот по отъему того последнего, что оставалось считаться русским — власти. Пусть русской лишь номинально. Потому «пролетарская» инородческая революция является естественным завершением этой многовековой политики, которой следовала Россия после смут, охвативших страну со смертью Ивана Грозного.

Но и революция, что и понятно, вовсе не являлась панацеей от всех бед, но лишь усугубила их. И многомиллионные жертвы пошедших у правящего режима на поводу людей — это уж куда как более важный аргумент при определении настоящих врагов русского человека. И пусть этих жизней уже не вернуть, но все равно: спасибо им за науку. Ведь лишь теперь, оказавшись на помойке отходов западных производств с вывернутыми напроочь карманами и изувеченными отравленными суррогатом иллюзорных воззрений внутренностями, мы имеем уникальнейшую возможность хоть попытаться понять: *что же с нами вообще-то произошло.*

Отталкиваясь от результатов вышерассмотренной *науки*, попробуем теперь определить движущую силу этой революции: национальный состав и вероисповедание ее вершителей.

Вот как были встречаемы местным русским населением отправляемые в глубь России плененные шведы при Петре I:

«...обыкновенно невежественный класс русских смотрит на иностранца — существо, которое в глазах их есть нечто между человеком и животным. С ним вместе никогда не ели, не пили; для него была даже собственная посуда, оскверненная устами басурманскими» [41] (с. 382).

Так что истинно русский человек сильно брезговал инородцем. Совсем не то отмечается в иждивенческом классе, обасурманенном петровскими нововведениями — модой на басурманство. Вот что еще во времена Екатерины II об антинациональности данной прослойки общества сообщает французский дипломат Корберон:

«Русские обладают особенностью безгранично хулить свою родину» [225] (с. 187).

Однако ж это высказывание относится вовсе не к русским людям, но исключительно к рассматриваемой нами прослойке российского народонаселения, начиная много ранее рассматриваемой эпохи, и завершается лишь после того, как эта прослойка общества сама свою голову услужливо уложила на гильотину. К началу XX столетия вот какими эпитетами Николай Японский наградил это плавающее в верхах дореволюционной России общество:

«Мерзкая, проклятая, оскотинившаяся, озверевшая интеллигенция в ад тянет и простой народ. Верхний класс коллекция обезьян-подражателей то Франции, то Англии, то Германии... Высший и интеллигентный классы поголовно растлены безверием и крамолой...»

С презрением глядя на сельского малообразованного батюшку интеллигент тшится говорить с Богом напрямик. Минуя Таинства. Сначала ему не нужен станет храм, потом — личностный Бог. Преобладать начинает не разумная сила бессмертной души, а физический мозг, который неизбежно поврежден первородным грехом. Но что оказывается тогда внутри этой саранчи?

Первое — дозируемая, отдающая давно сгнившим плодом, “мудрость”. Минуя сердце, она наполняет черепную коробку. Антропологический “центр тяжести” смещается — и все переворачивается с ног на голову. Интеллигент становится чрезвычайно внушаемым (на языке разработчиков пси-оружия он относится к категории сверхвысокочувствительных).

Второе — презрение к корням своим. “Глупые” и “грубые” предки становятся как едва ли не “гой” в глазах иудеев. При этом культивируется глупое восхищение иностранным (всегда чреватое изменой Родине).

Третье — ослабевают нравственная сила, которая проявляется в чувстве долга перед Высшим. Перед Тем, от Которого получено все. Нагнетается отвращение к служению — Богу, Трону и Отечеству. Аристократия выросла именно из этой идеи...

Интеллигенция не отдает служению жизнь, она охотно делится лишь многословием. Поэтому когда революции пожирают своих детей, это не жертва Богу, Трону и Отечеству. Это не мученичество. Это результат глупости. А значит — жертва дьяволу.

Четвертое. Когда современные “герим” громоздят себе памятник из слов, многие из них звучат двусмысленно. Вот Д. Гранин об интеллигенции: “Духовные ее заслуги перед историей бесспорны... Никто из них никогда не служил опорой власти. Менялась политика, менялись правители, но интеллигенция всегда знала, за что ей бороться”.

Всегда бороться. Всегда быть против. Всегда быть с главным противником — с дьяволом — заодно.

Социальная возбужденность и истеричность, готовность к индуцированным психозам, забесовлению — тоже характерные качества. Напоминают они черты гордого, обидчивого и всегда оппозиционного (прежде всего — христианству) “гонимого народа”. Почему эта публика становится революционной везде и всегда — даже когда это не выгодно ей самой? Потому что антихрист придет во времена безвластия, и, управляемые дьяволом, эти несчастные пытаются создать революционный хаос, где только можно. “Порядок из хаоса”, пишут на своих печатях масоны...

Пятое — безумная гордыня. Ее раздувают и ритуалы лож. Повышение в градусе посвящения означает усиление внутреннего кипения страстей...

Чем выше градус кипения — тем более сильный бес входит в несчастного. “Температуру” выше тридцать третьей отметки (верхний градус в Шотландском масонстве) “простому человеку” и не выдержать. Ее выносит только проклятая кровь тех жестоковыйных, чьи предки кричали: “Кровь Его на нас и на детях наших...” (Закаленная в алхимическом тигле плоть одного из них — от зачатия — примет и самого князя мира сего. Недаром сказано, что каббала — попытка дьявола выбраться из преисподней при помощи человека. Господь попустит, и, наконец, — ненадолго — это удастся).

Но там — иллюминаты, Мемфис Мицраим, Бнай Брит...

Свято место пусто не бывает, и в недавнем христианине, хотя бы иногда вспоминающем о смирении, как добродетели, блеск масонских титулов разжигает грех гордости. Разогревает “пламенеющей” пятиконечной звездой.

Светящую в ложах пентаграмму тоже называют “интелегио”...

Генеалогию гордостной идеи четко сформулировал А.Ф. Лосев: “Израиль хочет создать себе спасение своими собственными руками, поэтому израильская стихия и лежит в основе новоевропейской культуры. Возрождение, просвещение, революция — все это имеет под собою опыт сведения благодати, которая дается даром и по известному определению, на естественные усилия человека, которые должны быть вознаграждены по справедливости... Каббала есть принцип человеческого естества, активно направленного против стихии благодати”» [15] (с. 38–41, 412).

А начиналось это крупномасштабное перерождение человека в полуживотное еще с петровских времен. Ведь именно масонство исповедовалось его программой, исполняемой на фоне попытки тотального уничтожения Православия. Но сразу, наскоком, спроворить необходимую для воцарения антихриста биомассу Петру не удалось. Но масонский молоток действовал затем в России веками. И общими усилиями Якова Брюса и Ломоносова (см.: [179]), Шуваловых и Хераскова, Паниных и Новиковых это странное сообщество барствующих самоубийц все же было возвращено. Все выше перечисленные масоны:

«...своей просветительской деятельностью способствовали тому, что в XIX веке создало русскую интеллигенцию» [4] (с. 226).

Но вот как эта столь усердно масонами выращиваемая люмпенская прослойка выглядела со стороны русского мира, смотрящего на чудачества своих барчуков словно из какого-то параллельного измерения:

«Одной из определяющих черт усадебного быта рассматриваемого периода была его театральность. Об этом пишет М.Ю. Лотман: “Для русского XVIII века исключительно характерно то, что дворянский мир ведет жизнь-игру, ощущая себя все время на сцене, народ же склонен смотреть на господ, как на ряженных, глядя на их жизнь из партера”» [15] (с. 257).

И тут стоит лишь прикинуть впечатления нормального русского человека, рассматривающего со стороны состоящую из сплошных театральных неестественных жестов разодетую в несусветные совершенно непрактичные заморские наряды всю сплошь перестриженную, перекрашенную и перепудренную публику, друг перед дружкой всякими никчемнейшими глупостями пытающимися из себя какое-то «нечто» изобразить. Тут уж и действительно — лишь гляди и дивись ихним барским причудам да чудачествам. Ведь, небось, вся деревня поглазеть на этих попугаев и сходилась — ну словно в театр. Сами же попугаи были уверены, что народ столь охотно сходится исключительно из уважения к их персонам. От того и еще больше, словно фазаны, надувались. И «спектакля» становилась и еще более причудлива и увлекательна.

Такова приблизительная раскраска того самого общества, которое и довело, весьма благополучно, корабль русской государственности до вполне закономерного его крушения.

Повествование о предантихристовых лихолетьях начнем с расследования убийства нашего самого национального поэта всех времен — Сергея Есенина — флагмана русскости в природе вообще. Он незримо владел миллионами русских сердец в захваченной инородцами России. А потому уже и изначально был потенциально опасен воцарившемуся в бывшем Православном Царстве предапокалипсическому супостату. И русскость нашего всенародно почитаемого поэта просто уже и изначально не могла не

вступить в противоборство с густо захлапившим правительство заезжим инородческим семенем «чародея и блудницы».

И вот он ими и оболган, и убит.

Итак, расследование смерти поэта:

Не мы, но кто-нибудь...

Сто второй день рождения величайшего русского поэта Сергея Есенина был отмечен не только литературоведческой конференцией, но и аукционом, названным организаторами «благотворительным». Наиболее активны на этом аукционе были как всегда не упускающие никакой возможности чего-нибудь свеженького растрезвонить журналисты «Московского комсомольца». Но даже и они не смогли не отметить столь полной безнадежности продолжения поддержки версии о самоубийстве поэта. Ведь предоставленные на аукционе фотодокументы Романа Кармена полностью ее отрицают:

«Желающих поддержать “госверсию” о самоубийстве поэта было немало. Карменовские же фотографии достаточно четко показывают обратное: даже под ретушью, сделанной самим Карменом, видны травмы на лице Есенина, которые невозможно нанести себе самому. Возможно, именно они смогут раскрыть реальные обстоятельства гибели поэта...

На снимке отчетливо видны пустая глазница и след на лбу от удара тяжелым предметом» [«Московский комсомолец» 7. 10. 1997].

Профессор-патологоанатом Ф.А. Морохов:

«Есенин был сильно избит, а потом задушен, возможно, подушкой» [«Труд», №№ 101, 178, 1989].

Вот еще очередное дошедшее до нас свидетельство. При описании лица мертвого Сергея Есенина, Павел Лукницкий отмечает в своем дневнике:

«левый глаз — плоский: он вытек» [173] (с. 314).

Но кто мог быть врагом у поэта, которого столь настойчиво на протяжении всего существования советского голема упорно втоптывали в грязь, называя пьяницей и хулиганом, наркоманом и сумасшедшим?

Чуть позже для подобного рода людей изобрели иное очень емкое слово — диссиденты. И если им не удавалось вовремя улизнуть за кордон, то о них больше уже никто и не вспоминал — они исчезали в «дурке».

Есенин же был первооткрывателем «дурки» в качестве единственной тогда еще возможности для своего спасения. Но со смертью поэта эта возможность спрятаться от лап режима умерла также. И это лечебное учреждение, с тех пор, стало испытанным средством борьбы «народной власти», то есть власти инородцев в стране русских, с инакомыслящими — то есть мыслящими национально.

Юрий Кублановский об избытке открытости борьбы Есенина замечает:

«Большевицкую бойню посчитали за народную революцию даже и Бердяев, Клюев, Волошин. Третий Интернационал в досталь попользовался этим отрицательным элементом национальной природы, пока не надел на нее свой железный намордник. В этом смысле гибель Есенина не только таинственна, но и глубоко символична. И впрямь — со своей неумностью, вызывающим ощущение оккупированности России Есенин был бельмом в глазу в обеих столицах, у многих чекистов наверняка чесались руки с ним расправиться. Насильственность его смерти очень вероятна... и не всегда

понятно, почему некоторые с излишней настойчивостью ее отрицают, тем самым невольно выгораживая чекистов» [«Литературная газета». «Век Сергея Есенина». № 39, 27. 09. 1995].

А вот выгораживание этими «некоторыми» чекистов понятно как раз таки достаточно хорошо — ведь революция, как любил говаривать при уничтожении созданного чекистской властью голема, СССР, Михаил Меченый, — продолжается. А, значит, продолжается вместе с ней и геноцид русского народа — ведь тех самых Гайдаров, которые Тимура с командами в свое время рекламировали, сменили их собственные внуки и рекламируют теперь хоть и прямо противоположное, но, на самом деле, все то же самое. Рекламируется бес-предел февраля, который, по замыслу архитекторов, медленно и плавно сменится новой кровавой диктатурой — антихриста.

Так что Юрий Кублановский удивляется зря — все эти Гайдары и гайдаровцы, как некогда ранее — Тимуры и тимуровцы, как были, так и остались в одной команде — разрушителей России.

Да и национальности они все какой-то такой уж слишком сильно одинаковой, которая, на самом деле, отнюдь не ограничивается принадлежностью к хананейской, польской или немецкой диаспоре проживающих в России инородцев. Ведь чтобы иметь иную русскому народу ментальность, проживая с ним вроде бы и бок о бок, и даже в одной и той же стране, нужно иметь и иную русской *культуру*.

Таковую, аккурат, и занес к нам Петр I. И стоит лишь повнимательнее взглянуть на всех его культом порожденных аристократов, как тут же в глаза никак не может не броситься очень очевидная отличительная от русского человека деталь вечернего туалета дам высшего декольтированного общества — ни одна из них не имеет на шее Креста!

Так что это не класс ни какой и не общество — это культ! Культ безбожия, который и породил собою столь казалось бы удивительнейшую и совсем именно для русского человека вовсе и не свойственную перемену образа жизни: революцию.

Вот как выглядит семантическая расшифровка этого культового почему-то всегда столь революционно настроенного класса (семантическую таблицу см.: [177]):

АРИСТОКРАТЫ — то обожествляющие глубинность заданности в русском мире сатанизма.

И вот как появление этого «класса» определяется из недр нашего исторического прошлого еще начала XIX в.:

«Не одни евреи пользовались такой составляющей как бы “род недуга” благосклонностью русской власти. Целые немецкие княжества пересаживались под видом колоний на широкое тело России. Немецким крестьянам, не оказавшим ни малейших заслуг России, давались дворянские по величине поместья. Немцы на долгие годы освобождались от налогов и повинностей, им давалось самоуправление, им разрешалось быть иностранцами, и в тоже время они пользовались всей защитой русской государственности. Прибалтийский край, потомство тевтонов, пятьсот лет разорявших наши границы, и ливших кровь русскую, сделалось питомником новой аристократии. Наши герои вроде Ермолова, спасшие Россию, как высшей почести просили “производства в немцы”. Другая широкая струя, влившаяся в нашу знать, были шведы — за подобные же государственные заслуги! Третья струя — поляки. Четвертая — кавказские инородцы, армяне, грузины, татары, греки. В течение двухсот лет самое сердце нашей национальности — аристократия растворялась во всевозможных примесях, между которыми большинство были племена, исторически враждебные России. Невероятное пестрое крошево всевозможных наций, вероисповеданий, культур, традиций, предрасположений смешивалось, как в помойном ведре химика, в смесь мутную и нейтральную. Кислотные и щелочные элементы погашали друг друга,

и в результате учетверенной, удесятеренной метисации получился аристократ-интеллигент, существо с крайне дробной, мозаической душой. Равнодушная вообще ко всему на свете, эта всечеловеческая душа, кажется, специально презирает Россию [теперь уже только в прошедшем времени: “презирала” — А.М.]. Вот где самое слабое место нашей народности — наша правящая знать... Россия слишком быстро раскрыла свои границы и включила в них слишком много врагов своих. Не какого-нибудь деревянного коня, что погубил Трюю, — Россия втянула в себя несколько царств, которые еще недавно воевали с ней, и имела наивность думать, что это усилило ее. Может быть огромные приобретения... усилили бы нас, если бы мы отнеслись к ним, как англичане к своим завоеваниям, то есть постарались бы выжать из них все соки. Наше полуинородческое правительство не было одержимо этим пороком. Жиденький патриотизм его никогда не доходил до национального эгоизма. Покорив враждебные племена, мы вместо того, чтобы взять с них дань, сами начали платить им дань, каковая под разными видами выплачивается досель [1909 год]. Инородческие окраины наши вместо того, чтобы приносить доход, вызывают огромные расходы. Рамка поглощает картину, окраины поглощают постепенно центр. В одно столетие мы откормили до неузнаваемости, прямо до чудесного преобразования, Финляндию, Эстляндию, Курляндию и Польшу. Никогда эти финские, шведские, литовские и польские области не достигали такого богатства и такой культуры, какими пользуются теперь [1909 год]... В чем же секрет этого чуда? Только в том, что мы свою национальность поставили ниже всех. Англичане, покорив Индию, питались ею, а мы, покорив наши окраины, отдали себя им на съедение. Мы поставили Россию в роль обширной колонии для покоренных инородцев — и удивляемся, что Россия гибнет!.. мы — некогда племя царственное и победоносное — сами накликали на себя чужеземцев, мало того: победили их для того, чтобы силой посадить себе на шею!

...Разве можем мы теперь мечтать о каких-нибудь победах? Конечно нет. Как организму, который кишит посторонними, внедрившимися в него организмами, России прежде всего нужно подумать об элементарном лечении. Что из того, что тело нашей Империи огромно и румянец еще горит на исхудалых щеках? Пока народом нашим питаются другие народы — она не воин. Пока мы — добыча евреев, поляков, немцев, армян, мы не встанем... Если бы Господь помиловал нас и послал разум, отнятый за какие-то грехи, то перед тем, как думать о великих победах, народ наш почистился бы и полечился» [45] (с. 155–157).

Так ведь самое главное даже не в том, что инородным колониям и даже целым народностям в завоевавшей их России было даровано право безоговорочной своей преимущественности перед коренной народностью. С травлей русского человека мы как-то уже давно свыклись и не видим в этом ничего особенного. Но сильно удивляет именно то, что инородные князьки были допущены в «высшее» общество глупых и жадных до наживы Плюшкиных-Коробочек, которое эти предприимчивые новоиспеченные господа, что и вполне естественно, достаточно легко сумели облапошить и встать во главе корабля, некогда пущенного Петром в неизвестность. Вот он-то, этот новообразованный суррогатом необычайно пестрой инородчины так называемый «класс», весьма благополучно и докатил всю эту жирующую на нашем теле иноземно мудрствующую *чернь* (культовых потомков негров — туземного населения Ханаана), до закономерно уничтожившей их власть в нашей стране хананейской революции.

А каким образом на всю эту разномастную публику проще всего оказать воздействие?

«Нужно подкупить ее... Нечестные люди, чтобы захватить власть, бесконечно льстили... Они обещали несбыточные реформы и удерживались на теплых местах лишь подачками...» [45] (с. 164).

Но самое здесь главное в том, что вероисповедание этой новоявленной разноязыкой и разноверной якобы русской аристократии объясняется самым простым фактором: поклонением всей этой серой бездушной массы полностью противостоящему русской народности кумиру — туземной нации Ханаана едиnorodному божеству. Тому самому, которое и породило ересь уже нынешних времен — современный экуменизм.

А потому становится вовсе и не удивительным, что атеистически настроенные евреи, проживающие в России, свою культуру относят ко временам всех этих декольтированных балов, на которых сами-то они, к их вящему сожалению, своего присутствия запечатлеть тогда еще и не могли. Но уж больно хотели, а потому и помогли своим на тот день господам освободиться от тяготившего их изнеженные ранимые натуры нелегкого бремени сваленного на них Петром несметного богатства, которое они уже и прокучивать-то к тому времени просто замучились...

Потому хананеи, являясь истинными последователями медицинской науки Асклепия, исключительно из своих человеколюбивых побуждений, решили не допустить смерть этих не в меру прожорливых гупи от переедания, а даже пустить им кровь — исключительнейше для их же пользы.

Таким образом, извечно революционные хананеи и освободили Россию от пиявок, постоянно требующих просто астрономических доз шампанского и паюсной икорки. Освободив же от интернационал-аристократов умирающее тело несчастной страны, присосались к ней теперь уже сами. Вот и культ этих самых аристократов, вместе с его господствующим в стране положением, оставили в наследство именно себе.

И этот самый «Пролеткульт», который никак не мог бы миновать Сергей Есенин, был просто переполнен людьми именно этой самой столь теперь кажущейся странной национальности — жидо-аристократической, которой и в природе, казалось бы, и места быть не должно.

Но она была. И составляющие ее костяк почитатели ее культа, совершенно без какой-либо натяжки считающие себя истинными наследниками культуры Пушкина, Толстого и Тургенева — русские хананеи, достаточно недвусмысленно относили себя к наследникам великой русской так называемой классической литературы. И такое отношение хананеев из «Пролеткульта» особенно четко прослеживается из разговора Надежды Вольпин с приятелем Есенина поэтом имажинистом, Мариенгофом, где Вольпин сообщает о давности происхождения культуры Сергея Есенина, лежащей в основе его менталитета, так:

«...он старше нас на много веков!

— Как это?

— Нашей с вами почве — культурной почве — от силы полтора года, наши корни — в девятнадцатом веке. А его вскормила Русь, и древняя, и новая. Мы с вами — россияне, он русский.

(Боюсь после этой тирады я нажила себе в Мариенгофе злого врага)» [«Звезда Востока» № 3, 4. Ташкент, 1987. С. 158].

И *россиянами* они являются не потому, что хананеи, но потому, что представляют из себя передовых работников новой культуры — Пролеткульта. И с правящим в XIX в. классом они имеют общее вероисповедание: безбожие. Но именно на нем и основана эта самая столь странно сходная их с аристократами XIX в. ментальность!

А ведь об этих любителях паюсной икры Сергей Есенин высказался достаточно определенно:

Веками шли пиры за пиром
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.
Народ стонал, и в эту жуть
Страна ждала кого-нибудь...

И он пришел... [29] (с. 304).

Но не один аристократ оказался повинен в подпиливании сука, на котором сидел. И не только хананей столь настойчиво пытались выбраться из своего рабского положения, в которое их определило проклятье, наложенное на потомков Хама патриархом Ноем. Появились и иные персонажи, очень активно участвующие в захвате власти в России в 17-м году масонами. Сейчас достаточно отчетливо выясняется, что революционеры были напрямую связаны и с блатным миром, тысячелетиями расшатывающим нашу экономику. Причем, вовсе не спонтанно, но явно по заданию заказчиков, столько лет остававшихся в тени. Тому подтверждением и является использование захватившими власть комиссарами древних подземелий Северной Одессы в военных целях — ведь только контрабандисты знали эти подземные коммуникации в совершенстве. Писавший о Есенине Е. Блажевский очень точно эту догадку подтверждает:

«...Сергей Александрович был истинным сыном своего жестокого века: времени первых аэропланов, первых скоростных автомобилей, первой мировой войны, первой русской революции и октябрьского переворота, когда **банда окрестных уголовников** оказалась во главе державы» [«Литературная газета». Век Сергея Есенина. № 39, 27. 10. 1995].

Здесь говорится об уголовниках именно из того самого мрачного подземелья, которое и упрятывало, вплоть до «октября», всю эту страшную подземную реку в катакомбы Северной Одессы, которая аристократическому обществу, времен Тургенева, была сродни в самом главном — в менталитете. Что и воплощалось в их совместном русского народа разграблении. Ведь после отправки по бросовым ценам за кордон через Петербург очередной партии нам и самим-то постоянно не хватающего нашего богатства — хлеба — мы получали свой традиционный продукт питания уже после его прохождения через пауков, раскинувших свои сети в Одессе. И вновь нищел от этого крестьянин наиболее холодных (потому и наименее урожайных) центральных областей. Ведь даже склонное к автаркии царствование Александра III никак не могло защитить нищую Рязанщину Есенина от неприкрытого грабежа со стороны солнечной Бессарабии и Средней Азии, мандариново-лимонной Грузии и теплой картофельной Польши. Однако же вернуть страну в режим разграничения ее на экономические друг от друга закрытые регионы не осмелился даже и он.

Потому и пропадала столь воспетая великим поэтом его родная сторонushка в извечной своей нужде никакого выхода уже и не видевшая.

И говоря о вопиющей нищете своего родного края, Есенин вовсе ничего не преувеличивал. Ведь у него у самого от пожара сгорел дом. А сгорел-то именно из-за того, что семисантиметрового двойного слоя теса, которым русский человек испокон веков привык крыть крышу, в приокских северских деревнях покупать было не на что. Ведь когда к стране стали прибавляться земли с более благодатным климатом, а нам на шею посажен столь обожающий пиры целый паразитический класс, Волго-окский край стал систематически расхищаться приставленными еще Петром пауками и пиявками, постоянно требующими все новых рек шампанского и все новых берегов из паюсной

икры. Не на что стало купить русскому крестьянину тес на крышу, а потому и приходилось закрывать ее столь пожароопасной соломой...

И разницы между старыми и новыми паразитами Есенин не видит, чем закрепляет себе от этих пауков приговор, после смерти вождя подытоживая самоубийственность вех указанного им направления:

И мы пошли под визг метели,
Куда глаза его глядели:
Пошли туда, где видел он
Освобожденье всех племен [29] (с. 304).

И вот эти *племена*, уж слишком непонятно от чего *освобожденные*, как слишком отчетливо выяснилось после захвата ими власти, откачку крови стали осуществлять в еще более астрономических размерах, чем их предшественники. Что теперь, после чуть ли ни века правления хананейской диктатуры, обнаруживается в потере половины русского населения России. Мало того, в просто астрономическом увеличении численности проживающих на ее территории инородцев и иноверцев. Потому Есенин пишет о наследниках вождя:

Еще суровой и угрюмой
Они творят его дела... [29] (с. 305)

Так что удивляет теперь не то, что они поэта все же убили, но что терпели так для них опрометчиво долго. Ведь Есенин этих неких «они» к тому времени уже раскусил давно («Ленин» написан в январе 1924 года). А потому и вел с ними непримиримую войну. И вот он и оболган ими, и убит...

Очень интересен случай, когда поэт, увидев в рядах своих слушателей рука руку моющих представителей новой власти с откровенными уголовниками, пришедших поглазеть на ежедневно устраиваемую для них «спектаклю», не стал ломать шапки перед коррумпированно-криминальным сборищем представителей некоего «избранного народа» (на самом деле — *проклятого* — см: [119], [121], [123]):

«Вечером 11 января 1921 года на эстраде кафе поэтов “Домино”, находившегося на Тверской улице, 18, выступали молодые поэты. В зале сидели барышни, фарцовщики, советские чиновники и откровенные уголовники!

Неожиданно объявили выступление Сергея Есенина. Публика словно проснулась — все повернулись к эстраде. В программе его не было. Он вышел в меховой куртке без головного убора. Всегда веселый и улыбающийся он был бледен:

— Вы думаете, что я буду читать вам стихи? Нет, я вышел чтоб послать вас всех к...! Спекулянты и шарлатаны!

Оскорбленная публика закричала, повскакивала с мест... Но до расправы над Есениным в Лубяньских подвалах дело не дошло...» [«Московский комсомолец» 10. 08. 1995].

И эта статейка, которая, как и все иные в духе МК, слишком напичкана свойственной желтой прессе безцеремонностью, полностью раскрывает нам контингент той публики, которая, на тот момент, представляла собой элиту советского общества, созданного ленинской революцией. И эта полная идиллия советских чиновников, фарцовщиков и обыкновенных уголовников вновь раскрывает истинное лицо захватившей у нас некогда в стране власть клики, которая и теперь, в лице их внуков, точно также все продолжает находиться «у руля».

Но почему Есенина не «устранили» сразу же, как только поняли о его вредоносности для планов по уничтожению русской деревни?

Революционные бонзы надеялись все же использовать популярность Есенина. Они желали его принародного покаяния. А для этого окружили поэта целой толпой своих платных тайных сексотов, которые ежедневно настойчиво уговаривали его выбросить из головы все эти его «крестьянские мотивы». Этому была свидетельницей, о чем и сообщает в своих воспоминаниях, почему-то оставленная в тени мать младшего сына поэта — Надежда Вольпин. Она сама была поэтесса, а потому окружающая Есенина среда была и ее средой. И ей всегда было очень не понятно то странное обстоятельство, что навязчиво стремящиеся опекать поэта его «друзья» при их встречах постоянно начинают назойливо убеждать поэта в его безталантности, уговаривая все бросить и заняться чем-нибудь другим. А вот теперь, наконец, стало известно, что все эти прилипалы от искусства были самыми обыкновенными платными сексотами НКВД-ГПУ. И политика на уничтожение России была целиком и полностью сосредоточена на уничтожении ее деревни, чьим самым главным защитником и являлся в ту пору русский поэт:

«Певец деревни и хранитель ее духа, поэт колоссальной социальной силы, Есенин вступил в трагическое противоречие с временем и с генеральной линией партии на раскрестьянивание, а по сути — на уничтожение крестьянской России» [«Комсомольская правда» 8. 09. 1990 г., с. 4].

Дочь Есенина так отвечает на вопросы корреспондента касательно смерти ее отца:

«Корр.: Это правда, что Есенина отпевали дважды: в Москве и Константинове?»

Н. Есенина: Да, священники хорошо отличают самоубийцу от убитых... через некоторое время после смерти Есенина отец сказал маме, что Сергей не повесился, а убит тяжелым предметом...» [«Шанс!» № 4, 1990 г., с. 2].

В.Ф. Наседкин ездил за гробом поэта в Ленинград. И он своими глазами прекрасно видел проломленную голову поэта. Так что уже и тогда были люди, которые не собирались упорно замалчивать открывшуюся им правду. И одно только отпевание покойного явно доказывает насильственную смерть поэта от рук убийц.

«...Мама мне и брату еще сказала: никогда не касаться смерти Сергея Александровича Есенина, никогда никому не говорить, кто его убийца. И вообще от этой темы надо отходить, иначе все закончится так же, как кончилось с нашим отцом. А его расстреляли, как и нашего двоюродного брата Юрия — Георгия Сергеевича Есенина...

Были времена, когда за чтение стихов Есенина могли исключить из комсомола. А после опубликования поэмы “Пугачев” была следующая рецензия: “Не место таким поэтам среди советских поэтов”...

Корр.: Такая короткая жизнь... Сейчас бы Есенину исполнилось 95.

Н. Есенина: Нет, его все равно бы убили. Его часто ловили в пролетках, без причины забирали в милицию и били, били... Ему и до 35 не дали бы дожить» [«Шанс!» № 4. 1990 г. с. 2, 3].

Не дали бы дожить, то есть выйти из кризиса, и Царской России. Ведь когда Есенин опубликовал посвящение своей книги «Голубень» Императрице Александре Федоровне, на него дружно набросилась вся пишущая братия — как справа, так и слева:

«Не произойди революции, двери большинства издательств России, притом самых богатых и влиятельных, были бы для Есенина навсегда закрыты. Таких “преступлений”, как монархические чувства, русскому писателю либеральная общественность не прощала. Есенин не мог этого не понимать и, очевидно, сознательно шел на разрыв. Каковы были планы и надежды, толкнувшие его на такой смелый шаг, неизвестно. Но, конечно, зря Есенин не стал бы так рисковать. Революция, разрушив

эти загадочные расчеты Есенина, забавным образом освободила его от неизбежных либеральных репрессий» [34].

«Такова была парадоксальность ситуации в царской России: находиться в оппозиции к правительству было гораздо безопасней, чем в оппозиции к “либеральному” общественному мнению» [38] (с. 9).

А ведь и действительно — что скрывалось за столь самоубийственным поступком? Ведь таким образом Есенин не только закрывал себе вход в великосветские модные салоны, но и всякую возможность быть где-либо напечатанным! Он становился изгоем. И обрекал себя на это добровольно.

А ответ на эту загадку, столько лет, казалось бы, неразрешимую, достаточно прост: да надоело ему фиглярствовать перед этим классом кровососов, давно уподобившемуся свинье у дуба. Он прекрасно понимал, что все эти пирующие за счет разграбления его Отечества черви подгрызают именно тот самый сук, на котором сами же и сидят. Потому никакого будущего за ними Есенин и не видел.

Но единственной силой, которая лишь одна на тот момент являлась русской, была власть Православного Царя, которую он, как истинный патриот своего Отечества, и обязан был в трудную минуту поддержать. Потому Есенин и оказался во дворце. Потому и не побоялся стать изгоем. Ведь во всей этой толстопузой своре дармоедов, называвшейся русскими литераторами, он все равно был чужой. И они ему были чужие. Потому и поддержал Есенин именно ту власть, которая лишь одна представляла собою Православие на Земле Русской.

Однако же силы были слишком не равны и подгрызшие сук черви могли теперь умереть только лишь с ним самим. Потому и свершилась практически без помех эта самая «бескровная» (*бес-кровная* — то есть кровно родственная *бесам*), которая, однако ж, ко всему прочему открыла собою возможность к возобновлению творчества Есенина:

«До революции, чтобы “выгнать из литературы” любого “отступника”, достаточно было двух-трех звонков “папы” Милюкова, министра, и на всех остальных, недавних вершителей литературных судеб, превратившихся в сановников “великой, бескровной”, Есенину, как говорится, было “плевать с высокого дерева”. Ему было прекрасно известно, что “настоящие люди” сидят не в министерствах Временного правительства, а на даче Дурново, в особняке Кшесинской, в “совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов”...» [34].

В те времена это прекрасно знали все. А потому:

«Совет продолжает действовать так, как если бы он был правительством, и он уже пытался заставить министров обратиться к союзным правительствам по вопросу о мире» (Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston 1923, p. 111)» [89] (с. 339).

Разговору, заметим, о мире, который в чисто пропагандистских целях являлся самым главным козырем захватившего в тот момент власть в стране учреждения — Совнаркома. Что знали люди, в эти тайны посвященные. Знал эту «тайну Мадридского двора» и Есенин.

Но целенаправленность идеи февраля подтверждает даже и Керенский, возглавивший вроде бы и противостоящий «Совету» орган власти — временное правительство. В своих речах о продолжении войны вот как он описывает причину, ради которой его коллегами масонами и был совершен дворцовый государственный переворот:

«...идеи **социализма**, ради которых мы осуществили революцию» [89] (с. 354).

То есть те самые идеи, которыми оперировал ленинский большевицкий «Совет»!

Есенин общался со всеми, а потому вхож был практически в любую среду. Даже большевицкую:

«Связи в этой среде открывали все двери, уничтожали последствия любого, не только опрометчивого поступка, но и любого преступления. У Есенина же через Рюрика Ивнева, Клюева, Горького, Иванова-Разумника, Бонч-Бруевича, знакомства, разветвляясь, поднимались до самых “вершин” — до Мамонта Дальского, Луначарского, Троцкого, до самого Ленина...

Прежде всего для Есенина сближение с большевиками не имело неизбежного для любого русского интеллигента зловещего оттенка измены. Наоборот, по его тогдашним понятиям, это Временное правительство изменило Царю и народу, а Ленин, отняв у Керенского власть, выполнил народную волю. Так, по-мужицки, инстинктивно рассуждал он сам. Так думали и его тогдашние друзья: Клюев, Пимен, Карпов, Клычков.

...Среди примкнувших к большевикам интеллигентов большинство было проходимцами и авантюристами. Есенин примкнул к ним, так сказать, “идейно”. Он не был проходимцем и не продавал себя. В Смольный его привели те же надежды, с которыми полтора года назад он входил в Царскосельский дворец. От Ленина он, вероятно, ждал приблизительно того же, что от Царицы. Ждал осуществления мечты, которая красной нитью проходит сквозь все его ранние стихи, исконно русской, проросшей сквозь века в народную душу мечты о справедливом, идеальном, святом мужицком царстве, осуществиться которому не дают “господа”.

Клюев, повлиявший на Есенина больше, чем кто-нибудь другой, называл эту мечту то “Новым Градом”, то “Лесной Правдой”. Есенин назвал ее “Инонией”. Поэма под этим названием, написанная в 1918 году, — ключ к пониманию Есенина эпохи военного коммунизма... — яркое свидетельство истинности его безбожных и революционных увлечений.

Очищенная от стилистических украшений и поэтических иносказаний, эта “мужицкая мечта” Есенина-Клюева сводилась в общих чертах к следующему. Идеальное “Лесное Царство” наступит на Святой Руси, когда в ней будет уничтожено все наносное, искусственное, чуждое народу, называемое Империей, культурой, интеллигенцией, правовым порядком и т.д. Надо запустить красного петуха, который все это сожжет. Тогда-то и встанет из пепла, как Китеж со дна озера, Новый Град. Откуда запустят красного петуха, справа или слева, что поможет осуществиться на Руси “Лесной Правде” — дубинка Союза Михаила Архангела или динамитные жилеты и бомбы террористов, — особого значения не имеет...

Клюев после захвата власти большевиками выразил все это в замечательном стихотворении. К сожалению, помню из него только несколько строк, но и они достаточно выразительны:

Есть в Смольном потемки трущоб,
Где привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С останками Руси Великой.
Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах...

То, что “Великая Русь” лежит в Смольном в гробу, — отнюдь не выражение горя Клюева по поводу ее смерти или негодования по адресу ее убийц из Смольного. Совсем наоборот. Скорее радость — долгожданное начало сбывается. Былая Русь, пусть “великая”, но господская, интеллигентская, “не наша”, наконец, умерла — туда ей и

дорога. Место для Нового Града расчищено. И Ленин — сегодняшний убийца Святой Руси — подходящий строитель будущей. Стихи отмечают радующие Клюева в Ленине черты: керженский, то есть народный, мужицкий дух. Игуменский, то есть одновременно хозяйский и монастырско-церковный “окрик” в декретах. Ясно: Ленин — человек стоящий, правильный, свой. И помогать ему — “правильное дело”, долг каждого мужика.

Боже, свободу храни
Красного государя коммуны!

— тогда же восклицал Клюев. И в те дни для него, для Есенина и для близких им по духу людей, а таких было много, это звучало не нелепостью, как теперь, а торжественным “ныне отпускаеши...”» [34].

«из письма от 7 февраля 1923 года: “Я перестал понимать к какой революции я принадлежал? Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской... В нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь”» [90] (с. 30).

Однако ж в ответе Демьяну Бедному на его кошунственное «Евангелие» Есенин высказывает в унисон Клюеву эту их общую когда-то единую мечту:

Я верю, что, стремясь по нужному пути,
Здесь, на земле, не расставаясь с телом,
Не мы,
но кто-нибудь ведь должен же дойти
Воистину к Божественным пределам!

То есть именно в Воскресение Святой Руси, что теперь уже для него явно отодвигалось в слишком далекое будущее, и в самые последние отпущенные ему Богом дни продолжал верить давно понявший большевицкий обман Сергей (см.: «Нева», 1999, №10).

«Есенинской защите Иисуса Христа сочувствовали тысячи людей, знакомых с поэмой, по умножавшимся спискам стихотворения. За такое знакомство некоторые смелые читатели заплатили свободой и даже жизнями (см.: «Родники Пармы», 1993, № 3–7)» [172] (с. 255).

А потому, вполне осознавая все более отчетливо грозящую ему от новых властей неминуемую скорую расправу, он венчался в Церкви — ведь венчание смывает все грехи. Это все равно, что родиться заново. Однако же «черный человек» — со всех сторон глядящий на него с запыленных портретов отлученного от Церкви писателя (Льва Толстого) — выгнал Есенина вновь на улицу, где и настигла его смерть от руки большевицких палачей, которые, избивая Сергея в своих застенках, на этот раз за отповедь Демьяну Бедному, явно переусердствовали. Ведь версия убийства Есенина якобы в пьяной драке финским ножом, в тот момент, была не к месту. Потому как в это же самое время проходил съезд партии и смертью поэта могли воспользоваться для уничтожения своих соперников конкурирующие в борьбе за власть группировки. Потому была столь срочно и топорно отработана эта на тот момент всех устраивающая версия с самоубийством.

Однако ж имеется и иное на этот счет мнение, что позже будет рассмотрено подробно.

И очень не зря, когда его родственники в очередной раз во время посещения Есениным Константинова поинтересовались, кому нужны его стихи, поэт ответил, что их поймут через 100 лет.

Время, между прочим, потихонечку подходит. Может быть Воскресение Святой Руси именно к нему и приурочено? А ведь зерно, чтобы дать всходы, сначала должно умереть...

Однако ж на самом деле в 17-м году умерла вовсе не Святая Русь, но лишь давно смердящий зловонием самоизъядения труп Великой России, созданной на основе экономического разграбления центра присоединенными к нему окраинами. Это странно выглядящее теперь государство было спроектировано масонством при посредстве еще Лжедмитриев для откачки крови с ее территорий густо распложенными пауками и пиявками, сотни лет безбедно паразитирующими на ее теле после уничтожения власти Богом данной на одной шестой части суши (см.: «Неизвестное о Романовых» (готовится к печати)).

Этот-то извечно требующий морей шампанского класс, спроворенный узурпировавшей власть в стране кликой, и должен был, по замыслу Клюева-Есенина, «приказать долго жить» — ведь просто «поискать вшей» в пустившей корни повсеместно кишашей гниде уже давно было бесполезно. Нужна была очень хорошая баня — кровавая (которую, собственно, и принесли с собою большевики). А потому поэты града Китежа так спокойно разрешали себя обмануть. Ведь иным выходом из кризиса была тоже революция. Но революция с привлечением опричнины — в стиле Ивана Грозного, на которую Николай II все же не пошел (А может быть не позволили ее ввести, упредив этот шаг вероломным предательством?! Ведь *буденовка*, пошिताя в виде русского шлема — это не изобретение большевиков, но новая русская форма, которую собирался ввести, после победы над врагом, Николай II).

Однако же Есенин, будем справедливы, встал в лагерь всеми преданного покинутого не только высшими сановниками, но даже и своими родственниками — Русского Царя. И встал под его знамена в самый тяжелый и ответственный момент практически один — ведь не даром все эти пауки с пиявками дружно хором заголосили, что появился, мол, Новый Распутин.

Но Царь, преданный генералами, временным правительством был пленен. А потому Есенин с Клюевым, после красного переворота, вполне законно и оказались в лагере именно большевиков — те явно намеревались уничтожить паразитов, веками терзающих родину Есенина. Но, вместо освобождения от инородных присосок, властью, объявившей себя народной, на самом деле затевался грандиозный обман, на который и попались мужички, даже и в снах своих самых кошмарных не ведающие, что собираются делать с захваченной страной большевики уже не в своих пропагандистских лозунгах, но на самом деле.

Но Есенин, в отличие от Клюева, лишь дал себя обмануть. То есть показал, что повелся на пропаганду. Однако ж большевики эту приманку заглотили. Потому так долго с Есениным и церемонились — ведь с его помощью они надеялись подрубить у русского человека столь накрепко увязывающие его со своей землей корни. И в случае удачи они рассчитывали с помощью всеми любимого поэта узаконить создаваемый ими геноцид. Ведь все эти Бедные да Маяковские популярностью своей пользовались лишь у воров, проституток и партийных работников. Русский же человек тянулся исключительно к Есенину. Потому наш поэт и стоял всегда у вождей народов костью в их всепожирающем горле. И хоть и мог сослужить им очень хорошую службу в целях пропаганды, но мог и завалить всю эту их затею под корень. Ведь террор не может длиться вечно и вчерашние попутчики, в лице обманутых крестьян, скинув со своей шеи гидру пролетарской революции, очень даже запросто могут прикончить как и ее саму, так и не успевших еще как следует укрепнуть ею распложенных дракошек.

Вставал достаточно серьезный вопрос: как нейтрализовать Есенина?

И вот каким образом его попытались решить.

Операция «золотая голова»

«...нужда преследовала поэта аж до 1921 года. Можно сказать, до встречи с Айседорой Дункан. Он положил ей голову на колени, она поцеловала его яркими, как рана, губами и, теребя его волосы, сказала:

— Solotaia golova!

Откуда она знала эти русские слова? Ведь это была их первая встреча» [«Красная звезда» 3. 10. 1995, с. 4].

А ведь и действительно — откуда?! Ведь и много позже искусством изъяснения по-русски *Красная Дунька* не то что не блистала, но не была ознакомлена и с самыми элементарными понятиями о нем.

Однако же их знакомство, вначале, никакого бурного романа не предвещало. Что и зафиксировал в своих воспоминаниях о поэте Георгий Иванов:

«В конце 1921 года в Москву, в погоне за убывающей славой, приехала Айседора Дункан.

От “божественной босоножки”, “ожившей статуи” осталось мало... Но это ничуть не мешало ей наслаждаться овациями битком набитого московского Большого театра... танцевала в еще не избалованной иностранцами “красной столице”. И вдобавок танцевала с красным флагом! Восторженные аплодисменты не прекращались. Сам Ленин, окруженный членами Совнаркома, из царской ложи подавал им сигнал.

После первого спектакля на банкете, устроенном в ее честь, знаменитая танцовщица увидела Есенина. Взвинченная успехом, она чувствовала себя по-прежнему прекрасной. И, по своему обыкновению, оглядывала участников банкета, ища среди присутствующих достойного “разделить” с ней сегодняшний триумф...

Дункан подошла к Есенину своей “скользящей” походкой и недолго думая обняла его и поцеловала в губы. Она не сомневалась, что ее поцелуй осчастливит этого “скромного простачка”. Но Есенина, уже успевшего напиться, поцелуй Айседоры привел в ярость. Он оттолкнул ее: “Отстань, стерва!” Не понимая, она поцеловала Есенина еще крепче. Тогда он, размахнувшись, дал мировой знаменитости звонкую пощечину. Айседора ахнула и в голос, как деревенская баба, зарыдала.

Сразу протрезвившийся Есенин бросился целовать ей руки, утешать, просить прощения. Так началась их любовь. Айседора простила. Бриллиантом кольца она тут же на оконном стекле выцарапала:

Esenin is a huligan,

Esenin is an angel!» [34].

Ну, во-первых, кто еще там из них был пьян нужно бы определить поточнее. Ведь это не Есенин, якобы пьяный, кинулся целовать в губы Айседору, но как раз наоборот: полезла целоваться именно она. Мало того. Даже когда ее совершенно очевидно грубо отпихнули, что на любом языке означает одно и то же, то она от своего все равно не отступилась и вновь полезла целоваться, явно при этом рискуя получить по физиономии! И получила...

И напрашивалась на оплеуху она вовсе неспроста — ее покровителями природа поступков русского человека давно изучена. Ведь у нас — лежачего не бьют! Вот она и нарывалась попасть под горячую руку вспльчивого Есенина, о чем прекрасно была осведомлена. А это, между прочим, — прекрасный повод для знакомства!

И если под покровительство западной звезды сам Есенин скорее всего мог бы и не пойти, то уж теперь, в качестве утешителя обиженного им человека, был практически обречен на это неизбежное знакомство.

Вот и получается теперь, в интерпретации этой встречи современниками тех событий, что: чисто случайно «среди шумного бала» наткнувшаяся на Есенина только что приехавшая в Россию иноземка, несмотря на свой не первый сюда приезд ни слова по-русски не понимающая, вдруг выводит на стекле и фамилию своего обидчика, и неизвестный ей термин — *хулиган*.

А присовокупим-ка к выше выявленному еще и «золотая голова».

Тут сомнений больше не остается никаких. Ее приезд в Москву имел одну единственную цель: перековка или, в худшем случае, хотя бы временная нейтрализация главного поэта завоеванной масонами России — Сергея Есенина.

Убивать его, к тому времени, было достаточно небезопасно: мертвый поэт тут же преобразится во флаг оппозиции и без всего этого еле удерживающегося у власти кровавого режима. Мало того, 1921 г. был засушлив, что сулило возможность объявить чрезвычайное положение из-за неурожая. И именно организуемый голод мог послужить поводом к разграблению Русской Церкви. Потому хотя бы на это время Есенина необходимо было куда-нибудь сплавить: в России во время голода он мог оказаться достаточно опасен.

Таким средством и явилась в прошлом разрекламированная на весь свет исполнительница древних языческих культовых танцев — Айседора Дункан.

И ее связь с масонами достаточно не сложно прослеживается лишь еще музыкой, на которой основывалось исполнение ее танцев. И если впоследствии обнаружится ее связь даже с Адольфом Гитлером, то это не станет чем-либо удивительным — ведь Вагнер и Ницше, Шопенгауэр и Лист — вдохновляли как автора «*Mein Kampf*», так и древние танцы Айседоры. И ведут они через языческие камлания Артемиды к сакраментальным обрядам альбигойцев, за которых и мстил потомкам организаторов Варфоломеевской ночи во времена французской революции «Вечный Жид». Все они были настояны на «Персифали» и «Нибелунгах», древнем гностицизме и чаще таинственного Грааля.

Про свой танец будущего Айседора говорит так:

«Этот танец должен стать молитвой!» [26] (с. 181).

Достаточно однозначно Айседорой Дункан в книге «Моя жизнь» описано посещение главного античного храма в Афинах, чью культуру она исповедовала, всю свою жизнь стремясь воспроизвести ее своим танцем:

«Перешагнув последнюю ступеньку Пропилеев, увидели храм, сиявший в утреннем свете. Мы хранили молчание, ибо перед нами была красота могущественная. **Красота эта вселила странный ужас в наши сердца**» [26] (с. 64).

А бесы, чьим местом обитания и является это место, иных чувств внушить бы и не могли. Вот как расшифровывается семантика терминов, имеющих отношение к греческому язычеству:

ПАРФЕНОН — *изначально отрицательное знание — разрушительная половинчатость.*

ПРОПИЛЕИ — *обожествляемому сатанинскому постоянству родственный сплав.*

АФИНЫ — *небесная слепота сил бесовских.*

АТТИКА — *это сил бесовских подобие.*

Так что было чему там ужаснуться! Ведь это туристически устроенное семейство, само того не понимая, забралось в самое скопище бесов, тысячелетиями собираемых сюда античными дьяволопоклонниками.

Да и нравы у древних обитателей данной местности были совсем не те, что общепринято сегодня считать:

«Чтобы понять, что такое был знаменитый афинский демос, нужно читать не трагиков, а Аристофана... — что это была за пошлая толпа! Сколько невероятной

грубости, цинизма, раболепия, трусости, суеверия самого темного и разврата самого неистового — и где же! У самого подножия знаменитого Парфенона и боговидных статуй!»[45] (с. 163).

Так что эта самая их культура, Западом и Петром с его «птенцами» со наследники признанная классической, на самом деле являет собой эталон отвратительного невежественного варварства, которое отколовшейся от Православия в иноверие Европой стало объявлено образцом человеческого общежития.

Однако же мы теперь знаем, что слава их этого самого «прогресса» — дутая. А все достижения техники, которые у них имелись, ими были просто украдены у соседствующих с ними славянских народов: эллинами — у пеласгов, латинянами — у этрусков.

В своем первом еще дореволюционном путешествии по России Айседора Дункан очень сильно была удивлена отношением к ней ведущих артистов русского балета:

«...меня посетила маленькая дама... к моему изумлению, она объяснила, что она танцовщица Кшесинская. Она пришла приветствовать меня от имени русского балета и пригласить на торжественный спектакль в опере в тот же вечер. Я уже привыкла встречать в Байрете холодность и вражду. Танцовщицы балета доходили до того, что рассыпали гвозди на моем ковре, о которые я ранила себе ноги. Эта перемена отношения была для меня одновременно и лестной, и удивительной» [26] (с. 81).

Но столь учтивое отношение вроде бы и конкурентов удивительным, на самом деле, не оказалось — ведь русский балет никакой конкуренции никогда не боялся. Князь С.Е. Трубецкой так отозвался о своем первом долгожданном посещении Парижа и ознакомлении с бытовавшей в нем в ту пору культурой, являвшейся эталоном для всего западного мира:

«Во время моего пребывания в Париже я случайно встретил там проезжавшую со своими детьми тетю Варю Лермонтову. Она хорошо знала Париж и дала мне немало советов для его осмотра. Раз как-то она предложила ехать с нею в какой-то маленький “очень парижский” театрик. Тетя Варя, очевидно, не знала, на что мы с ней попадем! Если бы представление шло на любом другом языке, кроме французского, оно было бы совершенно невозможно в присутствии дамы...

Раза два я был в Париже в Опере: раз на опере и раз на балете... Я был очень разочарован. Мне говорили, что опера в Париже стоит не очень высоко, но я все-таки не ожидал, *насколько* она была ниже московской по голосам, постановке и декорациям. О балете и говорить нечего» [76] (с. 85).

Так ведь не московский балет, который здесь имеет в виду Трубецкой, был в ту пору у нас в стране ведущим, но именно столичный — императорский!

Вот и Дункан от увиденного была просто в шоке:

«Я враг балета... Но нельзя было не аплодировать русским балеринам, когда они порхали по сцене, скорее похожие на птиц, чем на человеческие существа» [26] (с. 81).

И вовсе не с красотой русского балета приезжала бороться в Советскую Россию всемирно знаменитая танцовщица Айседора Дункан — он непобедим. Она приезжала, чтобы основать школу жреческих ритуальных месс древних катаров и альбигойцев, гностиков и манихеев, чьи корни уходят в эллинскую Аттику к развалинам Парфенона. Ведь свой танец будущего Айседора Дункан еще в 1907 году видела в следующих формах:

«О Деметра... я пела твои священные песни пред варварами наших дней, и мне удалось заставить их внимать им... И ты, о златокудрая Ирида!.. часто возносила я молитвы к твоему ободряющему изображению... И ты, о необыкновенная

Терпсихора... в тенистом **Аде** моя душа пусть тоже танцует лучшие танцы в честь тебя» [26] (с. 183).

Называть *ад* с большой буквы и стремиться к его «тенистости»?!

Тут можно лишь посочувствовать этой любительнице «Нибелунгов» и «Персифаля»...

А ведь там, между прочим, в этом тенистом с ее точки зрения заведении, «плач и скрежет зубов»!..

Но она такого не понимает и не желает понимать. Потому сама туда настырно лезет и пытается тащить за собой других.

«...будущий танец действительно станет высокорелигиозным искусством, каким он был у греков. Ибо искусство без религиозного благоговения — не искусство, а рыночный товар» [26] (с. 185).

И это именно у катаров и альбигойцев переняла свои религиозные движения Айседора. Потому и оказалась, в конце концов, именно в той стране, где все эти наследники Грааля свили свое гнездо — в СССР.

Но ведь во всей случившейся с Айседорой Дункан столь странной историей даже смерть ее детей полностью походит именно на заказное убийство. Ведь причастный к случившемуся шофер машины:

«...уволился сразу и через некоторое время купил себе виллу за сумму, которой он, казалось бы, не должен был обладать...» [26] (с. 190).

И если учесть, что за избранных Айседорой кумиров, со слов Элифаса Леви, мстит французским королям «вечный жид крови и мести», окропляя кровью казненного на гильотине Людовика французский народ, то полная тождественность тайной организации вождя казненных Филиппом Красивым тамплиеров и танцами знаменитой «босоножки» не вызовет каких-либо сомнений.

И все эти: альбигойцы и катары, гностики и алхимики, коммунисты и члены временного правительства — признают лишь один единственный цвет своего флага — красный. Потому-то именно с ним и блистала своими успехами Айседора Дункан (Красная Дунька). И о ее каких-то там уже при путешествии с Есениным сверхуспешных гастролях говорить не приходится. Ведь оплата счетов разгромленных именно ею зеркал и стекол в самых дорогих ресторанах — являлась лишь частью строго запланированной программы, следуя которой Есенин, по задумке организаторов, должен был войти во вкус роскоши, что полностью отрезало ему дорогу назад — в голодную и холодную Россию.

Но материальные ценности в среде народа, чьи дети уже с пяти лет постигают азы грамотности, не ценились никогда. А потому поэт, делаясь об увиденном впечатлениями со своими московскими друзьями, описывает за границу так:

«Там, из Москвы, нам казалось, что Европа — это самый обширнейший район распространения наших идей и поэзии, а отсюда я вижу: Боже мой, до чего прекрасна и богата Россия в этом смысле. Кажется, нет такой страны и быть не может...»

Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет, **здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока не встречал и не знаю, где им пахнет.** В страшной моде Господин доллар, а на искусство начхать, самое высшее — мюзик-холл. Я даже книг не захотел издавать здесь...» [«Красная звезда» 3. 10. 1995, с. 4].

«Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод... зато у нас есть душа», «Так хочется мне отсюда, из этой кошмарной Европы, обратно в Россию...» [100] (с. 100).

Но и сегодня там все то же. Вот что сообщает на эту тему доктор исторических наук Наталия Нарочницкая:

«Американцы в целом и в личном общении — очень дружелюбные, доброжелательные, очень простодушные. Мировосприятие с одной стороны инфантильное, очень упрощенное, как у десятилетних детей, уверенных что их дом самый лучший, что мама самая красивая, а папа — самый сильный. С другой стороны самое прагматическое и рационалистическое. **Любой советский слесарь имеет более панорамное объемное мышление, чем американский инженер.**

Америка — воплощение протестантского духа и либерализма...

...это цивилизация без культуры как порождения духа. Именно в Америке, где я могла жить и работать лишь одной десятой своей личности, я вдруг постепенно стала убежденным славянофилом» [46] (9–10).

Так отозвалась об этой жующей цивилизации именно более близким к ней знакомством и перекованная из западничества в славянофильство автор фундаментального труда «Россия и русские в мировой истории».

А потому этой сытой и ограниченной за границе так и не удалось склонить к измене своему народу нищего русского поэта.

Вот что Есенин сообщает о своих проблемах с похитившей его из России Айседорой случайно встреченному им в Берлине Георгию Иванову:

«Ругаемся мы часто. Скверно это, сам знаю. Злит она меня. Замечательная баба, знаменитость, умница, а недостает чего-то, самого главного. Того, что мы, русские, **душой** зовем...» [34].

Так что весь этот удивительный роман, как с самого его начала, так и до конца продолжал выглядеть достаточно странно.

Очень похоже, что поняв полную безперспективность перековать русского поэта в безликую борзую шавку революции, Айседора получает задание создать миф о патологии поэта: алкоголизме, буйстве, развратных действиях. То есть его якобы полном умопомешательстве. Именно такой миф и обязан был увенчать себя «Англетером».

Однако же теперь становится понятным, что отнюдь не Сергей Есенин, но именно Айседора устраивает разгром в отеле «Крийон», самом фешенебельном среди всех французских отелей, про что сам поэт спокойно отзывается: «это она зеркала била». А потому — не она от него в Германию уезжает, а он от нее.

Айседора же настаивает на нем и там, вновь учиняя скандал с новым разгромом. На этот раз в ресторане самого дорогого уже теперь в Германии отеля — «Адлон». И вновь вся вина за разгром приписывается Есенину. Однако же:

«Врач, зайдя в номер Айседоры и Сергея и поговорив с обоими, назначает инъекцию морфия (в то время он применялся для снятия возбуждения у психических больных)... Айседоре Дункан и дает Есенину советы, как лечить его слишком эмоциональную супругу...

Легенда о психической болезни Есенина не подтверждается и немецким психиатром» [«Ветеран» № 11 (115), с. 14].

И вообще, в воспоминаниях как самой Дункан, так и ее лучшей подруги Мэри, уж слишком многое оказалось неприкрытой ложью. А потому и посчиталось сведущими о действительности происходящих некогда событий людьми загадочным и непонятным.

Однако же теперь, после раскрытия закулисной организации, чью религию исповедовала и несла с собою в обезумевший мир Айседора, все это «непонятное» всплывает на поверхность, обнаруживая полное сходство навязываемого Петром I и «босоножкой» вероисповедания — античного язычества.

Феномен притяжения

Всем нам давно уже стал очевидным факт, что практически все мало-мальски поднявшиеся вверх по служебной лестнице русские советские партийные выдвиженцы почему-то оказывались всегда женатыми исключительно на еврейках. И как бы кто к такому ни относился, но это факт, который опровергнуть невозможно.

По этому поводу в ультра патриотической прессе даже имеются достаточно аргументированные высказывания, подтверждающие наличие проводимой сионистами в жизнь потворствующей таковым бракам политики. Ведь дети от таких браков считаются евреями, так как гои, называющиеся отцами сионизма — скотом, в этих половых связях как люди вообще не рассматриваются. А сожителство евреек со скотом иудаизмом не только не возбраняется, но приветствуется. Этот порок, впрочем, как и все иные подобного рода пороки, их идеологией в качестве порока не рассматривается.

Однако же хоть суть данной доктрины нам вроде бы как нашими патриотами и освещается, но существование этого странного влечения русских гениев к еврейкам и наоборот — так все же и остается достаточно загадочным и ничем не объяснимым фактом. Ведь всем прекрасно известно, что насильно мил, все-таки, — не будешь!

Но почему же именно еврейки, как правило, столь с удивительнейше завидным постоянством оказываются женами практически всех сколько-нибудь видных советских бонз?

А все очень просто. Еще на самом взлете карьеры прочувствовать величину будущей своей жертвы им помогают... — *бесы!*

Но почему помогают именно еврейкам?!

Так ведь именно иудаизм всегда и стоял во главе практически всех когда-либо возникавших сатанинских вероучений! А потому бесы для них уже с рождения — свои. Вот они им и помогают в выборе супруга.

Однако ж и сами эти, как их часто именуют, бесы во плоти, при этом вовсе не плошают. Но находят нужных людей для продвижения вверх своих избранных. При этом ни перед чем не останавливаясь. В том числе и перед тем, чтобы с нужным человеком наставить рога своему супругу. Ведь по части подобного плана гешефтов их религия им такого не только не возбраняет, но такое даже приветствуется, в отличие от религии нашей. Потому-то только еврейки и могут быть женами выдвиженцев в странах, подобных нашей. То есть в атеистических государствах, лишенных своих корней и своих исконных национальных ценностей.

Между тем, это самое для всех для нас столь теперь обыденное — «бес в ребро», причем даже и тогда, когда «седина в голову», означает достаточно точно русским человеком некогда и подмеченную особенность возникновения этой самой «любви земной», на которой, собственно, и основано атеистическое общество. Ведь именно *этой любви* все у нас ждут, надеются на нее, от нее и сгорают обычно, что является вполне логичным завершением «помощи» этих злобных существ.

Так что именно не воцерковленный человек и является законной добычей бесов, представляющих собой невидимых дирижеров столь обычно роковых последствий от этой самой повсеместной — *роковой* любви. Воцерковленный же человек лишь один и имеет от этого самого — «бес в ребро» — средства какой-либо защиты. Однако же мало кто может в полной мере воспользоваться этими средствами индивидуальной защиты — ведь при самом малейшем ослаблении бдительности — бесы тут как тут!

А Сергей Есенин как раз и является наиболее заметной жертвой этих не материализованных сущностей, которые именно евреек ему всегда и подсовывали. И

когда Есенина пытались обвинить в антисемитизме, то услышали достаточно аргументированное по этому поводу возражение, что он — напротив — любит евреев, и у него дети — евреи. Ведь как и любой иной по-настоящему русский человек он всегда прекрасно осознавал чисто интуитивно, что русскость, то есть Православие, даже и негра со временем преобразит в белобрысого и синеглазого, то есть истинно, опять же, русского человека. Это он чуял нутром, то есть подсознательно. И его стихи, напрочь увязанные с нашей исконно Православной то есть *небесной* землей (землей, где *нет бесов*), всегда могли очень сильно повлиять на осознание своей причастности именно к Русской Земле давно потерявшего всякую ориентацию русского человека, уже было превратившегося в забывшую свое родство дворянью. Бесов они, конечно же, не отгоняют, но возможность припомнить чисто свои отличительные национальные особенности все же дают. Ведь сама эта, столь давно нам понятная, но загадочная для инородцев — *русская душа* — присутствовать может только лишь у нас. Причем не только русские, но даже и россияне некоторую толику от нее в себя, пожив среди нас, все же со временем получают. И именно за нашими границами этой самой *души* Сергей Есенин, к вящему своему удивлению, так и не обнаружил. Потому и вернулся обратно — ведь за рубежами нашего Отечества живет исключительно тот самый «Черный человек», поэма о котором станет для него последней. И потому ему, Сергею Есенину, там делать нечего — ведь все внимающие его поэзии души людей остались исключительно здесь — в России.

И столь бурно внедрявшая беса ему «в ребро» эта очередная еврейская Дульцинея (Красная Дунька) возвращению поэта из страны «черных людей» воспрепятствовать уже более никак не могла, хоть и колотила стекла в отелях и периодически сдавала поэта в «дурку», пытаясь обрубить ему этим столь не хитрым способом все пути назад.

Но ему и дела не было никогда до какой-то там «репутации». Ведь лишь прикидываясь психически больным ему и можно было как-либо попытаться уйти от преследования подсылаемых к нему сексотов ГПУ.

Между тем, кроме Дункан, у него были и иные бурные романы. И именно с еврейками.

Да, у временно ушедшего от Православия поэта никакой защиты от направляющих амуры ему «в ребро» бесов уже не было.

АМУР — разрушитель мужества силами бесовскими.

Вот потому нашего поэта и окручивали эти сущности с такой поразительной настойчивостью. Мало того — пили из него кровь по капельке — в растяжку. Стоит лишь припомнить изменившую ему Райх, которая, даже выйдя замуж за Мейерхольда, только большее стала жалить его, зная о любви поэта к своей дочке.

И амуров было много — ведь бесы успокаиваются лишь тогда, когда ими взбаламученный клиент, не найдя выхода, накладывает на себя руки.

Но Есенин, в отличие от всех этих суицидчиков, выход все же нашел. Так в чем же он заключается?

В самом простом для нормального русского человека: он венчался в Церкви! Тем и обрубив присоски бесами ему весьма щедро понаставленных пиявок...

Потому и чувствовал себя в последние месяцы своей короткой жизни — поистине прекрасно. Ведь именно нелюбимый им сын Константин (Есенин подозревал, что он ему не родной) из всех этих самых настоящих ему родственников фактически лишь один (исключая убитого именно за попытку сказать правду о смерти отца его старшего брата) полностью отрицает какую-либо хоть малейшую возможность самоубийства отца. А потому лишь он один, несмотря даже и на всякую иную возможность кровной своей родословности, является истинным сыном Сергея Есенина чисто по духу. Он — русский, а потому и не пожелал усвоить столь настырно всему близкому окружению

поэта спецслужбами режима щедро внушаемой лжи. Ведь она внедрялась не только газетной пропагандой и угрозой расправы, и даже не конечным результатом мешающей рождению правды о смерти поэта советской идеологии. Версию о якобы самоубийстве помогали впитать в себя бесы, от которых принявшие теорию атеизма люди не имеют фактически никакой защиты. Вот поэтому вдолбленная в подсознание эта теория и не позволила близким поэта кровным родством людям полностью отвергнуть официальную версию о его якобы самоубийстве.

И лишь теперь, когда большевицкий голем приказал, наконец, «долго жить», и стало возможным хоть как-нибудь подступиться к этому долгие годы сокрытому от нас безбожной властью кровавого режима табу.

Тайна гостиницы «Англетер»

Расследование обстоятельств смерти Сергея Есенина Эдуард Хлысталов смог начать лишь после своего ухода на пенсию — ведь у старшего следователя со знаменитой Петровки 38, судя по все возрастающей за последнее время преступности, дел на его безпечной работе более чем хватало. И давно задуманное предприятие все оставлялось на «потом».

В самом начале ознакомления с произошедшими некогда в гостинице «Англетер» событиями Эдуард Хлысталов, пользуясь своим многолетним опытом работы, разглядел явную умышленность не только убийства Сергея Есенина, но и сокрытия совершенного преступления работниками правоохранительных органов. Ведь все обстоятельства версии, принятой официально, с самого еще первого взгляда оказались полностью не соответствующими действительно произошедшему в гостинице «Англетер»:

1. «На лбу трупа, чуть выше переносицы, крупная гематома (шишка). Про такое телесное повреждение эксперты-медики говорят, что оно причинено тупым твердым предметом и по своему характеру опасно для жизни и здоровья» [78] (№ 184).

И все это притом, что «очевидцы» уверяют, что Есенин в последний вечер был трезв. Но ведь шишка-то может разбухнуть только у живого человека! А уж полковник милиции Эдуард Хлысталов в криминалистике толк знает — ведь он ушел на пенсию с должности старшего следователя. И ведь возглавлял при этом не провинциальный Урюпинск или Жмеринку, но сам МУР.

Между тем отнюдь не случайно на ловко смонтированных газетных фотографиях Есенина эта явно бросающаяся в глаза деталь отсутствует.

2. «Поэт В. Князев написал сразу же после гибели С.А. Есенина стихотворение:

В маленькой мертвецкой, у окна
Золотая голова на плахе:
Полоса на шее не видна —
Только кровь чернеет на рубахе...

Но почему у покойного поэта не видна strangulation борозда?

После тщательной проверки архивных документов установил, что В. Князев не только видел труп в морге, но и выполнял неприятную обязанность получать там какие-то вещи, принадлежащие Есенину» [78] (№ 184).

3. «На первой фотографии мертвый Есенин лежит на диване обитом дорогим бархатом или шелком. Видимо его только что вынули из петли. Волосы взлохмачены, верхняя губа опухшая, правая рука в околении повисла в воздухе. На ней следы

пореза. И сколько я ни всматривался в фотокарточку, признаков наступления смерти от удушения не видел. Не было высунутого изо рта языка, придающего лицу висельника страшное выражение. Да и удивляет сам факт, что труп положили на диван, ведь у повешенных ослабевают мышцы мочевого пузыря и другие мышцы...» [78] (№ 184).

Да, до удивительности ставшие длинными языки повешенных людей представляли всегда очень страшную картину и запихнуть такой уже окостеневший язык обратно в рот представляется делом достаточно не простым, *если не невозможным*.

Мало того. У удушенных, как отмечает Эдуард Хлысталов, руки всегда опущены вниз. А потому именно это окостенение изогнутой руки полностью опровергает наступление смерти в результате удушения.

4. А самым главным аргументом, который почему-то все забыли, является отпевание погибшего поэта в Церкви. Ведь висельников священникам отпевать категорически запрещается!

Мало того, это священнодействие над телом покойного фактически и является официальным признанием Русской Православной Церковью как умышленности совершенного властями злодеяния, так и последующего ими над убитым телом христианина кощунственного глумления!

А ведь Сергей Есенин незадолго до своей смерти обвенчался и тем фактически смыл с себя в том числе и вполне заслуживающие суровой кары грехи. Потому его смерть русскими духовными лицами и была занесена не иначе, как в ранг мученичества.

Что зафиксировано как священником в самой Москве, при отпевании, так и священником в Константиново.

А ведь оба рисковали головой! Ведь этим признанием лживости состряпанной большевиками версии они рисковали своими жизнями!

Вот она где была, Русь Святая, которую столь настойчиво всю жизнь свою искал Сергей! Ведь сколько раз он предавал ее, спасаясь от неминуемой смерти очень опасным заигрыванием с большевиками. Однако же, когда с ним самим случилось несчастье, свои головы на плаху смело положили оба священника, от которых зависело более чем многое: возможность подачи записок о его поминовении людьми на Руси, остающимися русскими!

И это куда как несравненно важнее бюстов в бронзе и прочих атрибутов некоего «увековечивания»! И дело здесь даже не в самой бессмертной душе поэта, хоть и это является самым важным после смерти любого человека, но в возможности поставить его в лагерь защитников Святой Руси, на стороне которого он и воевал до самого последнего своего вздоха. И именно за нее и оказалась его «золотая голова» сложенной «на плахе».

Вернемся к причинам, которые побудили Эдуарда Хлысталова взяться за раскрытие этого преступления века:

«Чем больше я знакомился с литературой о С.А. Есенине, тем больше возникало вопросов. И я решил провести настоящее расследование дела спустя 63 года» [78] (№ 185).

Между тем, большие трудности при получении полковником Хлысталовым следственных материалов достаточно однозначно определяются желанием советских властей воспрепятствовать распутыванию следов своего преступления. Практически на всех папках стоит магическое: «Не выдавать».

«В архивах меня предупреждали, что подобное расследование пытались провести и другие лица, но потом отступались. Я решил довести дело до конца.

Как известно, жизнь и творчество С.А. Есенина пришлось на сложный исторический период нашей страны: империалистическая война, две революции, неслыханная по

своей жестокости гражданская война, невиданный голод, произвол властей, красный террор, массовые расстрелы врагов и невинных, полная разруха народного хозяйства, разграбление музеев, церквей, библиотек, архивов, вывоз за границу золота и национальных ценностей...» [78] (№ 185).

Действовала строгая цензура. Потому и не проходили в печать какие-либо выступления поэта против власти. И приходилось сильно ретушировать свои высказывания — ведь в противном случае стихи никогда не вышли бы в печать. От того все эти кажущиеся теперь странными заигрывания с кошкой, которые мышка с ней вела умением периодического перед самым ее носом пронесения вкусно пахнущей колбасы, чьим запахом и заглушала голос ее страшного разума. И кошка становилась обманута поэтом с завидным постоянством, а потому все больше проявляла свое нетерпение, что и отображалось в усилении давления на играющего с ней в кошки-мышки поэта, так до самого своего конца и не прекратившего свою рискованную затею.

Между тем, постоянно ищущие к чему придраться власти ко всем прочим «грехам» постоянно пытались навесить на русского поэта даже и антисемитизм. А ведь по тем временам, что не без доли грусти о былых своих возможностях вспоминали заставшие те страшные времена сослуживцы Хлысталова, арестовать и избить любого человека — не составляло практически никакого труда. Так что великому певцу России приходилось достаточно не сладко. И обнаруженные в последний год жизни поэта признаки чахотки на самом деле и являются следствием этих его постоянных избиений «правоохранительными» органами.

Но им этого было мало. Поэта хотели предать суду. К моменту смерти на него было заведено 13 уголовных дел!

«...и только знакомство с архивными документами ГПУ позволит выяснить причину, почему он не был арестован. Возможно, постоянная бдительность и не позволила ему попасть в руки стражей порядка.

...20 февраля 1924 года председатель Краснопресненского суда Комиссаров (подлинную фамилию предстоит установить) вынес определение о срочном взятии под стражу С.А. Есенина и до последнего дня жизни его могли арестовать в любую минуту» [78] (№ 185).

После изучения хотя бы разысканных следователем Хлысталовым документов, им произведен достаточно однозначный вывод:

«Теперь можно утверждать, что уголовного дела по факту трагической гибели С.А. Есенина не возбуждалось, никакого расследования причин трагедии не проводилось» [78] (№ 190).

Все «свидетели» уж очень путаются в своих признаниях, постоянно противореча ранее ими же высказанному. И их версия с происшедшим, между прочим, не вяжется совершенно. Ведь одно то, что ноги поэта висели на высоте полутора метров от пола говорит о том, что затаившийся на вертикальной трубе петлю человек был ростом намного выше Есенина.

Мало того. На такую высоту, следуя предложенной нам «госверсии», потребовалось бы как-то умудриться взгромоздиться вообще без рук: ведь Есенину необходимо было здоровой рукой зажимать разрезанную правую руку, чтобы из нее не брызгала кровь...

Здесь, судя по всему, следовало бы произвести следствие. Ведь само место преступления, как и снесенный Ельциным Ипатьевский дом, просто обязано было вывести следователя на убийцу. Ведь нынешние новшества в судмедэкспертизе вполне способны раскрыть любое преступление. Даже и произошедшее более трех четвертей века назад.

Но сегодня даже посмотреть на этот номер не предоставляется никакой возможности. Ведь эту первокласснейшую во всем городе гостиницу — снесли! И, думается, уж вовсе не случайно, а лишь по той же самой причине, по которой снесли и Ипатьевский дом.

«...хочется высказать сомнения в объективности заключения (часть акта оторвана, полностью его прочитать нельзя)...

Сомнение в подлинности акта вызвано следующим:

1/. Акт написан на простом листе бумаги без каких-либо реквизитов, подтверждающих принадлежность документа к медицинскому учреждению. Он не имеет углового штампа, гербовой печати, подписи главного врача или заведующего отделением больницы, отсутствует регистрационный номер.

2/. Акт написан от руки, торопливо, со смазанными, не успевшими просохнуть чернилами. Такой важный документ (не только касательно С.А. Есенина, но и любого другого лица) судмедэксперт обязан был выполнить в двух и более экземплярах. Подлинник направляется в милицию, а копия обязательно должна была остаться в делах больницы.

3/. Судмедэксперт Гиляревский Г.А. обязан был осмотреть труп и указать на наличие телесных повреждений, отметив время их причинения, наличие или отсутствие причинной связи с наступлением смерти... Указав в описательной части о наличии под левым глазом небольшой поверхностной ссадины, судмедэксперт не указал механизма ее образования. Отмечая наличие на лбу вдавленной борозды длиной около 4 сантиметров и шириной полтора сантиметра, не отметил состояния костей черепа. Именно поэтому возникает версия об убийстве поэта путем нанесения ему по лицу удара твердым предметом и последующего повешения с целью инсценировки самоубийства. И хотя Гиляревский А.Г. отмечает, что “вдавнение на лбу могло произойти от давления при повешении”, такое объяснение звучит неубедительно.

4/. Выводы в акте не учитывают полной картины случившегося, в частности, не отмечается такой важной детали, как потеря погибшим крови.

5/. Судмедэксперт отмечает, что “покойный в повешенном состоянии находился продолжительное время”... Таким образом Гиляревский А.Г. не подтвердил мнение неизвестного пока врача о времени наступления смерти...

6/. В акте ни слова не указано об ожогах на лице поэта и механизме их образования» [78] (№ 191)...

И еще имеется подтверждающее заказ на прекращение дела письменное свидетельство. В телефонограмме за № 374 имеется запись карандашом номера статьи, по которой закрывались все уголовные дела в те страшные годы. Это явный намек следователю, не заметив который он мог бы сильно рисковать своей жизнью:

«Нет сомнения, что работники милиции в завуалированной форме информировали Гиляревского А.Г., что, по их убеждению, привлечь к уголовной ответственности за гибель Есенина никого не будут и ему следует при составлении акта иметь это в виду.

Подлинность акта вызывает сомнения еще и потому, что мною найдена в архивах выписка о смерти С.А. Есенина, выданная 29 декабря 1925 года в столе загса Московско-Нарвского совета... в графе “фамилия врача” записано — “врач судмедэксперт Гиляревский № 1017”. Следовательно, 29 декабря 1925 года... было представлено медицинское заключение судмедэксперта Гиляревского под номером 1017, а не то, без номера и других атрибуций, необходимых для составления такого важного документа, явившееся основанием для отказа в возбуждении уголовного дела.

Следует иметь в виду, что загс без надлежащего оформления акта о смерти свидетельства не выдаст. Поэтому можно категорически утверждать, что было еще

одно заключение о причинах трагической гибели С.А. Есенина, которое в настоящее время не известно...

...нужно отметить, что только работник милиции, следователь, прокурор или суд вправе сделать вывод, что случилось в гостинице “Англетер”. Ни врач, бывший на месте происшествия, ни судмедэксперт Гиляревский А.Г. не констатировали, что С.А. Есенин покончил жизнь самоубийством» [78] (№ 191).

Между тем газеты, притихнув, ждали взмаха дирижерской палочки, после которого можно будет начинать кампанию травли памяти убитого поэта. И это особенно сильно бросается в глаза при сопоставлении «слова» и «дела» убийц Сергея Есенина:

«В отличие от газетчиков, работники 2-го отделения милиции города Ленинграда вели себя более выжидательно и расчетливо. Они не выносили решения по делу Есенина до 20 января 1926 года, хотя никаких следственных действий за это время не производили. Они ждали реакции общества, друзей поэта, его родных. У гроба поэта были десятки тысяч людей, все видели изуродованное лицо мертвого поэта, но потребовать объективного расследования побоялись даже верные друзья, даже родные. Болтуну, паникеру, распространителю слухов могли вырвать не только язык» [78] (№ 192).

И лишь русские священнослужители одни не побоялись заявить о том, за что «болтуну» *не только вырвали бы язык...*

Между тем: выжидательная позиция работников милиции, явно обезкровленное бледное лицо поэта и даже не смытая, но нагло выставленная напоказ кровь на рубашке — наводят и на еще одно достаточно серьезное подозрение — *ритуальное убийство!*

Ведь проломленная тяжелым предметом переносица могла оказаться лишь прикрытием от обвинения именно в ритуальности злодеяния. Но это предполагалось произвести вместе с дополнительным дознанием лишь в том случае, если народ все же взбунтуется.

А вот тогда-то и можно будет в качестве жертвы представить толпе какого-нибудь террориста, вроде левого эсера Блюмкина (кстати — начальника охраны знаменитого «Поезда Троцкого»), справедливая расправа над которым и приведет Сталина ко столь уже и тогда лелеемой победе над Троцким.

И очень похоже, что такой сценарий был заранее тщательно заготовлен. Но лишь гробовое молчание русского народа спасло тогда столь тонко подставленного под жернова гидры пролетарской революции ее практически же и творца — Льва Давидовича Бронштейна со товарищи.

А потому показалось это столь много значащее убийство сострепанным слишком топорно, так не похоже на почерк его разработчиков! Ведь сценарий заключал в себе именно продолжение «банкета»! И кто знает, каких бы еще многомиллионных жертв стоило бы нам тогда выказать свое по поводу смерти поэта возмущение?!

Но народ безмолвствовал.

А потому для ухода от термина «самоубийство» за столом дознания Вергей и его начальнику Хохлову пришлось выкручиваться следующими фразами:

«На основании изложенного не усматривается в причинах смерти гр. Есенина состава преступления

полагал бы:

Материал дознания в порядке п. 5 ст. 4 УКП направить нарследователю 2-го отд. гор. Ленинграда — на прекращение за отсутствием состава преступления”. “января 1926 г. Завотделом дознания Вергей. Согласен: нач. 2-го отд. ЛГМ (Хохлов)”.

Следователь Бродский также, не проведя никаких следственных действий, согласился с выводом Хохлова.

К этому времени власти развязали руки газетам и журналам. И началось настоящее состязание в подыскании оскорбительных эпитетов по адресу погибшего поэта.

С легкой руки Луначарского, Бухарина, Сосновского, Авербаха, Крученых и других С.А. Есенину были приписаны: наркомания, алкоголизм, развратные действия, злостное хулиганство...

Особым вниманием редакторов и издателей пользовались воспоминания друзей, знакомых, очевидцев, в которых они с упоением повествовали о пьяных куражах Есенина, покушениях на самоубийство, унижении женщин, лечении в психиатрических лечебницах. Упорно и методично в народе формировали убеждение, что Есенин был пьяница, дебошир, шизофреник, и ему ничего другого не оставалось, как повеситься...

Наконец, появились гневные предложения отдельных политиков вычеркнуть имя Есенина из русской литературы, запретить печатать и читать стихи опасного “нытика”, мешающего революционному народу стройными рядами двигаться к лучезарному будущему... Поэзию С.А. Есенина приказано было забыть.

Время требовало другой литературы, бодрой и оптимистической.

И никто не обратил внимания на гневные слова Бориса Лавренева в адрес тех, кто сделал все, чтобы так трагически завершилась жизнь поэта: “...И мой нравственный долг предписывает мне сказать обнаженную правду и назвать палачей и убийц — палачами и убийцами, черная кровь которых не смоет кровавого пятна на рубашке замученного поэта”» [78] (№ 192).

И полную аналогию заметанию следов преступления в Екатеринбурге сносом Ипатьевского дома отображает уничтожение теми же властями имеющегося на них компромата в городе Ленинграде — гостиницы «Англетер»:

«В конце марта снесена была гостиница в Ленинграде, последний кров поэта» [«Московская правда» 27. 05. 1987 «Сохраним дом поэта»].

Этот снос приурочен аккурат к началу задуманной врагами Отечества рассчитанной на возврат к февралю 17-го года «перестройки». Потому следы и были замечены сносом самой фешенебельной гостиницы. Принесенные же этим действием как исторические потери, так и чисто финансовые — не в счет. Ведь ритуальным резникам важнее сохранение навязанной ими версии. Ведь именно петля оставляет на их жертве самое страшное против Русского Бога преступление. И оно может быть смыто лишь Правдой. Которая лишь одна и может нам раскрыть истинную картину совершенного злодеяния.

А ведь последний год своей жизни поэт провел фактически в бегах. Ведь отнюдь не случайно он оказался под дулом пистолета эсера Блюмкина. Террорист был полностью уверен в своей безнаказанности, а потому вовсе и не шутил. И лишь чудом Есенин ушел тогда от смерти. Чудом же продолжал уходить от нее и весь этот год, несмотря на непрекращающуюся травлю со стороны органов советского «правосудия».

Миф о «Черном человеке»

Настоящая и *единственная супруга* Сергея Александровича Есенина, Софья Андреевна Есенина (Толстая), в разговоре с Ю. Прокушевым развеяла и еще один миф о якобы самоубийстве ее законного супруга:

«— Как ни странно, — задумчиво произнесла Софья Андреевна, — но мне приходилось, к сожалению, слышать, и даже у кого-то читать, что “Черный человек” писался чуть ли не в состоянии опьянения в каком-то бреду. Какой вздор, какая дремучая обывательщина! Взгляните еще раз на этот черновой автограф. Как жаль, что

он не сохранился полностью. Ведь “Черному человеку” Сергей отдал так много сил. Написал несколько вариантов поэмы. Последний создавался здесь. В этой комнате. Да, да! Здесь, в ноябре двадцать пятого года. Два дня напряженной работы. Я хорошо помню. Сергей почти не спал. Закончил — сразу прочитал мне. Было страшно. Казалось, разорвется сердце. И как досадно, что критикой “Черный человек” не раскрыт, не понят, — продолжила Софья Андреевна. — А между тем — я рассказывала об этом в своих комментариях — замысел поэмы возник у Сергея в Америке. Его потряс цинизм, безчеловечность увиденного, незащищенность человека от черных сил зла. “Ты знаешь, Соня, это ужасно. Все эти биржевые дельцы — это не люди, это какие-то могильные черви. Это «черные человеки»”.

Об этом же Сергей писал и в своих зарубежных письмах...»

Вот, например, что писал он Мариенгофу:

«Все эти люди, которые снуют быстрее ящериц, не люди — а могильные черви, дома их гробы, а материк — склеп. Кто здесь жил, тот давно умер, и помним его только мы. Ибо черви помнить не могут».

Между тем всю эту жующую атмосферу склепа сегодня перенесли и в Россию, где копошащиеся по своим безконечным делам черви теперь обязаны приступить к доуничтожению и наших душ.

Вот теперь и миф о предсмертном желании этим самым “Черным человеком” самовольно якобы уйти из жизни нашего национального поэта становится уж слишком очевиден. И зря Толстая-Есенина выводам критиков, будто бы не понявшим ее, так удивляется. Ведь для отработки версии чекистов о якобы самоубийстве именно эта поэма аккуратно и совпадала их проекту осквернения всякой даже и памяти о ее создателе. И извращением смысла этой поэмы они очень ловко воспользовались, как и написанным (или якобы написанным) кровью (или якобы кровью) посмертным письмом Есенина (или якобы Есенина), которое в качестве вещественного доказательства приложить не возможно лишь по одной простой причине: его нет!

Чем оно было написано — непонятно, так как лишь месяц спустя якобы обнаружилось у капитана НКВД-ГПУ в кармане и “очевидцы” могут иметь о нем представление лишь с черно-белой фотографии. Но ведь даже и почерк его автора с Есенинским никто и не пробовал сличать.

А вышло оно “в свет” только через месяц именно потому, что все это время резники выжидали реакции народа! Ощетинившиеся штыки интернационалистов, пушки, пулеметы и чекистские застенки — все давно было изготовлено для подавления очередного «кулацкого мятежа»!

Но народ безмолвствовал.

И лишь по той причине, что прекрасно понимал всю фальшивость произведенной большевиками инсценировки. Это было прекрасно видно “за версту”. Ведь уже в 19-м расстрелянная и практически добитая в 22-м Русская Церковь даже и при самом малейшем нажиме со стороны НКВД — и рта бы не раскрыла! Да ведь священникам просто не дали бы произвести отпевание! Мало того. Ведь чекисты, прикинувшись такими уж дюже «православными ортодоксами», не позволили бы хоронить «самоубийцу» и на кладбище! И для того имелось множество рычагов. Однако же факт отпевания в Церкви дополнила и повседневная поминальная записка об упокоении, в которую вписал имя поэта священник с его родины:

«...константиновский священник Иван Яковлевич Смирнов, человек неординарный, самобытный. Он прослужил в селе Константинове более пятидесяти лет — 1877 по 1929 год... Отец Иван записал умершего Сергея Есенина в свою поминальную книжицу» [«Приокская правда» 20 октября 1988 г., с. 3].

Так что Сергей Есенин не только похоронен по-человечески — по-русски, но и в поминальной книжке у своего духовного отца на Литургии упоминался каждый раз, что так и вообще на версии о якобы произведенном им самоубийстве ставит самый надежный крест!

А ведь с отработкой версии о висельничестве, по тем временам, у властей проблем не было никаких. Да и вообще по части пропаганды они просто непревзойденные умельцы.

Однако же хоронить Сергея Есенина позволили как убитого насильственной смертью. Да и столько подтверждающих явно насильственную смерть следов не пожелали сокрыть?! По какой причине?!

И почему к телу допустили посторонних для НКВД лиц? Зачем потребовалось позволить распустить слух о том, что «полоса на шее не видна, только кровь чернеет на рубашке»? И почему допустили разнести и про «пятна на рубашке замученного поэта»?

Почему таким людям как Князев и Лавренев был не только приоткрыт кусочек случившейся трагедии, но и позволено было разнести молву об этом?!

И почему, самое-то главное, никого из них, после столь на удивление смелых высказываний, никто и пальцем не тронул??? И это в советской-то стране, где массовые убийства инакомыслящих были поставлены в ту пору буквально на поток...

Ответ прост: агентами советских спецслужб провоцировалась очередная братоубийственная бойня!

Но народ безмолвствовал...

К мифу о «Черном человеке», якобы ставшем причиной лишь спустя месяц разнесенной газетами лжеверсии о смерти поэта, необходимо также присовокупить и последнее письмо Есенина, которое он адресовал впервые к нему обратившемуся за помощью молодому поэту из Николаева. В нем нет и капли намека о каком-то там якобы имеющемся желании уйти из жизни. А вот факт слезки и фискальства, которые повсеместно сопровождали поэта, здесь прослеживается куда как более очевидно:

«Дорогой товарищ Цейтлин. Спасибо вам за письмо. Жаль только, что оно застало меня очень поздно. Я получил его только вчера, 12/ XII — 25 г. По-видимому, оно провалялось у кого-нибудь в кармане... ибо **поношено и вскрыто...**» [61]

Между тем из самого этого письма видно, что его задержали более чем на полгода:

«25/ V — 25 г. Николаев.

Дорогой Сергей Есенин!

Я вот уже последние 2 года имею сильнейшее желание снестись с тобой... И вот я решил прибегнуть к письму... Прости, что так вихрасто пишу, ибо и сейчас при твоём имени я волнуюсь и сердце готово выпрыгнуть и умереть...» [61].

Далее молодой поэт рассказывает о необычайной популярности Есенина у них в городе и просит помочь местным поэтам высылкой им своих стихов.

И вот в ответном письме Есенина мы не находим и тени какого-либо горделивого превосходства над своим молодым коллегой:

«...Дарование у Вас безусловное, теплое и подкупающее простотой, только не упускайте чувств, но и строго следите за расстановкой слов...

Избегайте шатких зыблемых слов и больше всего следите за правильностью ударений...

Желаю вам успеха как в стихах, так и в жизни и с удовольствием отвечу Вам, если **сочтете это нужным себе**. Жму вашу руку.

Сергей Есенин.

Москва, Остоженка, Померанцев пер. д. 3, кв. 8» [61].

Юрий Прокушев так комментирует разысканное им последнее письмо поэта:

«...только истинный Художник и настоящий Человек может с такой интеллигентностью и с таким тактом, так доброжелательно принципиально и профессионально точно, с какой-то прямо-таки чеховской застенчивостью вести на равных разговор с начинающим поэтом. Вспомним строки: “с удовольствием отвечу Вам, если найдете это нужным себе”.

И еще: когда я впервые читал это письмо Есенина, мозг все время “сверлила” одна неотступная мысль: человек, который, если верить писаниям всякого рода Крученых и, к сожалению, не только ему подобных “прорицателей”, уже давно одной ногой стоял в могиле, творчество которого в последние годы было лишь дорогой к смерти (!!!), вряд ли бы захотел и смог буквально накануне своей трагической гибели отвечать, да еще столь подробно и “перспективно”, на письмо никому неизвестного молодого литератора» [61].

«По свидетельству Александра Воронского, редактора журнала “Красная новь”, “Есенин был дальновиден и умен. Он никогда не был таким наивным ни в вопросах политической борьбы, ни в вопросах художественной жизни, каким он представлялся иным простакам. Он умел ориентироваться, схватывать нужное, он умел обобщать и делать выводы. И он был сметлив и смотрел гораздо дальше других своих поэтических сверстников”...

...когда все отчетливее стала проявлять себя тенденция денационализации культуры, идущая сверху, в частности от Л.Д. Троцкого, не единожды пытавшегося приманить к себе Есенина, обещая ему средства на устройство журнала, очевидно, рассчитывая на знаменитого русского поэта как на будущего проводника своей политики. Есенин слишком хорошо понял эту игру и неоднократно публично высказывал все, что думал по поводу нездоровой обстановки в культурной жизни России начала 20-х годов. Возмездие последовало жестокое — начиная от клеветы в печати, репрессивных мер и вплоть до трагической гибели поэта 28 декабря 1925 года...

”Будем работать и дружить, — говорил поэт Александру Воронскому осенью 1923 года после возвращения из-за границы. — Но имейте в виду: я знаю — вы коммунист. Я тоже за Советскую власть, но я люблю Русь. Я — по-своему. **Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду. Это не выйдет”...**

“Тени неразумных, не рожденных к посвящению слышать царство солнца внутри нас, стараются заглушить сейчас всякий голос, идущий от сердца к разуму, — писал он в философском трактате «Ключи Марии». — Мы должны вырвать из их звериных рук это маленькое тельце нашей новой эры, пока они не засекли его... Вот потому-то нам так и противны занесенные руки марксистской опеки...”» [28] (с. 43–44).

Но что значит «не засекли»? Не заметили или не забили до смерти?

Однако же вырвать «из звериных рук» это взращиваемое поэтом «маленькое тельце нашей новой эры» тогда так и не удалось — грех царубийства тяготел над нашим народом, опустившимся в пучину навязываемого нам Троцкими с Губельманами безверия. Ведь воссоздание просто Руси без воссоздания святости ее народа — не возможно. А потому хоть и разбежались по границам от выполняющих роль дихлофоса коммунистов все эти сосавшие из нас более 200 лет кровушку столь прохлопавшие некогда за пирами с шампанским гидру пролетарской революции наши доморощенные кровососы, но от звериных лап хозяина дихлофоса лишь проклюнувшиеся для возрождения ростки нашей государственности упасти все же не удалось.

Однако ж и прочимый во властелины зверь и именно в развязке нами распутываемого убийства сам оказался на пороге уничтожения. Ведь подкоп с убийством его явного врага был приготовлен именно под него! И полный его

последующий разгром и бегство за границу лишь предварили скорый его конец от удара ледоруба.

В письме Е. Лифшиц, написанном в августе 1920, читаем:

«Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого...» [28] (с. 44).

А ведь именно столь настырно навязываемое нам тогда классовое шкурничество и породило тот страшный геноцид, которого так стремился избежать Есенин, наведя переправы в ту мужицкую страну, к которой он стремился еще тогда, когда на страницах своей книги опубликовал посвящение Русской Императрице Александре Федоровне. Однако же слуги зверя:

«...рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений...»

...Настало время возрождать разрушенное. Настало время возводить мосты. Долетит ли выпущенный на свободу голубь сквозь “гущу бурь и вьюг” до материка, принесет ли масличную ветвь?.. Будет ли высвобождено из звериных рук это маленькое тельце нашей новой эры?.. Отпустят ли тени неразумных, не рожденных к посвящению слышать царство солнца внутри нас? Как знать...» [28] (с. 44).

И эта притча о голубе становится ясна из Библейского сюжета, где первым в поисках земли был выпущен ворон, которому достичь земли было не суждено. Но лишь голубь, выпущенный позднее, принес Ною в ковчег масличную ветвь. Эту историю и обыгрывает в своем философском трактате «Ключи Марии» Сергей Есенин:

«То, что сейчас является нашим глазом в строительстве пролетарской культуры, мы называем: “Ной выпускает ворона”. Мы знаем, что крылья ворона тяжелы, путь его недалек, он упадет, не только не долетев до материка, но даже не увидев его, мы знаем, что он не вернется, знаем, что масличная ветвь будет принесена только голубем — образом, крылья которого спаяны верой в человека не от классового сознания, а от сознания обстающего его храма вечности» [28] (с. 44).

Между тем для поиска этого Есенинского «храма вечности» в Гималаи или Памир отправляться совсем не требуется. Здесь лишь достаточно обратить внимание на ключевые моменты биографии противостоящего зверю поэта, чтобы о его ментальности можно было судить непредвзято:

- 1/. Крещен в веру русскую.
- 2/. Венчан в Русской Церкви.
- 3/. Убит врагами Православия.
- 4/. Похоронен по всем правилам Русской Церкви.

Вот именно этот «храм вечности» и имел в виду все-таки не избежавший жутких лап зверя отдавший жизнь свою в жестокой борьбе до последнего вздоха за *воскрешение* Святой Руси наш самый национальный поэт всех времен — истинно русский поэт России — Сергей Есенин.

Лезвие бритвы

Поэты ходят пятками по лезвию ножа —

И режут в кровь свои босые души.

В. Высоцкий [40] (с. 311)

Впервые увидев выступление Есенина в «Стойле Пегаса» Софья Толстая отметила: «...предельную обнаженность души Есенина, незащищенность его сердца...» [61].

В своих воспоминаниях она не смогла не упомянуть и доминанты творческого процесса своего мужа:

«...каких душевных, нравственных сил стоило Сергею каждое стихотворение, каждая строчка! Я отлично это знаю. Как крик души вырвалось однажды у Сергея: “Осужден я на каторге чувств вертеть жернова поэм...”» [61].

И полная обреченность поэта в битве со зверем (гидрой пролетарской революции) просматривается из строк его стихотворения «Волчья гибель», где нет страха, хоть развязка явственно близка и неотвратима:

Так испуганно
в снежную выбель
Заметалась
звонящая жуть.
Здравствуй, ты,
моя черная гибель,
Я навстречу
к тебе выхожу!

[«Подмосковные известия» 27. 12. 1994 г., с. 3]

И чувство волчьей затравленности передано поэтом просто с потрясающей силой:

О, привет тебе,
зверь мой любимый!
Ты не даром даешься
Ножу.
Как и ты — я,
отовсюду гонимый
Средь железных врагов
прохожу. [там же]

И именно отсюда и взят сюжет «Охоты на волков»:

Рвусь из сил
И из всех сухожилий.
Но сегодня
Не так, как вчера —
Обложили меня,
Обложили —
Бьют уверенно — на номера.

(В. Высоцкий)

И прототипом травли Владимира Высоцкого была травля Сергея Есенина, которая началась еще до начала самой революции и не завершилась даже после зверской казни «железными врагами» самого поэта — ведь надругательством над его телом и над его памятью было поставлено продолжение той самой борьбы, которая не прекращается и по сей день! Ведь именно версией висельничества и попытались враги русского народа сокрыть следы своего гнусного преступления. Потому-то и цепляются за нее, несмотря на слишком явную ее подложность.

А травля была организована в Советской России так, что Есенин и сообщает о своих настроениях своему другу Александру Кусикову письмом, отправленным 7 февраля 1923 г. в Берлин с борта лайнера «Джордж Вашингтон»:

«...Тоска смертная, невыносимая, чую здесь себя чужим и ненужным, а как вспоминаю про Россию, вспоминаю, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется... Если б я был один, если б не было сестер, то плюнул бы на все и уехал бы в Африку или еще куда-нибудь. **Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть**» [«Подмосковные известия» 27. 12. 1994 г., с. 3].

И 13 уголовных дел, заведенных на Есенина, достаточно красноречиво и подтверждают собою ту травлю, которая ни на миг не прекращалась. Но поэт, постоянно находясь под угрозой смерти, до самой трагической развязки упорно продолжал оставаться быть рупором сердца своего народа:

«”Как это публично делал Есенин, не могло в голову прийти никому в Советской России. Всякий, сказавший десятую долю того, что говорил Есенин, давно был бы расстрелян”, — вспоминал поэт Ходасевич.

Но уже была санкция прокурора на арест Есенина, были повестки из суда и преследования ГПУ. По настоянию жены, Софьи Андреевны Толстой, Есенин дает согласие на госпитализацию в клинику Ганнушкина надеясь, что здесь его власти не достанут.

...Он был уверен, и не без оснований, что за ним постоянно следят и хотят убить.

Во времена Есенина психушка была местом, где можно было скрыться от преследования властей» [«Здоровье» № 9, 1995 г., с. 51–53].

«Возможно, С.А. Есенин и был излишне подозрителен, но современники неоднократно убеждались, что за поэтом действительно следили.

“И вот однажды, когда я ушел в редакцию, а в моей комнате оставались Есенин, девица В.Р. и моя жена, Есенин вдруг почувствовал страшное беспокойство. У него была какая-то болезненная чуткость.

— Нас подслушивают! — сказал Есенин, побледнев.

— Брось, Сережа, тебе показалось.

— Нет, не показалось.

И Есенин стремительно выбежал в коридор. Действительно, у дверей подслушивали. Резким движением открыв дверь, Есенин чуть не сбил с ног наклонившегося к замочной скважине дежурного из охраны. Есенин пришел в испуг. Он схватил дежурного за горло и начал душить. Тот едва вырвался и убежал доложить о случившемся коменданту. Комендант рассудил просто:

— Он тебя взял за горло?

— Не то что взял, а чуть не задушил!

— Оружие было при тебе?

— Так точно!

— Почему же ты его не застрелил?

Дежурный охраны молчал. Тогда комендант К. распорядился немедленно уволить его «за нарушение устава» — за то, собственно, что не застрелил Есенина...» [78] (№ 189).

А ведь и было за что ненавидеть властям столь упорно не поддающегося их дрессировке своевольного поэта:

«...в ЦГАЛИ есть такие строки, которые не вошли ни в один сборник поэта:

Защити меня, влага нежная,

Май мой синий,

июнь голубой!

Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой!
Зная, если не
в далях чугунных,
Кров чужой и сума
на плечах,
Только жаль тех
дурашливых юных,
Что сгубили себя сгоряча.
Жаль, что кто-то нас
смог рассеять
И ничья не понятна вина.
Ты Росея, моя Росея,
Азиатская сторона.

(ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 122).

Вдумайтесь в глубину строк. С какой пронзительной честностью написал поэт об обманутом вождами большевиков русском народе!..

После Февральской революции в Россию селевым потоком двинулись международные авантюристы, террористы всех мастей, психопаты, гомосексуалисты, и всякая другая нечисть, которые увидели возможность урвать для себя различные блага, ценности, произведения искусства» [«Подмосковные известия» 27. 12. 1994 г., с. 3].

«Вся эта масса налетела как саранча... и сразу хорошо устроилась» [100] (с. 100)

И замурлыкала, что и понятно, в свое иноземное ду-ду. Для России такое было просто неприемлемо:

«”Все русское травят и поносят, выдирают с корнем”, — часто замечает Есенин...» [100] (с. 104)

«Сергей Александрович вдруг с удивлением обнаружил, что во всех учреждениях, от правительственных до рядовых, произошла резкая смена национального состава... везде — сверху донизу, на всех руководящих должностях в госаппарате, милиции, ВЧК, в правительственных учреждениях и даже в Госиздате, — он вдруг увидел только евреев...

У Есенина начинается открытый всплеск национализма. На пьянках в кафе, в гостях и у себя дома он истерично выкрикивает: “Жиды проклятые!!!”» [100] (с. 100–101).

В те годы это было очень небезопасно:

«...тогда в практику вошло оригинальное нововведение: если руководитель был несправедлив, и посетитель выражал резкое неудовольствие его решениями, — такое недовольство сразу расценивалось как антисемитизм. А к этому времени уже предусмотрительно был издан декрет “О борьбе с антисемитизмом”, по которому можно было получить 10 лет, а в военное время высшую меру наказания только за слово “жид”» [100] (с. 101).

Вот какие мотивы лежат в основе сфабрикованных на Есенина этих 13-ти уголовных дел! Так что только на борьбе с «заезжими» большевики уже могли санкционировать арест поэта.

О перипетиях этой борьбы:

«...красноречиво говорят строки из поэмы «Страна негодяев», вымаранные цензурой:

Пустая забава,
Одни разговоры,

Ну что же,
Ну что же вы взяли
взамен?
Пришли те же жулики,
Те же воры
И законом революции
Всех взяли в плен...»

[«Подмосковные известия» 27. 12. 1994 г., с. 3].

И это лишь то небольшое, что просто чудом дошло до нас!

А все это лишний раз и подтверждает, что никогда бы и строчки из стихотворений Есенина в советскую печать не просочилось, если бы ему не удавалось закамouflировать свои мысли в некое аллегорическое не доходящее до прямолинейных мозгов зверя (гидры революции) повествование с очень скрытым смыслом. Ведь даже полностью казалось бы прямолинейно богоборческая «Инония» практически в открытую обличает прибывшую на собственном корабле из Америки вооруженную до зубов и финансово сверхобезпеченную «Мемфис Мицраим» банду революционных еврейских террористов во главе с и.о. роли зверя — Львом Давидовичем Троцким — Лейбо Бронштейном:

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, —
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!
[29] (с. 276).

Однако же не столь тупы и малосообразительны были его враги, чтобы так долго их можно было водить за нос. И «Анной Снегиной» поэт лишь скрепил еще «Емельяном Пугачевым» уже фактически подписанный им себе у представителей власти смертный приговор. И поиск удобного случая для приведения этого приговора в исполнение велся уже давно. Однако же Есенин достаточно ловко обходит постоянно расставляемые ему капканы. И висящие на нем 13 уголовных дел — самое яркое тому подтверждение. Не менее убедительно выглядят судьбы людей так или иначе причастных как к творчеству Есенина, так и к его смерти:

«Почти все окружение Есенина было уничтожено — поэта Алексея Ганина расстреляли 30 марта 1925 года. Расстреляли поэта Сергея Клычкова — 8 октября 1937 года, Петра Орешина — 15 марта 1938-го, Павла Васильева — в 1937-м, Николая Клюева — в 1937 году, Ивана Приблудного — в 1939-м. Старшего сына Есенина Юрия... расстреляли в 1937 году... Участковый надзиратель 2-го отделения милиции Ленинграда Николай Горбов, тот самый, который составлял акт осмотра пятого номера гостиницы “Англетер”... через несколько лет после случившегося был арестован и пропал безследно. На место гибели Есенина выезжал агент уголовного розыска Ф. Иванов (но чем он занимался на месте происшествия, неизвестно), вскоре был уволен из органов милиции, осужден и также безследно исчез. Один из понятых, П. Медведев (который подписал акт, составленный Н. Горбовым), был в конце 30-х годов репрессирован и пропал безследно. Неизвестна судьба патологоанатома А. Гиляревского (он производил вскрытие тела Есенина). Его жена в 1929 году выслана и погибла в застенках ГПУ.

...все это входило в план ликвидации поэта. До конца неизвестна роль Эрлиха в трагедии Есенина. ...Его расстреляли в 1939 году. За что? А он ведь в 1930 году напечатал воспоминания “Право на песнь”, в которых просит прощения у Есенина. За

что? Накануне смерти к Есенину приходили его друзья и знакомые, среди них был Георгий Устинов (он работал в Ленинградской “Красной газете”). Позже Устинов как-то пообещал рассказать правду о смерти Есенина, а на следующий день его нашли в петле... Правду он так и не успел поведать. Я здесь привел далеко не всех, с кем расправились, чтобы замести следы убийства Есенина...» [«Подмосковные известия» 27. 12. 1994 г., с. 3].

А ведь Устинову было чего рассказать о смерти Сергея Есенина. Вот какой поразительный факт его биографии, недавно всплывший, более чем красноречиво подтверждает мотивы его гибели:

«Недавно найденное нами “личное дело” Георгия (Жоржа) Устинова (мы об этом писали) позволило установить сенсационный факт, оказывается, 22 декабря 1925 года на заседании партколлегии Центральной контрольной комиссии при ЦК РКП (б) слушалось его заявление о восстановлении в партии (напомним, Есенин отправился в Ленинград 23 декабря). Согласно документам, Жорж в ту пору разошелся с женой и ютился в московской квартире (адрес известен) своего товарища по прошлой работе в “Известиях”, троцкиста-сиониста Петра Подашевского (подробнее см. “Новый журнал”, СПб., 2000, №2). Меж тем Устинов в опубликованных “Моих воспоминаниях...” утверждал, что ко времени декабрьского происшествия — “я жил уже несколько месяцев в «Англетере»”. Очевидно, под страхом смерти он отдал свое имя на создание мифа о самоубийстве поэта» [172] (с. 232).

Добавим к вышеизложенному:

«Управляющий гостиницей Назаров безследно исчез... Репрессирован поэт В. Князев, видевший труп в морге и написавший:

Полоса на шее не видна —

Только кровь чернеет на рубахе» [«Здоровье» № 9–95, с. 53].

В предсмертной записке застрелившейся на могиле Есенина Бениславской, читаем:

«...наплевать на Сосновского и общественное мнение, которое у Сосновского на поводу».

А ведь это самоубийство, якобы из всеобъемлющей любви еврейки к великому русскому поэту, выглядит не слишком убедительным. Ну, во-первых, у нее в то время была совсем иная любовь. Н. Сидорина, например, сообщает, что:

«...Г.А. Бениславская состояла в связи со Львом Седовым: “Итак, новое имя в преддверии гибели поэта: Лев Седов, сын Троцкого...”» [204] (с. 129).

Ох, ничего себе имечко всплывает — сына самого в стране заинтересованного в смерти русского поэта лица.

Но и в чисто моральном плане, что выясняется, в это самое время Бениславскую больше всего интересовал не убитый не без в том числе и ее помощи поэт, а:

«Несостоявшийся брак с Львом Седовым...» (там же).

Так что замечена эта дамочка была в любовных связях вовсе не с русским поэтом, что придумано к сегодняшнему дню в оправдание убийцам, но с сыном самого организатора убийства Есенина — второго лица в государстве — Льва Давидовича Троцкого. Как, в таком случае, она могла бы оказаться в тот момент, когда ублажала любовные запросы Льва Львовича Троцкого-Седова, на совсем противоположной стороне — на стороне русского патриотического движения во главе с самым русским поэтом всех времен — Сергеем Есениным?

Кстати, она в стане держащих в то время власть в стране троцкистов занимала достаточно не простую должность:

«...секретаря газеты “Беднота”» [204] (с. 128).

Случайно ли?

Да вовсе нет. Потому как вот кем она являлась до этого:

«... (с 1918 по 1922 год) она — штатная сотрудница ЧК» [172] (с. 64).

Так что, в добавление к сыну убийцы Есенина, Бениславская, во-вторых, является секретарем одной из главных большевицких газет в стране, а, в-третьих, так и вообще — штатным сотрудником ГПУ. А туда, что прекрасно известно, людей «с улицы» не брали. Но исключительно: евреев, латышей...

«Финал драматической судьбы Бениславской известен: она, пишут, покончила с собой на могиле Есенина. Мы не верим в такой исход. Посещение ею могилы 3 декабря 1926 года не предусматривалось, а ее гардероб тогда же был грубо перерыт чьими-то подлыми руками. Хорошо знавшая Галину (по работе в ЧК и т.д.) Полина Юльевна Бокль вспоминала: “В годовщину смерти Есенина Галина вместе с [Яниной] Козловской должна была пойти на кладбище с утра. Когда Козловская [тоже чекистка] пришла к Галине, она ее уже не застала. В комнате Галины, против обыкновения, был большой беспорядок. Все платья были вынуты из шкафа и свалены в углу в одну кучу. Весь вид комнаты и то, что Галина ушла одна, странно встревожили Янину. Она сразу отправилась на могилу Есенина и застала там Галину мертвой...” (РО ИРЛИ (РАН), ф. 817, ед. хр. 52, л. 4) (Бокль не успела закончить свои воспоминания, так как вскоре... неожиданно скончалась!)» [172] (с. 69).

Но куда же ведут следы этой серии загадочных убийств, произошедшей в бархатную эпоху на все лады нам расхваленных 20-х?

Эдуард Хлысталов достаточно легко обнаруживает одного из заказчиков этой длинной серии преступлений, упрятанных официальной версией самоубийств:

«В своей предсмертной записке она дважды указала фамилию — Сосновский. Кто ж был этот Сосновский? Почему среди многих врагов поэта она назвала именно его?.. Это он начал разнузданную кампанию против Сергея Есенина в конце 1923 года... По его команде ежедневно газеты печатали против Есенина две-три статьи, обвиняя его во всех земных грехах... Есенин прятался по больницам, скрывался в психиатрических клиниках, убегал на Кавказ. И если бы Есенина и его друзей не взяли бы под защиту писатели и поэты... жизнь бы его оборвалась значительно раньше в подвалах Лубянки...”

...Уже 2 октября 1918 года Сосновский назначается ЦК РКП(б) членом редколлегии газеты «Правда», редактором газеты «Беднота», ответственным редактором «Коммунара»... Он член ЦК партии, член ВЦИК...

— В мае 1923 года Есенин начал писать статью «Россияне», которая десятилетиями скрывалась от писателей и литературоведов. Статья Есенина не закончена. Где он намеревался ее напечатать, сказать трудно... хочется привести несколько выдержек из этой статьи, где говорится о Сосновском.

“Не было омерзительнее и поскуднее времени в литературной жизни, чем время, в котором мы живем. Тяжелое за эти годы состояние государства... случайными обстоятельствами выдвинуло на арену литературы революционных фельдфебелей...”

...Некоторые типы, ...упоенные тем, что на скотном дворе и хавронья сходит за царицу, дошли до того, что и впрямь стали отстаивать точку зрения скотного двора. Сие относится к тому типу, который часто подписывается фамилией Сосновский. Маленький картофельный журналистик, пользуясь поблажками милостивых вождей пролетариата и имеющий столь же близкое отношение к литературе, как звезда небесная к подошве его сапога, трубит почти около семи лет все об одном и том же, что русская современная литература контрреволюционна...

Уже давно стало явным фактом, как бы не хвалил и не рекомендовал Троцкий всяких там разных Безыменских, что пролетарскому искусству грош цена...” (ЦГАЛИ, ф. 190, оп. 1, ед. хр. 66).

За последние шесть лет [до 1994 г. — А.М.] вышло много газетных и журнальных публикаций и книг, где авторы в основном приходят к мнению, что Есенин был убит... Э. Хлысталов считает, что в закрытых архивах ВЧК-ГПУ-КГБ и ЦК ВКП(б) должны быть документы, из которых можно узнать о той гнусной деятельности вождей партии большевиков и их спецслужб против великого сына России, о том, как его преследовали, сгибали, провоцировали, обставляли сексотами. Важно изучить рабочие дела тайных осведомителей, оперативные разработки, задания уполномоченных... опубликовать шифротелеграммы из Ленинграда в ГПУ и ЦК ВКП(б), переданные 28 декабря 1925 года. Только таким образом можно внести ясность в это умышленно нерасследованное дело».

КОШКИ МЫШКИ

Как отыскать правду о Есенине среди гор нагромождения лжи советского периода?

Да очень просто. Ведь ложь всегда, как и прочие иные нечистоты, плавает наверху. И если двое пытаются солгать об одном и том же, то достаточно часто, не успев в совершенной точности обсудить меж собою все детали, два этих сказочника свои истории в некоторых деталях просто не стыкуют.

Например. Записавший себя в друзья детства поэта ярый коммунист и пропагандист безбожия, К. Воронцов, сообщает о Есенине:

«Еще в 1912, 1913, 1914 годах он снял с себя крест и не носил его» [«Литературная газета» 2. 10. 1985].

И в таком его заявлении нет ничего удивительного. Ведь кем на самом деле является этот самый якобы «друг детства» Есенина явствует из его биографии:

«В годы революции и гражданской войны он стал одним из вожаков сельской молодежи, работал в волисполкоме...» [там же].

И вот практически о тех же годах жизни поэта пишет такой же ярый коммунист и такой же ярый безбожник, но совершенно противоположное:

«Велико было влияние первых наставников поэта — деда и бабки, и не диво, что религиозные мотивы долго находили отражение в его стихах. Позже Есенин в заметке “О себе” напишет: “Литературная среда 13–14–15 годов, в которой я вращался, была настроена приблизительно так же, как мой дед и бабушка...”» [«Советская Россия» 3. 10. 1975].

Так что не надо коммунисту Воронцову из Есенина хамелеона проектировать. Ведь многими подчеркиваемая религиозность стихов поэта именно теми же временами и датирована. Чем столь недоволен уже другой коммунист — С. Викулов. И это недовольство полностью обличает ложь Воронцова, приписавшего себя в «друзья детства» поэта.

Туда же следует отправить и многие иные «воспоминания» и «романы без вранья», где бесы вранья проявляют себя воочию, словно лакмусовая бумага.

Популярность же Есенина была просто поразительна:

«Он мог нестись, как метеор, сквозь квартиры, улицы, общественные места. И всегда за ним следовал хвост людей, увлеченных его движением» [«Литературная Россия» 6. 09. 1985].

Да и сейчас популярность Есенина все не убывает. Ведь вот что ежегодно творится на пристани села Константиново:

«Каждый год здесь, на родине Есенина, бывает свыше четырехсот тысяч человек» [«Советская Россия» 14. 09. 1985 г.].

А лютая травля Русской Церкви кровавым режимом Ленина началась тогда, когда массовыми убийствами людей зажиточных сословий большевикам все-таки удалось развязать гражданскую войну. А так как себя они объявили безбожниками, то, следовательно, все, кто воевал против них, были записаны не только в сословия имущих классов, но и в разряд подлежащего уничтожению «контрреволюционного духовенства».

И ведь именно под флагом отпора пытающихся вновь влезть на шею трудового народа паразитического сословия, сброшенного с крестьянства революцией, и проходила вся эта братоубийственная бойня. Потому представляемая Есениным не оформленная ни в какую партию грозная для захвативших власть в стране инородцев сила русской мужицкой «Инонии» оказалась поставленной между двух огней и разрушаема как белым движением, так и красным. Таким образом, большевики, развязывая гражданскую войну, прекрасно осознавали — что делают.

Между тем снабжение именно в самом зачатии этой братоубийственной кампании именно белых армий, со стороны международной банковской масонской закулисы, в свете вышесказанного, выглядит достаточно последовательно и аргументировано. Ведь подпитка враждебных большевикам сил имела не только двойную, но даже и тройную цель:

1. Слишком очевидная опасность возврата помещикам русских земель обязана была сплотить мужиков, к тому времени уже изгнавших этих пиявок со своей шеи и поделивших землю между собою. Власть же, отдавая им в руки помещичьи имения, была — *красная*. А потому лишь она и могла возглавить борьбу против возврата этих паразитов.

2. Очень хитро объявившая эту самую «свободу вероисповедания» Советская власть объявила себя не то чтобы такой уж вовсе полностью и безбожной, но именно свободной от попов и монахов точно так же, как и от помещиков, промышленников и банкиров, паразитирующих на теле трудящихся масс. То есть не сама Русская Церковь ставилась вне закона, но якобы жиреющее за счет ее устройства ничего не производящее паразитическое сословие — огульно объявленное реакционным и *белым* — духовенство.

Вот потому-то и пришлось Есенину не только пригасить свои православные чувства, но, в угоду времени, даже опуститься и до откровенного безбожия. Ведь именно всячески подчеркиваемые белыми войсками шествия с хоругвями и нарочитое принародное целование икон были даже куда как более неестественны, нежели возможность исполнения обрядов Православия отрядами красных. А потому, несмотря на неоднократно проявляемое белыми вождями желание освятить свое движение благословением главы Русской Православной Апостольской Церкви, в этой просьбе им было постоянно отказываемо. Ведь благословения требовали себе еще только лишь вчера предавшие своего Царя краснобантники. Мало того, наследники февраля, объявившего себя носителем *социалистических* идей.

А потому русскому мужику и не было дано никакой возможности занять столь им всегда обожаемую нейтральную позицию: либо иди и отвоевывай паюсную икру для стремящихся вновь усесться на твою шею паразитов, либо иди их отгонять от окружаемой ими со всех сторон Советской как бы вроде бы и народной (а на самом деле — инородной) власти. И перекрашенные под русские фамилии хананеи выглядели, по крайней мере — по газетным публикациям, все же несколько предпочтительнее барчуков, идущих отвоевывать свою икру обратно, и имеющих по преимуществу нерусские фамилии. Потому-то и появилась возможность уже при наличии сомкнутых вокруг красной Москвы клещей белых армий, обвинив попов в симпатиях к неумолимо приближающемуся врагу, приступить к безнаказанному

истреблению того самого сословия, для уничтожения которого, на самом деле, и затеивалась изначально эта самая «пролетарская» революция.

3. «Мемфис Мицраим», чтобы отобрать у представителей «Сыны Завета» власть, поставив на высшую в гражданской войне должность своего ставленника, необходимо было спихнуть захвативших бразды правления в свои руки масонов из «Сыны Завета» на грань катастрофы. Лишь одно это и обеспечивало исполнение их планов.

Все вышеперечисленное подтверждается лишь тем фактом, что как только ставленник международных банкиров (Ротшильдов-Рокфеллеров), Лев Давидович Троцкий, получил пост председателя Реввоенсовета, так положение на фронтах, словно по мановению волшебной палочки, вдруг резко изменилось.

Но здесь нет ничего странного — просто подпитывающие белые армии деньги в одночасье перекочевали за линию фронта — к красным, а ведущие шпионаж в пользу белых февральские красnobантники также легко и непринужденно переориентировали свою предательскую деятельность уже теперь в сторону прямо противоположную. И тут тоже нет ничего удивительного — ведь «профессиональные революционеры» именно потому и *профессиональные*, что работают исключительно *за деньги*.

Потому все случившееся и произошло именно так, а никак не иначе.

А ведь красный террор не просто вышибал почву из-под ног русского человека, чем являлась его исконная вера, но еще и глумился над ней. А отсюда и появилось у Есенина столь нам теперь непонятное: «стыдно мне, что я в Бога верил». Однако же и здесь не все так просто: «больно мне, что не верю теперь».

Молох большевиков сработал безотказно. Потому и «Лесная правда» с «Инонией», практически лишившие сами себя почвы под ногами, то есть православной идеологии, оказались не у дел.

А ведь популярность Есенина уже к 18-му году была такова, что лишь подлостью своего задуманного гнусного кровавого спектакля большевики обезвредили всю ту для них столь страшную силу, которая в любой момент могла выхлестнуться из клокотавшего котла третьей силы, олицетворяющей мужицкую Россию. И хоть Есенин понимал все происходящее, но был поставлен вершащимися по планам Рокфеллеров-Ротшильдов событиями в полностью безвыходное положение. И за комсомолом бежать, «задрать штаны», его просто принудили обстоятельства — ведь дуть против ветра, то есть взывать к потерянному и уже оплеванному религиозным чувствам, в тот момент было делом совершенно не возможным. Ведь его влияние на окружающих всецело зависело от популярности. И он пытался, ввиду невозможности полностью уклониться от весьма вредного «ветра революции», развернуть этот ветер в сторону — против создавших его творцов.

Однако же силы оказались слишком не равны. Ведь поэт думал, что вступает в бой только со стихией, так как о ее полной рукотворности он тогда, как и многие другие, еще не имел никакого и малейшего представления. А предстояло ему воевать не с видимым айсбергом безбожия Америки и СССР, не с демократами и социалистами, не с большевиками и анархистами, но с Ротшильдами и Рокфеллерами, а в конечном итоге — с «Мемфис Мицраим» и «Сыны Завета».

Между тем мы очень сильно недооцениваем Есенина как именно политического деятеля. Ведь пользуясь своей необычайной популярностью, он пытался и чисто политически обозначить возглавляемое им движение.

Эту тему затрагивает С.Д. Спасский при описании встречи Есенина с Андреем Белым в здании «Пролеткульта»:

«Белый только что закончил лекцию по основам стихосложения в литературной студии... Есенин заглядывает сюда часто. Как везде, у него все тут приятели, молодые поэты из рабочих и те, кто мыслит себя представителями революционного

крестьянства... И он распространяется о том, что пролетарское искусство — это правильно, но ведь Россия — крестьянская страна, и крестьян в ней больше, чем рабочих. Следовательно, надо, чтоб в дополнение к «Пролеткульту» был организован «Крестьянкульт». Он об этом говорил уже на верхах, он готов возглавить это движение» [«Литературная Россия» 6. 09. 1985].

Но почему же так и не возглавил?

Заманить кошку в поставленную против мышки мышеловку, к сожалению, Есенину так и не удалось. Кошка на этот раз на сыр не польстилась — кровь мышки ее более привлекала. Потому и не сработало это изобретение и проект задуманной страны оказался отодвинут на слишком неопределенное время. Кошка слишком трезво рассудила, что «Крестьянкульт» в состоящей на 80% из крестьян стране да еще и с Есениным во главе уж слишком определенно пахнет жареными кошачьими потрошками...

А этот зверь, в отличие от людей, котоедства чисто принципиально не признает. Потому столь очевидную для себя политическую смерть власть революционной России и не одобрила. А ведь было им чего бояться — ведь популярность Есенина была не просто пугающе огромна, но и поистине — *всенародная*.

«В июне или июле 1921 года я увидел Есенина после значительного промежутка. Он вернулся из путешествия по Волге и Уралу с новой поэмой и выступал в доме печати.

...Вдали на пустой широкой сцене виднелась легкая фигурка Есенина... И нельзя было оторваться от чтеца, с такой выразительностью он не только произносил, но разыгрывал в лицах весь текст.

...Одним человеком на пустой сцене разыгрывалась трагедия, подлинно русская, лишенная малейшей стилизации.

И когда пронеслись последние слова Пугачева, задыхающиеся, с трудом выскальзывающие из стиснутого отчаянием горла: “А казалось, казалось еще вчера... Дорогие мои... Дорогие... хорошие...”, зал замер, захваченный силой этого поэтического и актерского мастерства, и потом все рухнуло от аплодисментов... И все ринулись на сцену к Есенину.

А он стоял, слабо улыбаясь, пожимая протянутые к нему руки сам взволнованный поднятой им бурей» [«Литературная Россия» 6. 09. 1985].

Так что Сергей Есенин — это не просто великий русский поэт. Это колоссальной мощи политик, своей необыкновенной в ту пору популярностью стоящий практически на волосок от победы над отравляющим ложью посулов русский народ страшным зверем, который называл себя сыном Давида и пришел во имя свое...

Смерть поэта

Между тем замечание действительных следов убийства видно с достаточной очевидностью лишь еще по фотографии. Обратимся вновь к расследованию:

«...только на основании осмотра этой фотографии я бы заключил, что это повреждение костей черепа посмертное и возникло от удара тупым твердым предметом с большой силой. Будь оно прижизненным — не так бы выглядели глаза, нос и уши...» [«Ветеран» № 4 (108) 1989 г., с. 15].

Ученый-патофизиолог, доктор медицинских наук, профессор Санкт-Петербургского университета Ф.А. Морохов о смерти Есенина высказывается так:

«И сама трагедия, и ее исследования были организованы. Об этом говорит поверхностное составление актов милиционером Горбовым и судмедэкспертом

Гиляревским, осмотр трупа и заключение о времени повешения прибывшим в гостиницу врачом-экспертом ГПУ Ивановым, наличие телефонограммы № 374 из 2-го отделения милиции, приложенной к направлению в Обуховскую больницу для судебно-медицинской экспертизы (в ней указано на самоубийство Есенина). О предопределенности поверхностного исследования свидетельствует проведение судмедэкспертизы... Горбов в своем акте не отметил “вдавленную борозду на лбу”, кровь на рубашке и пиджаке, висевшем на спинке стула, а потом исчезнувшем, беспорядок в комнате, окурки на полу, раскрытый чемодан и разбросанные вещи, постель, а Гиляревский не описал характер ранения глазниц и глаз... в акте нет лабораторных исследований желудочного и кишечного содержимого, крови из брюшной полости, не отмечены разошедшиеся края ран на верхних конечностях, отек тканей век и щеки... Комиссия не объяснила отсутствие на акте Гиляревского печати и исходящего номера и, как пишет Э. Хлысталов, нет пометки в книге учета судмедэкспертиз.

...Объективный анализ позволяет сделать вывод, что Есенину нанесли сильный удар в область переносья... коченеющее тело было привязано к трубе с целью имитации самоповешения» [«Российские вести» 31. 02. 1994].

Из акта участкового надзирателя 2-го отделения милиции Н. Горбова:

«"...Прибыв на место, мною был обнаружен висевший на трубе центрального отопления мужчина в следующем виде: шея затянута была не мертвой петлей, а только правой стороны шеи, лицо обращено к трубе, и кистью правой руки захватило за трубу, труп висел под самым потолком..."»

Газеты писали, что поэт в петле висел с “восковым лицом”. Другие также указывали на бледный цвет лица. Мне приходилось видеть сотни висельников, — сообщает главный следователь с Петровки-38 полковник Э. Хлысталов, — но ни разу не видел “бледнолицего” трупа. Оно, как правило, имеет багрово-синюшный цвет с признаками прямо свидетельствующими о наступлении смерти от удушья. Ни на рисунках художника В. Сварога, ни на посмертных фотографиях этих признаков не видно. Но почему же у покойного поэта не видна странгуляционная борозда? Она на шее повешенного или повесившегося не исчезает, имеет ярко выраженный красно-фиолетовый цвет.

За свою многолетнюю следственную практику мне не раз приходилось встречаться с инсценировками самоубийства. Встречались случаи, когда преступники убивали человека, а затем скрывали свое злодеяние набрасыванием петли и подвешиванием, рассчитывая при этом обмануть работников милиции» [«Подмосковные известия» 27. 12. 1994, с. 3.].

При убийстве же Есенина никого обманывать инсценировщики вовсе и не собирались. В их задачу вовсе не входило упрятывание «концов в воду». Потому и поступили так преднамеренно топорно — ведь эту инсценировку должны были заметить все!

А они и заметили. Но народ безмолвствовал, а потому и не сработал обзванный прихлопнуть Троцкого капкан.

Лев Давидович же, прекрасно поняв всю серьезность своего положения, тут же раструбил во всех газетах о своей якобы скорби по поводу смерти русского поэта. Но мы-то знаем его настоящую к этому самому народу позицию. Ведь именно этот, а не какой иной народ, Троцкий собирался стереть в пыль, залив реками крови нашу святую землю. Вот что он обещался международным банкирам, вкладывающим в революцию деньги, сотворить с отданной в его лапы страной:

«Мы должны превратить ее в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, которая не снилась никогда самым страшным деспотам

Востока... мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн» [30] (с. 339).

Но тонко подстроенная эта самая якобы топорность явно сымитированного самоубийства подвела карьеру соискателя антихристового трона на грань гибели — вот и пришлось Льву Давидовичу резко изменить курс своей политики на все 180°. Но именно этот его казалось бы умелый ход и поставил точку на его партийной карьере. Коммунистическая партия к тому времени уже приняла решение закончить политику заигрывания с русским народом. И вроде бы ловкий ход Троцкого был использован против него же. Ведь «душка» партии Бухарин опубликовал состряпанный высшим руководством пасквиль на ритуально замученного ими поэта, что впоследствии и породило острую политическую борьбу против так называемого троцкизма:

«...через год после статьи Троцкого, 12 января 1927 года, газета “Правда” дает статью “Злые заметки” своего главного редактора, “любимца всей партии”, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Николая Ивановича Бухарина... Вот несколько выдержек из этих заметок: “есенинщина — это отвратительно напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из “кобелей”, икон, “сисястых баб”, “жарких свечей”, березок, луны, сук, господ бога, некрофилии, обильных пьяных слез и “трагической” пьяной икоты; религии и хулиганства... Есенинская поэзия по существу своему есть мужичок, наполовину превратившийся в “ухаря-купца”... “ухарь” припадает сегодня к ножке “Государыни”, завтра лижет икону... сокрушается, плачет, готов обнять кобеля...”

И далее Н. Бухарин подводит итог, делает вывод: “По есенинщине нужно дать хороший залп”.

— И такой залп прозвучал, — грустно подытожил статью Бухарина Хлысталов. — С легкой руки Луначарского, Сосновского, Волина, Зиновьева, Крученых, Авербаха, Бухарина и других Есенину были приписаны наркомания, алкоголизм, развратные действия, сумасшествие. Появились гневные предложения... вычеркнуть имя поэта из русской литературы, запретить печатать и читать его стихи, мешающие революционному народу стройными рядами двигаться к лучезарному будущему. Поэзию Есенина было приказано забыть. Время требовало другой литературы — бодрой, оптимистической, лживой, верноподданнической. За стихи Есенина был арестован и мой отец. Он исчез навсегда...» [«Подмосковные известия» 27. 12. 1994].

И такое признание не кого-нибудь, но старшего следователя с самой Петровки 38, звучит уж поистине потрясающе убедительно. Ведь практически самый главный следователь страны не сумел разыскать концов об исчезновении в подвалах Лубянки не кого тамнибудь еще, но *своего собственного отца!*

А такое, но уже в масштабах всей страны, и называется — *геноцид!* Что и подтверждает полковник милиции Эдуард Хлысталов результатами своего расследования.

Миф «Англетера» проясняется

Но и не раскрывая архивов ГПУ-КГБ уже нашлись «концы» некогда инспирированной спецслужбами трагедии. Виктор Иванович Кузнецов, долгие годы изучавший архивы на предмет гибели Есенина, столкнулся с достаточно интересным обстоятельством. Практически все «друзья» Есенина, так или иначе связанные с его смертью, оказались тайными или явными сотрудниками ГПУ.

Еще интереснее оказался тот факт, что ни эти самые «свидетели», ни сам Есенин — никогда не останавливались в гостинице «Англетер»:

«— Во времена НЭПа очень строго следили за налогообложением граждан. Два раза в году составлялись ревизорско-финансовые списки. И всех переезжающих на новое место жительства сразу брали на учет.

Есенин собирался жить в «Англетере» — это официальная точка зрения. По сути дела, это была не гостиница в прямом смысле этого слова, а дом для квартиросъемщиков. Мне посчастливилось найти ревизорско-финансовые списки его жителей 25–26-х годов. В отеле жили более 150 человек — «чекисты», деятели культуры, сотрудники гостиницы. Есенина в списках нет.

В 5-м номере, где якобы повесился Есенин, жил некий Крюков...

...все (!), кто связан с последними днями жизни поэта, кто описывал его пребывание в гостинице «Англетер», лгали и были причастны к ГПУ.

Начнем по порядку? Журналист Устинов, который якобы жил в 130-м номере «Англетера» и был большим приятелем покойного, утверждал, что 27 декабря поэт принимал ванну в 5-м номере гостиницы. Это выдумка. Есть опись этого номера — все вещи известны, вплоть до ночного горшка. В 5-м номере не было ванны. Как и телефона.

Зато «друг поэта» Устинов являлся членом «поезда Троцкого» — был такой аналог гестапо, который разъезжал на колесах и устраивал погромы. Членом этого поезда был и другой «друг» — Василий Князев, который сторожил в Обуховской больнице заледеневший труп поэта.

Обратите внимание: понятия при подписании протокола были приглашены в гостиницу со стороны... Милиционер Николай Горбов... ранее служил в активно-секретном отделе...

Жена тогдашнего коменданта «Англетера» — Антонина Львовна Назарова — перед смертью назвала фамилии двух лиц, которые были 27 декабря, в воскресенье, в гостинице, — Петров и Цкирия. Первый был оперативником ГПУ, второй — управляющий соседнего с «Англетером» дома по проспекту Майорова, 8/23. Я утверждаю, что это была следственная тюрьма ГПУ.

Найдена домовая книга этого огромного здания, где должны быть расписаны все жильцы, а там помечены только булочная, ее владелец и его помощники. Есть и другие доказательства данного факта.

— *А как же быть с актом судмедэкспертизы доктора Гиляревского, который утверждал, что Есенин умер от асфикции?*

— Гиляревский не подписывал такого акта! В одном из московских архивов есть бумажка, которую выдают за подлинный акт Гиляревского. Я нашел кучу документов — амбарные книги подлинных протоколов о вскрытии мертвых тел судмедэксперта Гиляревского и заявляю, что по стилю, атрибутике, патологоанатомическим показателям и по почерку в конце концов, удалось доказать, что в одном из московских архивов находится фальшивка...

Уборщица 5-го номера Варвара Васильева перед смертью рассказала, что видела, как пьяные негодяи тащили мертвое тело в пятый номер. Далее... Почему ленинградский «Демьян Бедный» — Василий Князев охранял тело Есенина в ночь на 29 декабря? В прозекторской Обуховской больницы было 8 сотрудников — там было кому охранять.

Вывод может быть один: к телу не хотели подпускать посторонних...» [«Комсомольская правда» 11. 09. 1997].

Но что такого крамольного могли вынести от мертвого тела Есенина посторонние? То есть люди, не связанные с секретными органами большевицкой России?

Следы ритуального глумления!!!

Ведь имеются ко всему уже нами рассмотренному и сведения о том, что обладающий даром прозорливости Григорий Ефимович Распутин предрек Есенину именно такую кончину: в качестве закланного агнца. То есть именно жидовское ритуальное глумление. На что и указывают практически все нами рассматриваемые факты. И достаточно было лишь приоткрыть испачканную кровью рубаху, чтобы обнаружить следы ритуального шила, о котором сообщал В.В. Розанов в своем свидетельстве о виденном им на иудейской бойне.

А ведь Князев был отнюдь не рядовым большевиком-ленинцем — секретным агентом ЧК. Он принимал участие в работе всеобщего известного карательного органа реввоенсовета — поезде Троцкого. О том он сам сообщает во время допроса. Что запротоколировано:

«Осенью 1920 года по распоряжению Троцкого Л.Д. я был вызван в Москву, был принят им и от него лично получил предложение поехать с ним на Южный фронт» (Допрос В.В. Князева 19 марта 1937 г. «Дело № 23230», ед. хр. П-34970. Справка Управления архива ФСБ [СПб.]).

В другой своей публикации «Сказка об “Англетере”» Кузнецов дополняет свой рассказ о произведенном расследовании:

«...Как ни правдоподобен факт остановки Есенина в “Англетере”, но я решил его все же проверить... Смущало, что ни один из постояльцев и сотрудников гостиницы впоследствии не оставил после себя воспоминаний хотя бы о мимолетной встрече с популярным и многими любимым поэтом, который, согласно официальной версии, проживал там с 24 декабря.

Нет свидетельств и о том, кому звонил Есенин в те декабрьские дни, с кем встречался до вечера 27 декабря, — ведь в Питере у него была масса знакомых, а сам он считался очень общительным человеком. Неужели долгими зимними вечерами сидел в номере в одиночестве?..

— *Среди свидетелей этой истории были известные люди — Вольф Эрлих, Георгий Устинов с женой, Николай Клюев, Павел Медведев, Ушаков... Остались их воспоминания...*

— Давайте разбираться. Николай Клюев — наставник Есенина на раннем этапе его творчества, в дальнейшем его “ласковый” противник. Причины их расхождения в первые годы советской власти не случайны: Клюев в 1918–1919 годах — секретарь парторганизации, пропагандист беспощадного красного террора, в 1924 первым выпустил книжку о Ленине. Это далеко не тот Клюев, которого мы знаем по 30-м годам.

Есенин же в 1923 году пережил серьезную мировоззренческую ломку, после чего полностью отошел от своего социального романтизма и приблизился к неприятию Февральской и Октябрьской революций, советской власти. В 1925 году они были совершенно разными людьми. В декабре этого года Клюев пребывал в страшной бедности (сохранилась его слезная просьба к губернскому начальству освободить от платы за квартиру) и в полной зависимости от благосклонности властей. Отчасти этим можно объяснить, что не возражал, когда оказался в списках лжегостей Есенина. Смалодушничал под давлением тяжелых жизненных обстоятельств? Примечательно, что в дальнейшем он никогда сам не упоминал, что был в тот вечер у Есенина. Случайно?

Георгий Устинов — журналист, критик, якобы проживавший в те дни в “Англетере” и опекавший Есенина. Однако его фамилии тоже нет в списках постояльцев гостиницы. Не числится в них и его супруга Елизавета Алексеевна. Я сравнил его подлинный автограф с подписью на милицейском акте о смерти Есенина — ничего общего! Самое удивительное, что этого “близкого приятеля Есенина”, как он именуется во многих

источниках, никто не видел ни во время прощания с поэтом в Доме писателей, ни на проводах тела на вокзале.

Вообще официальная биография Устинова мало соответствует фактической. Подчеркивается, что он работал в солидных газетах “Правда” и “Известия”, но умалчивается его работа в бундовской газете “Звезда” в Минске... сопровождал в поезде Председателя Реввоенсовета Льва Троцкого, а затем первым написал о нем пламенную брошюру “Трибун революции”, выполнял весьма важные личные его поручения [Вот одно из них:

“РОССИЙСКАЯ КОМУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(БОЛЬШЕВИКОВ).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Москва. 25 августа 1921 г.

ВЫПИСКА из ПОСТАНОВЛЕНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ЦК от 25/VIII с.г.

Слушали: п. 1. Об откомандировании тов. УСТИНОВА (из Ярославля) в поездку с тов. ТРОЦКИМ.

Постановили: 1. Командировать т. УСТИНОВА в поездку вместе с тов. ТРОЦКИМ на один месяц.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

В. Молотов” (ЦХИДНИ, ф. 17, оп. 100, ед. хр. 41835, л. 14)].

Все эти сведения о ключевом свидетеле последних дней жизни Есенина от нас тщательно скрывались много десятилетий — я собирал их по крупицам из малоизвестных публикаций, писем, фондов. “Безупречность” этой персоны охраняет и гриф секретности, который и сегодня продолжает сопровождать в одном из архивов “личное дело” Георгия Устинова.

Мне удалось познакомиться с ним, после чего у меня не осталось сомнений в лживости и заказном характере его мемуаров, призванных сфальсифицировать подлинную историю гибели Есенина. Думаю, что не случаен и безславный конец этого человека, так и не нашедшего себе места в жизни, — в 1932 году его тело вынули из петли в его собственной квартире» [«Совершенно секретно» № 9, 1998 г., с. 22–23].

Однако ж и его смерть легко вписывается все в ту же серию заказных убийств свидетелей. Вот что сообщает на эту тему литератор Н.Г. Юсов:

«Я был знаком с Долговым, который встречался с Вержбицким. Последний утверждает, что он пришел к Устинову с требованием рассказать, что же случилось с Есениным. Тот попросил прийти на следующий день. Но на другой день выяснилось, что Устинов повесился» [174] (с. 16).

Так что длинный язык в те времена наказуемо было мгновенно — достаточно было лишь пообещать проболтаться, чтобы стражи революции помогли свести счеты с жизнью даже такому заслуженному большевику, как Устинов — соучастник Троцкого в его преступлениях во время гражданской войны.

Однако ж в свете определенного становится и более ясна роль поэта Князева:

«Если учесть, что ядро преступной группы, заматавшей следы злодеяния в “Англетере”, составили участники кровавых рейсов “Поезда Троцкого” (Яков Блюмкин, Георгий Устинов, Петр Подашевский и др.), сомневаться в характере порученного Князеву задания в морге не приходится. Он выполнял роль цепного пса у трупа Есенина» [172] (с. 209).

При создании мифа о проживании Есенина в “Англетере” был указан и Д.С. Ушаков:

«“очевидца”, нога которого не ступала в печально известный дом. В списках его жильцов имя этого военкора отсутствует, а проживание без регистрации, “по блату”, было там исключено» [172] (с. 105).

А вот что говорится о центральной фигуре выдвинутой фальсификаторами версии:
«— ...*Насколько важна была роль Эрлиха в судьбе поэта?*»

— Мне не вполне ясна была личность этого молодого человека, пока я не обнаружил, что с 1920 года (с восемнадцати лет!) он являлся секретным сотрудником ЧК-ГПУ-НКВД и по этому роду своей деятельности находился в непосредственном подчинении известного чекиста Ивана Леонова, в 1925 году — заместителя начальника Ленинградского ГПУ.

Лично мне кажется подозрительным то обстоятельство, что практически вся компания свидетелей и понятых, поставивших свои подписи под документами о смерти Есенина, состоит из знакомых и друзей Вольфа Эрлиха. Больше того, литературный критик Павел Медведев, поэты Илья Садофьев, Иван Приблудный, журналист Лазарь Берман и некоторые другие также являлись сексотами ГПУ... какова цена оставленным ими воспоминаниям?

— *Итак, еще раз вернемся к очевидному: 24 декабря 1925 года подсудимый Сергей Есенин приезжает из Москвы в Ленинград...*

— ...тут же арестовывается, доставляется в следственный изолятор, допрашивается, до смерти избивается, его тело тайно переносят в пятый номер “Англетера”, где и устраивается известное нам святотатство с “добровольным уходом поэта из жизни”. Надо ли говорить, что на подобную акцию исполнители вряд ли решились, не имея санкции свыше? Сомнительным выглядел бы и вариант с обнаружением трупа якобы убитого в “кабацкой драке”...

В конце 1925 года комендантом “Англетера” был чекист Василий Назаров. Любитель выпить, он расслабился и днем в воскресенье 27 декабря, к вечеру сморился и улегся спать. Поздно вечером (а не утром, согласно официальной версии!) в квартиру позвонил дворник: мол, вызывают в гостиницу в пятый номер. Назаров, еще не протрезвевший, ушел, а вернулся уже утром — усталый, мрачный и молчаливый. Это не моя реконструкция событий, а подлинный рассказ вдовы коменданта Антонины Львовны, который я записал лично. Я успел встретиться с ней незадолго до ее смерти в 1995 году. Несмотря на почтенный возраст, она сохранила ясную память — я проверял детали ее воспоминаний по документам. Муж не был с ней многословен: повесился, мол, поэт, оформляли...

Вместе с Василием Назаровым свои подписи в качестве понятых поставили несколько литераторов, сотрудничавших с ГПУ, — Павел Медведев, Всеволод Рождественский, Михаил Фроман...

...Какие-то ошибки исполнители этого черного дела, конечно, совершили, особенно на стадии заметания следов... именно детали обычно и подводят лжецов.

Как следствие поспешной небрежности примечательны и газетные публикации на смерть Есенина: еще не было готово заключение судмедэкспертизы, а газеты уже сообщили, что поэт повесился. Журналисты сами написали? При жесткой цензуре того времени, которая “вела” даже стенгазеты, без санкции свыше это было невозможно. А тем, кто наверху, результаты экспертизы и не были нужны.

А сколько я держал в руках сфабрикованных документов с фальшивыми подписями! И это притом, что в ГПУ существовал специальный графологический отдел, где на высоком уровне составлялись разные липовые документы...» [«Совершенно секретно» № 9, 1998 г., с. 22–23].

А еще восемь лет спустя Кузнецов добавляет к вышесказанному:

«...между гостиницей и домом-призраком существовали секретные подвальные ходы» [172] (с. 47).

Вот почему *пьяные негодяи*, по всей вероятности выносящие труп Есенина из связанного с этим подземельем подвала, были замечены лишь одним человеком, к счастью своему оставшимся ими незамеченным. Потому и тайна «Англетера», где Есенин вовсе не останавливался, становится более чем ясна.

А вот теперь выясняется вся подноготная и соседствующего с «Англетером» чекистского застенка:

«...здание-призрак, где, согласно официальной справке, обитало в квартире №2 (26 апреля 1926 года) всего лишь шесть человек: управдом В. Шульц, владелец булочной Н. Луговкин, рабочий А. Духов, дворник Н. Поветьев, его жена Мария Яковлевна, и двое их детей (ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3038 [о доме №8/23 по просп. Майорова, 8/23, управдом П.П. Петров (Макаревич)]). Что же — все остальные квартиры огромного особняка пустовали? Полагаем, здесь располагались тюремные помещения, где подвергались допросам и пыткам все арестованные. Не исключено, 24 декабря 1925 года сюда и доставили Есенина.

Очень удобно: в 8-м доме чекисты «по душам» говорили с заключенными (в любой час дня и ночи), а после «работы» отправлялись (не по подземному ли переходу?) на покой в соседний «Англетер».

Листаем список жильцов получекистской цитадели (октябрь 1925 года): тайные службисты Константин Денисов (квартира №20), Альберт Стромин-Геллер (25), Вульф Фельдман (26), Мордко Тепер (26), Дмитрий Тейтель (31), Шахова (35), Израиль Шкляр (109), Евгений Чудновский (119), Рахиль Иоффе (129), Евгений Кушников (130), (здесь он квартировал вместе с проституткой Рейзой Закс; сюда, как помним, «прописали» призрак Устинова)» [172] (с. 179–180).

Так что все дела вышеперечисленными чекистами исполнялись полностью тайно — комар носа не подточит.

Так в чем же здесь дело? Самые квалифицированные во всем мире советские заплочных дел мастера обмишурились, растерялись или напортачили? Или тут что-то другое?

Да вот именно — *другое*. Ведь подготовленное убийство имело явно двойной смысл.

Но народ безмолвствовал...

Может потому этот самый народ, уже слишком хорошо к тому времени обученный горьким опытом, в ту страшную пору массовых убийств так и не оказался стерт с лица земли?..

* * *

Все вышеприведенные материалы о Сергее Есенине подобраны при помощи архива полковника И.Н. Богомолова — жителя подмосковного военного городка — поселка «Заря». Этот архив мне предоставил в распоряжение Юрий Маланин, которому очень благодарен за хозяйское отношение практически к любому делу. А к памяти умершего ветерана войны — в особенности.

Полковник Богомолов был видным есениноведом. Он никогда не кичился своими высокими служебными должностями, а его честность и искренность давали ему возможность всегда быть во главе любого дела, за которое он ни брался. Наиболее ярким тому подтверждением является тот факт, что именно ему было поручено принятие разрезанной главкомом ленточки при пуске в эксплуатацию остановки электропоездов платформы «Заря», столь необходимой для жителей поселка, давно выросшего в город. И отнюдь не случайно среди многих высших чинов штабов ПВО и

ВВС страны на такую почетную роль был избран именно он. Ведь именно он и приложил для этой цели все свои поистине титанические усилия.

Не меньшими были его усилия и в работе по изучению жизни и творчества величайшего поэта России — Сергея Есенина. И вовсе не случайно полковник Богомолов был признан одним из ведущих есениноведов страны.

Однако же коммунистическое наследие наложило и на него свой безбожный отпечаток. И когда полковник милиции Эдуард Хлысталов начал расследование убийства поэта, обличающее кровавый коммунистический режим, воспитанные на догмах социализма обманутые палачами русские люди, и именно во главе с полковником Богомоловым, подняли бурю протеста над их столь усердно создаваемым «увековечением» якобы висельника.

И здесь нет ничего удивительного. Ведь безбожие к суициду относится не просто терпимо, но даже и поощряет его, возводя наследников постыдной Иудиной смерти в ранг некоего ореола мученичества. И в данном случае все эти коммунисты-есениноведы ополчились не против лжи, но в попытке ее оправдания. Ведь признание убийства поэта нанесет сокрушительный удар по их безоблачным верованиям в путь к «светлому будущему» через коммунизм.

А ведь не только заказным, но и чисто политическим квалифицирует это убийство взявшийся за его раскрытие следователь Эдуард Хлысталов. И полковник Богомолов, в данном случае, пытаясь цепляться за какую-либо хоть и призрачную возможность существования давно усвоенной версии, выступил на защиту кровавого режима, столь нагло обманывавшего всю жизнь в том числе и его же самого.

И самым главным заблуждением здесь явилось противостояние Русской Вере, в которую сам Богомолов был когда-то крещен, но давно растерял всякие ориентиры Православия и даже верующей своей сестре, явно по незнанию, выслал щедро ему подsunутые иноверческие брошюрки, о чем и укоряет его в письме сестра Евдокия:

«...Ваня, ты прислал брошюрки. Они другой веры. Мы с тобой — крещенные. И тебя прошу: ты с ними меньше разговаривай. Очень тебя прошу! И не вздумай пойти к ним в дом [— ведь] им [именно] этого [и] надо. И больше мне не присылай. Эти брошюрки не бери. А православные церковные газеты покупай» [из архива полковника Богомолова].

Эта секта «свидетелей Иеговы» щедро снабжает «Зарю» в невероятных количествах отштампованной в Америке подрывающей основы Христианства литературой. И то, что в раздраемой самостийниками далекой голодной Макеевке было прекрасно известно полуграмотной сестре видного высокообразованного есениноведа, полковника штаба ПВО страны И.Н. Богомолова, то, к большому сожалению, оставалось совершенно не известно ее брату, живущему в самом центре ранее Великой державы, к сегодняшнему дню раскромсанной Ельциным с Горбачевым на лоскуты.

И именно безверие и породило столь долгое отстаивание этой топорно сфабрикованной большевиками версии о висельнике, которая столь казалось бы странным образом так устраивала всех этих коммунистов есениноведов.

Может это просто назло Русской Церкви? Ведь вот такая информация в балашихинской газете «Факт» предваряла статью Богомолова «И все-таки самоубийство»:

«В декабре 1990 года в Спасо-Преображенском соборе тогда еще г. Ленинграда состоялась панихида по Сергею Есенину. Годом раньше панихиду по поэту отслужили в Москве. Церковь не жалуется самоубийц, но на сей раз упоминалось имя безвинно убиенного Сергея Есенина...» [«Факт», 17 марта 1993 г., с. 3.].

И эта статья П. Балмышева, предваряющая статью Богомолова, все также, словно заклинателя лягушек, упорно твердящего свою версию о якобы самоубийстве, имеет

достаточно четко определяющую нами искомое «почему?» название: «Кому не угодил Сергей Есенин?»

Вот теперь и становится предельно ясно — кому! Тем, кто его убил и записал в висельники. Ведь это самое их «увековечение», на самом деле, и является оправдательным актом признания своего преступления!

И именно истинную личину их убийц столь стойко и упорно так пытались защитить от разоблачения все так до самого конца и продолжавшие цепляться за соломинку последней надежды эти самые просоветенные есениноведы.

Однако ж никакого «Англетера», как оказалось, — и вообще не было никогда и в природе. То есть сам-то «Англетер», конечно же, был, но вот только как сам Есенин, так и его мнимые друзья, платные агенты ГПУ, в те декабрьские дни в списках обитателей его номеров не значились.

Часть 2.

Гидра, пожирающая своих детей

Поводыри белой идеи

И вот как был устроен этот удивительный «пирог» русской революции.

Уже в феврале 17-го на арену выступают две силы: одна либеральная, а другая коммунистическая. Самым главным их объединяющим звеном, что становится понятным лишь к сегодняшнему дню, является принадлежность к масонству. Третья же сила, составляющая 80% жителей России, русское крестьянство, этими силами дезорганизуется, оттесняется на задний план и стравливается между собой. Неоценимую помощь, как красным, так и белым, оказывают несколько миллионов иностранных граждан, находящиеся на тот момент в русском плену. То есть оружие для борьбы с русским человеком в массовом порядке, как белыми, так и красными, раздается плененным им в вооруженном противостоянии врагам. Миллионам врагов!

И вот кто организовывал это противостояние, именуемое сегодня гражданской войной.

Во времена февральской революции:

«Адмирал Колчак не только сочувствовал перевороту, но и принимал в нем деятельное участие» [141] (с. 392).

А вот какие заслуги перед Февралем имеет находящийся во время переворота в Крыму заместитель Колчака:

«...контр-адмирал В.К. Лукин руководил арестом находящихся там великих князей» [90] (с. 48).

А вот чем «прославили» себя организаторы белого движения на Дону:

«Корнилов 7 марта лично арестовал в Царском Селе Императрицу и детей Николая (Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993, с.166).

Нельзя не упомянуть и об еще одной “революционной” акции Лавра Георгиевича. Реальным началом Февральской революции явился бунт располагавшейся в Петрограде учебной команды лейб-гвардии (!) Волынского полка. Ранним утром 27 февраля 1917 года начальник этой команды штабс-капитан Лашкевич, придя в казарму, попытался повести солдат в город для пресечения вызванных продовольственными трудностями “беспорядков”. Фельдфебель Кирпичников, который заранее распропагандировал солдат, потребовал от офицера покинуть казарму, а затем или он сам, или, может быть, кто-то из солдат (мнения расходятся, так как бунтовщики, по-видимому, договорились о круговой поруке) убил штабс-капитана выстрелом в спину. После этого “повязанные кровью” солдаты взбунтовались и сумели присоединить к себе расположенные по соседству лейб-гвардии Преображенский и Литовский полки, что окончательно решило победу революции.

Как бы ни оценивать Февральскую революцию, убийство офицера выстрелом в спину едва ли являло собой геройское деяние. Тем не менее назначенный 2 марта командующим Петроградским военным округом генерал-лейтенант Корнилов лично наградил Кирпичникова Георгиевским крестом...» [90] (с. 48).

Но и следующий за Корниловым глава белого движения юга России практически ни чем не отличался от уже перечисленных «героев» русской смуты:

«Командующий Донской армией генерал Денисов свидетельствует: “На знаменах Белой Идеи было начертано: к Учредительному Собранию, то есть то же самое, что значилось на знаменах февральской революции...” А генерал Деникин готов был “благословить” любое жестокое насилие (над русским народом), если оно завершится установлением в России власти парламента» [90] (с. 5–6).

А вот какие заслуги перед революцией имеет генерал Алексеев — бывший начальник русского генштаба:

«...генерал от инфантерии Алексеев в Могилеве объявил об аресте самому Императору и сдал его думскому конвою» [90] (с. 48).

Таким образом приходится констатировать, что практически:

«...все будущие вожди Белой армии имели впечатляющие “революционные заслуги”» [90] (с. 48).

Но в том нет ничего удивительного, если обратить внимание на их общую принадлежность к враждебным России силам:

«Такие деятели Белого движения, как генералы Алексеев и Рузский, являлись не только участниками заговора против Монарха, но и высокопоставленными масонами. Их единомышленниками были Деникин, Корнилов, Колчак» [90] (с. 5).

Но и сама стремительность взлета будущих вождей белого движения удивляет ничуть не менее:

«Все они сделали блистательную карьеру именно после Февраля. Военный министр в первом составе Временного правительства, Гучков, вспоминал, как ему трудно было назначить на высшие посты Корнилова и Деникина. О Корнилове Гучков говорил “Его служебная карьера была такова: он в боях командовал только дивизией...Поэтому такой скачок... до командования фронтом считается недопустимым” (Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993, с. 12). Тем не менее в самый момент переворота Корнилов стал командующим важнейшим Петроградским военным округом, 7 июля — командующим Юго-Западным фронтом, а 19 июля Керенский назначил его уже Главкомом!»

То же относится и к Деникину, который вскоре после Февраля стал начальником штаба Главковерха (то есть занял пост, который до Февраля занимал Алексеев); Гучков отметил, что «иерархически это был большой скачок... только что командовал (Деникин — В.К.) дивизией или корпусом» (там же, с. 10)» [90] (с. 45–46).

Все тоже следует сказать и о Колчаке:

«...когда в июне 1916 года Колчак стал командующим Черноморским флотом, “это назначение молодого адмирала потрясло всех: он был выдвинут в нарушение всех правил старшинства, в обход целого ряда лично известных Царю адмиралов и несмотря на то, что его близость с думскими кругами была известна Императору... Выдвижение Колчака было первой крупной победой этих (думских — В.К.) кругов” (Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959, с. 169)... Вскоре Временное правительство производит Колчака в “полные” адмиралы» [90] (с. 48).

Так что вовсе не спонтанно, как навязывалось нам средствами пропаганды, вышли в лидеры противостоящие большевикам руководители белых армий. Их слишком явно не без закулисных протезов искусственно вывели в военачальники представители темных сил. Тех самых, на которые они и трудились вплоть до самого завершения своей молниеносной блистательной карьеры — *карьеры червей, удачно и в минимально короткий срок, срок карьерного взлета самих этих червей, подгрызших под собой сук*.

«...главные руководители — Алексеев, Корнилов, Деникин и Колчак — были несомненными “героями февраля”, и **их теснейшая связь (а не “зависимость”) с силами Запада была совершенно естественной, вовсе не “вынужденной”**» [90] (с. 50).

То есть вожди белого движения представляли собой заранее заготовленных масонством червей — революционных разрушителей России. Красная же армия отличалась от них лишь спонсорами. Если белых вооружала Антанта, то красные удаче своего переворота в самую первую очередь были обязаны Германии. И вот эти две совершенно враждебные России силы, конгломерат масонства и шпионства стран Запада, и были в тот момент движущими силами по усмирению просто обязанного тогда подняться во всю свою мощь — русского бунта.

«...масонской креатурой был Колчак...»

...В апреле 1918 года он заносит в свой дневник: “Должен получить инструкции и информацию от союзных послов. Моя миссия является секретной”.

Для исполнения этой миссии Колчак в ноябре 1918 года и был провозглашен “Верховным правителем России”» [92] (с. 115).

«Александр Васильевич Колчак был, вне всякого сомнения, прямым ставленником Запада и именно поэтому оказался верховным правителем. В отрезке жизни Колчака с июня 1917-го, когда он уехал за границу, и до его прибытия в Омск в ноябре 1918 года много невыясненного...» [90] (с. 52).

Однако ж установить силы, поставившие его во главе омского правительства, особых проблем не составляет. Стоит лишь взглянуть на лица его окружения:

«При Колчаке постоянно находились британский генерал Нокс и французский генерал Жанен со своим главным советником — капитаном Зиновием Пешковым (младшим братом Я.М. Свердлов), принадлежавшим, между прочим, к французскому масонству. Эти представители Запада со всем вниманием опекали адмирала и его армию» [90] (с. 53).

А вот что собой представляли члены его кабинета:

«По данным “Либр пароль” за 1932 год, в правительстве адмирала Колчака принадлежали к масонам премьер-министр Вологодский, Гойер, министр финансов и министр иностранных дел Сукин, который вместе с масоном Бахметьевым, нашим

послом в Вашингтоне, проводил американскую политику, то есть политику, для большевиков благожелательную» [141] (с. 408).

А вот кем являлись представители армии Уфимской директории:

«...правительство Уфимской директории составляется из масонов Авксентьева, Зензинова, Астрова. Видную роль в правительстве этой директории занимает масон социалист Роговский» [141] (с. 408).

Но и правительство юга России было составлено из такого же враждебно настроенного к русскому человеку контингента:

«...в июле 1919 года — в период наибольшего подъема Деникина... 8 “начальников управлений” (то есть министерств), притом важнейших, были масонами: начальник управления внутренних дел Н.Н. Чебышев, юстиции В.Н. Челищев, земледелия В.Н. Колокольцев, финансов М.Б. Бернацкий, вероисповеданий Г.Н. Трубецкой, государственного контроля В.А. Степанов и наиболее важные “министры без портфеля” Н.И. Астров и М.М. Федоров (Деникин А.И. Поход на Москву..., с. 48). Словом, Деникин, как и Гучков в феврале, “был, — пользуясь определением В.И. Старцева, — окружен масонами со всех сторон”» [90] (с. 73–74).

А вот какой состав очередного правительства создается Белой армией на Кубани, где, по словам Африкана Богаевского:

«...вместе дружно работают — социалист П.М. Агеев (министр земледелия) и кадет В.Ф. Зеелер (министр внутренних дел, видный масон; кроме него в последнее деникинское правительство вошли масоны М.В. Бернацкий, Н.В. Чайковский и др. — В.К.) (Источник. Документы российской истории. Приложение к российскому историко-публицистическому журналу “Родина”. М., 1993, №2, с. 27)» [90] (с. 68).

«Крымское правительство возглавлял масон — еврей Винавер.

Северное правительство было захвачено масоном — социалистом Чайковским, и генерал Миллер в этом правительстве играл жалкую роль.

В Северо-Западном правительстве генерала Юденича занимали командные высоты масоны Лионозов, Моргулиес, Кедрин и другие.

Последнее Крымское правительство находилось также в руках масонов во главе с П.Б. Струве» [141] (с. 409).

«Таким образом, Гражданская война в России была организована и проводилась в целях осуществления революции.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что Белым Движением управляли, по сути дела, масоны. Генерал Алексеев, член “Великой ложи”, сыграв роль Иуды во дни отречения и ареста Царя, после Октябрьского переворота стал одним из организаторов Добровольческой армии. Винавер, Максим Моисеевич, входивший в руководство масонского “Верховного совета” — министр иностранных дел Крымского правительства. В.В. Вырубов, масон, 33°, занимал главенствующее место при ставке генерала Духонина. Кроль Лев Афанасьевич, делегат Масонского Конвента в предреволюционном 1916 году, стал членом “Пермского правительства”. Крым Соломон Самуилович руководил “Крымским правительством” (“Крым” — такой псевдоним был у С.С. Неймана). Слоним Марк Львович — член Уфимской делегации» [92] (с. 113–115).

И вот каковы общие планы нами перечисленных врагов, во времена революции в России оказавшихся во главе не только красных, но и белых армий:

«Масоны пришли к совершенно определенному выводу: что никакое разорение, никакой финансовый крах не могут привести русский народ к покорности и признать власть масонства, что для торжества масонских идеалов нужно убить душу русского народа, вырвать у него Бога, национально обезличить, затоптать в грязь все великое прошлое, развратить молодое поколение и воспитать “новую породу людей” — без

Бога и отечества, двуногих зверей, которые, выдрессированные укротителями, покорно засядут в масонскую клетку» [141] (с. 409).

«Таким образом, борьба Красной и Белой армий вовсе не была борьбой между «новой» и «старой» властями, это была борьба двух «новых» властей — Февральской и Октябрьской» [90] (с. 6).

То есть борьба велась по уничтожению русского духа в русском человеке. Почему же он, несмотря на реки пролившейся в ту пору крови, главенства Русской Веры в русской стране так и не отстоял?

Все дело в том, что на стороне белого и красного воинств, безбожных по своей сути, то есть «Февраля» и «Октября», выступило, чего уж никак не мог он ожидать, само российское духовенство. Уж такого удара в спину русский человек не ждал. А потому поле боя осталось за неприятелем.

И вот как происходила сдача России ее церковными иерархами, красными попами, буквально с молотка.

Переворот и церковь

В нами раскапываемой истории особо удивляет позиция иерархов РПЦ как до, так и после февральского переворота. И эта странная позиция высшего руководства нашего духовенства тем более непонятна, что никакого количественного уменьшения православных верующих за этот период не отмечено:

«Процентное отношение представителей различных вероисповеданий среди подданных империи в период с 1905–1914 гг. не претерпело изменений. Численность же православных постоянно увеличивалась, причем не только за счет естественного прироста населения. Данные статистики за 1909–1914 гг. показывают, что присоединившихся к Православию было стабильно больше, чем переходивших из него в другие вероисповедания» [181] (с. 76).

Так что высшее церковное руководство в те времена имело очень серьезную силу для влияния на враждебные вихри разжигаемой масонами революции. Почему же оно так и не использовало свое в данном вопросе просто подавляюще над всеми партиями и группировками преимущество?

Сначала о том, на кого, в пику исследованных нами глав белого движения, была уже загодя, за десятилетия до затем случившегося переворота, возложена секретная миссия по нейтрализации Русской Церкви в период готовящейся смуты:

«...“архиереем”, а позже и “патриархом” называли однокурсники Василия Белавина (14 декабря 1891 г. принявшего монашеский постриг с именем Тихона, 19 октября 1907 г. в возрасте 32 лет рукоположенного во епископа и 21 ноября 1917 г. поставленного патриархом)» [181] (с. 44).

«Причем весьма интересен следующий нюанс: саном митрополита Св. синод награждал Тихона (а вместе с ним и еще двух иерархов) до того, как получил право награждать. Так, определение синода об одновременном возведении архиепископа Тихона (Московского и Коломенского), Платона (Тифлисского, экзарха Кавказского) и Вениамина (Петроградского и Гдовского) в сан митрополитов с предоставлением им носить белые клобуки и митры с установленными крестами имеет порядковый № 4979. Но лишь следующим определением № 4980 синод решил себе предоставить право награждения лиц высшей церковной иерархии высшими церковными наградами, принадлежавшее ранее императору... Определение о возведении в сан митрополита трех иерархов было представлено Временному правительству и утверждено им 14-го числа [август 1917 г. — А.М.]. Подписи поставили министр-председатель Керенский и

министр исповеданий А. Карташев (ГАРФ. Ф. Р-4652. Оп. 1. Д. 1, Л. 190)» [181] (с. 402).

Причем даже место на Московской кафедре было расчищено для Тихона, намечаемого масонским правительством России в патриархи, совершенно незаконно — без архиерейского суда лишь одним силовым решением властей был удален с занимаемой им кафедры придержащийся монархистских взглядов владыка Макарий.

Так что взлет патриарха Тихона был ну ничуть не менее стремителен, а главное — ничуть не менее незаконен, нежели у поводырей белого движения, затянувших, в конце концов, самих себя в яму. Тихон Белавин не стал в этой когорте исключением. В 32 года в те времена и иереем стать было не так просто. Но чтоб в таком молодом возрасте и сразу в епископы? Здесь явно видна чья-то очень серьезная протекция — *волосатая лапа*, как сегодня, в век коррупции, принято говорить.

Эта самая лапа позволяла Тихону иметь то, чего простые смертные всегда были лишены. Вот маленький на эту тему пример:

«...еще на студенческой скамье Василий Иванович Белавин (мирское имя архиепископа Тихона), заведя студенческой библиотекой, “умел ее пополнить интересными, запретными в то время изданиями, и из укромного местечка выдавал и Герцена, и Ростиславова, и других «недозволенных» авторов”... архиепископу Тихону всегда были присущи либеральные воззрения... Возглавляя Ярославскую епархию в 1907 г., в период начавшейся политической реакции, владыка Тихон “с решительным и нескрываемым отрицанием” относился ко всем преследованиям со стороны духовной власти лиц духовного ведомства за их политические и церковно-общественные взгляды и “настойчиво не принимал никакого участия в монархических организациях”... как и большинство современных ему собратьев, не относился к числу патриотических приверженцев Царского Престола...” [181] (с. 401).

Мало того, не был он уличен в защите интересов русской веры и русского человека и в дальнейшем:

«Ни в одной речи, произнесенной патриархом, ни в одной статье, напечатанной в епархиальных ведомостях тех годов, где он святительствовал, нельзя найти ни малейших следов черносотенства» [181] (с. 402).

Однако ж совершенно очевидно отмечен он в обратном — подготовке революционных церковных движений:

«В 1919 г. патриарх Тихон одного из московских священников благословил на создание Рабоче-крестьянской христианско-социалистической партии с крайне левой программой. И, по словам А.Э. Левитина и В.М. Шаврова, “лишь по независящим от патриарха обстоятельствам партия не была создана”. Также патриарх будто не замечал, что в его епархии, в самом центре Москвы, в Заиконоспасском монастыре (на ул. Никольской) “заштатный” епископ Антонин вводил в установленные церковные чинопоследования массу новшеств: совершал литургию посреди храма, читал евхаристические молитвы вслух, кроил и перекраивал богослужения буквально каждый день» (там же).

То есть причисленный ныне к лику святых наш новомученик за Веру Русскую Патриарх Тихон, что выясняется, пост-то ведь свой занял исключительно за свою приверженность либеральным взглядам. Этим же взглядам, что и еще более изобличает в нем тайного агента темных сил, он следовал вплоть до 1919 года — самого страшного периода для РПЦ, когда десятки тысяч приходских батюшек были большевиками зверски уничтожены: забиты до смерти прикладами, заколоты штыками, заморожены в лед. В это самое время стоящий во главе церковноначалия человек попускает

образованию сектантских изменений в богослужении, практически сам стоит у истока рождения левых пробольшевицких партий.

Удивляет?

Всматриваемся в наше священноначалие той эпохи далее.

И вот что наиболее странного мы наблюдаем в поведении высшей церковной иерархии тех предреволюционных времен:

«Часть православного духовенства... поддержала общественные движения и партии либеральной и даже социалистической направленности. Целью последних, как известно, были не только определенные социальные преобразования в стране, но и *ликвидация самодержавия*» [181] (с. 85).

То есть достаточно немалая часть тогдашнего духовенства, как это ни выглядит теперь вопиюще удивительным, сама себе своими выступлениями и подписала на будущее смертный приговор.

А вот как себя вело духовенство в самый момент назревавшей еще первой смуты в 1905 году. Св. синод в своих воззваниях, выпущенных 22 и 28 октября, не наложил на подрывающих основы правопорядка подкупленных профессиональными революционерами смутьянов из простонародья никаких прещений:

«...не было предупреждения пастве от вступления в радикальные противоправительственные организации, не говорилось об их антимонархических целях и задачах» [181] (с. 139).

Но если руководство российского духовенства не отстаивало в то время своими действиями сторону правительства, то это вовсе не говорит о том, что оно вообще никакой в тот момент позиции не занимало. Ведь как действие, так и бездействие в определенной ситуации, либо идут против революции, либо помогают ее раздуть революционерам.

Вот что о позиции руководства нашего духовенства на тот момент сообщает Лев Тихомиров:

«Синод, молчащий при действиях революционеров, выпустил послание, призывающее к порядку, к тому, чтобы никто не защищал Царя самовольно, ибо “Царь велик и могуществен” и может сам себя защитить. Замечательные наши архипастыри и пастыри!» [182] (с. 93).

То есть именно своим странным молчанием они явно одобрили подкупленных революционерами горлопанов и, наоборот, резко воспретили патриотически настроенным русским людям вступить за своего Русского Царя.

И последствия этого никем неожиданного вероломного хода высших церковных иерархов не заставили себя долго ждать:

«Принятая Св. синодом едва ли не с самого начала смуты точка зрения — молчать о революционерах и порицать лишь противников их — не замедлила сказаться на всем пространстве империи. 19 ноября 1905 года в официальном печатном органе РПЦ был опубликован ряд поучений епископов различных городов, основной темой которых было осуждение еврейских погромов... Например, “при возникновении беспорядков антиеврейских или подобных им” выходить с крестом в епитрахили и “силою убеждения укрощать буйствующую толпу” (Прибавления к церковным ведомостям. СПб., 1905. № 47. С. 1991–2000). **При этом о необходимости сдерживания антиправительственных демонстраций не говорилось ничего**» [181] (с. 139).

То есть занимаемая руководством РПЦ сторона здесь выглядит совершенно однозначно. Св. синод слишком явно потворствовал еврейскому бунту, а потому всех с этим бунтом несогласных, чуть ни под угрозой отлучения, призывал к порядку. То есть к лояльности организуемого евреями беспорядка. Для чего, в самую еще первую очередь, засылал попов-миротворцев для предотвращения контрреволюционного бунта

— понятно дело — исключительно лишь *русского бунта*. И удар этот был направляем наиболее подло — в самое незащищенное место пытавшихся предотвратить еврейский переворот в своей стране русских людей — в их душу. Которая не православной быть просто уже по определению не может. Потому следует здесь все же обусловить эту временную победу инородцев вмешательством засланной верхушкой части либерально настроенного духовенства:

«...которое нагло призывало народ вступить в ряды революционеров» (ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 202. Л. 1–2)» [181] (с. 140).

А вот кто среди руководства тогдашнего РПЦ конкретно засветился в явном потворстве революционерам:

«Достаточно радикальные политические взгляды не скрывали архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский) и ректор С.-Петербургской духовной академии епископ Ямбургский Сергей (Тихомиров). Оба иерарха служили панихиды по расстрелянному лейтенанту П.П. Шмидту — руководителю севастопольского восстания в 1905 г.» [181] (с. 141–142).

А за вышеописанным весьма удивляющим своею просто наглостью неким таким якобы всечеловеколюбием со стороны этих революционеров в рясах, что видно просто за версту, стоял вовсе не альтруизм, о чем мнилось в ту пору. Но оплачиваемое хорошими деньгами давно отработанное в планах и протоколах сионистов падение нашей страны как единственной Православной Державы, сдерживающей приход их мессии — антихриста.

И после провала попытки народников склонить крестьянина на бунт с помощью интеллигенции, вот что значится в их планах по захвату нашей страны. Уже после неудачи революции 1905 г., в надежде на скорый реванш, глава партии конституционных демократов П.Д. Долгоруков подытоживает ту самую силу, с помощью которой надеется свалить после столь мощных атак пока еще держащееся каким-то чудом на плаву государство русских:

«Либеральные политические партии [...] могут получить в сельском духовенстве могучее средство к проведению в глубь населения своих политических верований. [...] Обыкновенно доктора и учителя пользуются влиянием лишь на отдельных лиц крестьянского сословия... Сельскому священнику, по своей профессии уже являющемуся духовником, духовным пастырем населения, гораздо легче приобрести нравственное влияние на все население прихода» [183] (с. 1727–1729).

Потому на этот раз, используя неудавшийся опыт народников, масоны засылали в народ уже не перекрашенную под простачков либеральствующую жидоинтеллигенцию, но перекрашенных под цвета своих планов красных священников. Что было прекрасно заметно со стороны русских масс, пытавшихся противостоять революции:

«В своих обращениях монархисты, в частности, обвиняли весной 1907 г. высшее духовенство в космополитизме и “совершенном пренебрежении национальных идей”, призывали членов Св. синода встать на защиту православно-русских святынь» [181] (с. 158).

Понятно, церковноначалию, чтобы избежать подозрений в связях с заговорщиками, некоторое время после неудавшегося переворота, когда их союзники хананеи революционеры, дабы спасти свои шкуры от весьма справедливого возмездия, чуть ли ни в полном своем составе разбежались из России, пришлось на некоторое время смириться с непротивлением власти черносотенному движению. То есть движению, стоящему на защите интересов государства. Но это длилось недолго. Уже в 1913 г. Св. синод принял решение, запрещающее лицам духовного звания принимать участие в деятельности политических партий и движений [184] (с. 61).

Именно эти санкции привели к тому, что:

«Руководящие посты в правых организациях вынуждены были оставить представители активной части духовенства — протоиерей Иоанн Восторгов, архимандрит Виталий (Максименко) и другие» [181] (с. 159).

Данное постановление высшего органа церковного управления явилось:

«...смертельным ударом по монархическому движению» [184] (с. 61).

Таким образом, запретив русскому человеку защищаться от нападков западного сатанизма при помощи Русского Православия и его наиболее ревностных служителей, корабль русской государственности был подставлен под всеразрушительные удары наваливающихся на страну инородных, иноземных и иноверных сил, насылаемых на Россию международным масонством, всецело поддерживаемым объединенным капиталом Запада.

И запретив русскому человеку всякое сопротивление, что и понятно, священноначалие открывало возможность темным силам революции обрушиваться со всей мощью на обезоруженное красными попами население России:

«...члены Св. синода РПЦ, располагая таким методом воздействия на паству, как право накладывания анафемы на “дерзающих на бунт и измену” против православных царей — даже не напомнили народу ни о церковной каре, ни о наличии соответствующего богослужебного чинопоследования... Жителям революционного Петрограда ничего не было сказано по поводу их государственно-религиозного долга по защите Престола...» [181] (с. 201).

Но что могло оказать на бунтующие массы подобного рода воздействие?

Оно могло всякую не только революцию, но и какую-либо и самую малейшую предпосылку к ней, прекратить в самом еще зародыше! Вот как подобного рода прещение, в то же между прочим самое время, повлияло на находящихся в тот момент в нашей столице католиков:

«Интересен факт, что католическая церковь тогда же выпустила краткое, но определенное обращение к своей пастве, закончившееся угрозой отлучить от святых церковных таинств каждого, кто примкнет к революционному движению» (там же).

И по свидетельству Князя Жевахова:

«...ни один католик, как было удостоверено впоследствии, не принимал участия в процессиях с красными флагами» [185] (288–289).

Вот какова сила церковного прещения! Ни один, заметим, даже католик не посмел пытаться прекословить своему священству.

Что было бы в России, где Православие, в убеждении паствы в своей правоте, ни в какое даже малое сравнение с католицизмом не идет?

Уличные шествия состояли бы исключительно из членов опломбированного вагона и кучки не соизволивших улизнуть после неудавшейся революции 1905 г. хананеев — представителей малоросских и белорусских местечек. Сюда же, понятно дело, могли присоединиться и гастролировавшие в свое время по стране нигилисты, которых также по тем временам было слишком немного, чтобы говорить о них как о какой-то серьезной силе. Ну и, что и понятно, сами члены государственной думы. Кого еще можно было скликать по тем временам организаторам беспорядков?

Да больше некого, если не считать по примеру ельцинского переворота спровоцированную на беспорядки кучку представителей горьковского дна, обильно снабженную спиртным. Потому сами эти враждебные вихри революции вполне по силам было отменить даже не решительно настроенному против святотатцев, но хотя бы просто пребывающему в свежем благоразумии священству. Но церковноначалие тех времен, что и удивительно, по каким-то весьма темным причинам вдруг, что затем выяснилось, почему-то не захотело произвести весьма обыденное действие против происходящего — прещение. Интересно бы знать — почему?

Существует такая на эту тему притча: *не пойман — не вор*. Можно ли уличить руководство того нашего РПЦ не в разгильдяйстве и неосведомленности, что пытаются сегодня приписать им в оправдание (дураки, мол, и дороги виноваты), но именно в умышленности, а точнее в злоумышлении произведенных ими в те годы действий?

Этот вор давно схвачен за руку. И вот одно из свидетельств этой «кражи» века:

«...Св. синод признал новую власть еще до отречения Николая II от престола, которое состоялось в ночь со 2 на 3 марта» [181] (с. 202).

Считается официально, что состоялось. Ведь текст его опубликован напечатанным на машинке. Подпись же «карандашом», что более всего соответствует тогда случившемуся, была исполнена несколько иным способом: обведением подписи Николая II под копирку...

Но священноначалие не соизволило дожидаться и этого. Потому видно и невооруженным глазом, что именно оно, опережая масонов, устроивших Николаю II западню, предало Русского Царя и Русское Царство еще до объявленной даты «отречения», за которую можно было бы им хотя бы чисто формально попытаться скрыться. Но они не утрудились сделать даже и этого.

И вот с какой стороны это масонское «священнодействие» по изъятию Удерживающего в те дни началось.

На этот раз свидетельствует генерал В.Н. Воейков — один из ближайших приближенных Николая II. Уже 1 марта в контакт с Исполнительным комитетом Государственной думы начали входить послы наших липовых, что теперь выясняется, в той войне союзников — Англии и Франции:

«Аккредитованные при Российском Престоле послы наших союзников открыто выразили еще в дни царствования Государя Императора одобрение обращенному в революцию Петроградскому уличному бунту» [186] (с. 172).

Тем теперь нам становится куда как более видна сторона, откуда на эту революцию поступил заказ.

Потому все последовавшее за сим уже не должно вызывать удивления. Руководством РПЦ было исполнено достаточно удивительное «священнодействие» по отношению к масонам, захватившим в тот момент в Православном Царстве власть:

«...решение было принять “к сведению и исполнению” и во всех храмах империи отслужить молебен с возглашением многолетия “Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному Правительству”...

Тем самым было изменено церковно-монархическое учение о государственной власти, которое исторически утвердилось в богослужебных книгах русской Церкви и до марта 1917 г. было созвучно триединой формуле “за Веру, Царя и Отечество”. Изменение смысла заключалось в “богословском оправдании” революции, т.е. в богослужебной формулировке тезиса о том, что “всякая власть от Бога”» [181] (с. 205, с. 213–214).

Хотя теперь распрекрасно известна эта фраза из Писания, ранее, аккурат этими красными попами, трактуемая неправильно. Якобы: «Всякая власть» исключительно должна являться «от Бога». На самом же деле перевод со старославянского звучит следующим образом: «Не есть власть, если не от Бога».

Но синод работал не на Бога и Его власть на земле, но на борющуюся с Ним и Его властью на земле организацию:

«...в Богородичном тропаре утрени после произведенной богослужебной замены поминовения Царя по всем церквам РПЦ должны были произноситься такие слова: “Всепетая Богородице [...] спаси благоверное Временное правительство наше, ему же повелела еси правити, и подаждь ему с небесе победу”. Этим “вероучительным”

молитвословием Синод фактически провозгласил тезис о божественном происхождении Временного правительства» [181] (с. 220).

И все почему?

Так ведь все без исключения ниточки той революции, в том числе и влияющие на руководство духовенства, находились в руках у масонов. Потому практически все кабинеты власти тех времен ими буквально кишели. Не составлял никакого исключения, судя по происходящему, и Св. синод. Вот что свидетельствует о переходе его руководства под власть изготовившегося к перевороту врага С.И. Фудель. Им:

«...приводится эпизод, касающийся А.Д. Самарина (известного масона-полукровки)» [207] (с. 97),

когда тот вступил на высшую в России церковную должность:

«Мой отец давно знал его [масона Самарина — А.М.] и высоко ценил, и, когда Александра Дмитриевича незадолго до революции назначили обер-прокурором Св. синода, я помню, что он пошел на телеграф (мы жили тогда на даче) и послал ему поздравление. Тогда... назначение Александра Дмитриевича воспринималось как победа...» [208] (163).

Кого над кем?

Масонов, каковым и являлся, что сегодня выясняется, Самарин, над русской властью в русской стране. Вот откуда ноги растут у всех последующих предательств со стороны Св. синода, произведенных по отношению законной власти в России.

Все тоже касается и членов правительства, захватившего в то время власть:

«По мнению ряда исследователей, в первом, как и во всех последующих составах Временного правительства, значительную часть, если не большинство, составляли члены масонских организаций. Единомыслие же высших иерархов с представителями власти в плане свержения царского самодержавия наталкивает на мысль, что среди членов Св. синода также были масоны (или по меньшей мере — имевшие перед масонскими организациями определенные обязательства). В первую очередь это относится к тем иерархам, которые определяли курс высшего органа церковного управления: к архиепископу Финляндскому Сергию (Страгородскому) и митрополиту Киевскому Владимиру (Богоявленскому)» [181] (245–246).

Сюда же, что выяснено чуть ранее, следует приплюсовать и самое главное в высших эшелонах церковной власти лицо — масона Самарина, назначенного перед самым планируемым масонами переворотом обер-прокурором. То есть высшим руководящим лицом в государстве от церковного руководства России той поры.

Вот какие люди, что выясняется, подготовили выстрел в спину крепко в ту еще пору стоящему в вере своих пращуров русскому человеку.

А потому уже более не будет удивлять сама схема одурачивания человека Русы вражьей пропагандой, ввергающий его в бунт против своей собственной власти в своей собственной стране:

«Люди больше шли на крестные ходы, чем на какие-либо светские заседания, представления, парады и демонстрации. Таким образом, мероприятия с участием духовенства служили фактором, объединяющим представителей буквально всех слоев общества: высших сословий и солдат, интеллигенции и крестьян, городских масс и амнистированных арестантов. Этим активно пользовались власти, которые заранее планировали религиозные элементы во время праздников революции» [181] (с. 376).

Так, например, в Архангельске накануне “Дня свободы”, назначенного на 10 марта, была обнародована программа торжеств. Она была составлена из следующих пунктов:

- «1) празднование устраивается на Соборной площади;
- 2) сбор в 11 часов дня;
- 3) молебн, вечная память, салют, речи, парад;

4) войсковым частям придти обязательно с красными знаменами (полковое знамя по желанию);

[...]

7) парад принимается красным флагом, поддерживаемым рабочим, солдатом и матросом...» [187] (с. 4).

«В результате “праздники свободы” имели как революционные, так и религиозные черты» [181] (с. 376).

А вот как проходило это масонами запланированное торжище в Калуге:

«...впереди солдаты несли хоругвь и иконы, за ними следовало духовенство, затем члены исполнительного комитета и далее с красными флагами — преподаватели различных учебных заведений, представители учреждений и различных организаций. На пути следования шпалерами были выстроены войска... По бокам дороги стояло множество народа» [181] (с. 377).

Подобно же им проходило это революционно-масонское торжище и в Рязани:

«...духовенство города служило в рождественском соборе литургию с епископом рязанским и Зарайским Димитрием (Сперовским). В своей проповеди епархиальный архиерей призвал паству к всемерному содействию Временному правительству по водворению в стране порядка, спокойствия и по доведению войны до победного конца. После окончания службы состоялся крестный ход, которым руководил викарный епископ Михайловский Амвросий (Смирнов). Церковная процессия дошла до площади, где проходили основные городские торжества. На специально устроенной к “Дню свободы” эстраде был отслужен молебен и возглашена “Вечная память” борцам за свободу. После этого состоялся парад войск и шествие 50 тысяч граждан, “ставших под красные знамена свободы”. В празднике участвовало все духовенство города» (там же).

Так что и здесь революционным шабашом заправляли красные попы. Именно они и являлись победителями в этой масонской *бес-кровной* революции.

Все то же было практически везде. В Иркутске:

«Войска с красными знаменами, на которых было написано: “Да здравствует свободная Россия!”, “Да здравствует революция” и пр., в массе своей сливались с величественной церковной процессией, возглавлявшейся архиепископом Иркутским и Верхоленским Иоанном (Смирновым II). При пении “вечной памяти” борцам за свободу народ опустился на колени» (там же).

Так что по всей России красные попы, чья деятельность курировалась красным же в то время синодом во главе с обер-прокурором масоном, вели деятельную подготовку к оболваниванию ничего в тот момент не понимающего народа.

Однако ж они и сами-то и в самых страшных снах своих не понимали — к чему ведет это ими самими и исполняемое с таким фурором предательство: России, русского народа, Русской Веры. Сами они были лишь послушными игрушками в руках опытных кукловодов, ловко направляющих их в огонь разжигаемой ими же самими гражданской войны. Понимал ли кто из них тогда что сам же и роет себе могилу? Понимал ли кто из этих червей, что сам же и подгрызает под собой сук?

Об этом не все понимают и сейчас. А тогда кто мог предвидеть существо кем-то затеваемого действия хотя бы и приблизительно?

Все были опьянены радостью, что получили-де некую свободу. Но от чего?

От содержимого, что выяснится потом, своих же карманов. Но когда это выяснится, будет уже поздно.

Тогда окажется, что кто-то под шумок переписал власть якобы народную лично под себя, собрал все деньги, власть и оружие. И теперь науськивает людей друг на друга. И те, кто убивать себе подобных отказываются, погибают сами. Таков порядок,

установленный бандой, усаженной себе на шею этим простачком, пока пускающим соплю о некоей полученной им якобы столь ему до того недостающей свободе.

Теперь-то он понимает все. Но уже поздно. Руки его теперь повязаны кумачом. Тем самым, который притащили в его страну красные батюшки, лихо перемешавшие русские богослужения с жидовскими мистериями на гойской крови. Они-то, наивные дурачки, думали, что подлым предательством Царя они выгадают себе рай уже здесь — на грешной земле. Однако ж просчитались. И теперь как им самим, так и ими одураченными людям, предстоит подвергнуться уничтожению со стороны красными попами собранных из преисподней легионов бесов, накликаемых созиданием, и отнюдь не без их личной помощи, антирусской революции.

Но вот в какой момент оболваненному пропагандой красному поповству начинает приходить понимание ими к тому времени содеянного:

«Начиная с конца июня 1917 г. возникло довольно значительное охлаждение между РПЦ и Временным правительством. Поводом тому послужило правительственное постановление от 20 июня о передаче в ведение Министерства народного просвещения всех церковных начальных, а также церковно-училищных школ (на которые отпускались деньги государством (Церковные ведомости. Пг., 1917. № 28. С. 191–192). Это деяние власти вело не только к подрыву духовного просвещения большинства жителей страны, православных от рождения, но и существенно затрагивало материальные интересы клириков: имущество более чем 40 000 церковных школ оценивалось в 170 миллионов рублей. Причем в том постановлении Временного правительства ничего не говорилось о соответствующих школах других вероисповеданий» [181] (с. 408).

Так что и здесь целенаправленность действий захватившей страну масонской клики видна просто за версту: исключительно против веры русского человека был нацелен этот не имеющий аналогов прецедент с захватом церковных школ светской властью.

Одумалось ли в тот момент руководство русского духовенства, почувствовав себя одураченным?

Да вовсе нет. Ведь никаких шагов, направленных против данного указа, им предпринято не было. Хотя сама процедура отлучения еретиков в наличии у священноначалия РПЦ имелась. И в тот самый момент руководство запросто могло наложить прещение на разработавших данный указ членов временного правительства. И никаких ответных мер ему нечего было опасаться — ведь в РПЦ по тем временам состояла практически вся страна. Но почему, в таком случае, на данное действие Св. синод не отреагировал никак?

Да потому что уж с ним данное действие временной власти в стране было согласовано более чем великолепно. В противном случае это правительство на данную авантюру не решилось бы.

Так что гробовая тишина со стороны высшего церковного руководства как раз и освещает его изначальную готовность к попустительству формирования безбожного государства. В том числе и формой изъятия из рук духовенства воспитания подрастающего поколения, заменив церковный приход обучением в мирском заведении. Причем, нисколько не задев при этом обучение: мусульман и хананеев, баптистов и католиков. Что самым естественным образом усиливало эти извечно враждебные русскому человеку диаспоры. Причем сегодня, кстати говоря, эта еще век назад начатая масонством работа видна уже куда как и еще более очевидно: мусульманство в России из жалкой кучки каких-нибудь 10–15 % от общего числа населения территории той еще Царской России, нынешнего бывшего СССР, доросло к сегодняшнему дню до просто угрожающего демографии РФ количества — порядка 40 и даже 55%. И это отношение с каждым годом все меняется. И отнюдь не в нашу

пользу. Что грозит уже не изъятием наших прав или свобод, но просто физическим нашим уничтожением в собственной же стране.

Работа же эта, по уничтожению русской культуры, началась, что выясняется, еще век назад — Временным правительством. Была продолжена СССР. Но и после его расчленения, то есть передачи мусульманам в безвозмездное пользование завоеванных нами у них территорий (причем вместе с проживающими на этих территориях русскими людьми), эта политика перекинулась на оторванную от остальной части разграбленного мусульманами и католиками, хананеями и униатами совка — РФ. Здесь теперь заведены свои мусульманские ханства с попранием прав оказавшихся на этих территориях русских людей. Их сегодня на наших в не столь далеком прошлом землях безнаказанно убивают и насиляют, лишают заработка и выгоняют из домов и квартир.

И все это сегодня вершашееся, вновь напомним, было подготовлено почти век назад не без деятельной поддержки красных попов. Именно они помогли завести масонам этот страшный механизм по уничтожению культуры русского человека. Именно плоды их деятельности пожинаем мы теперь.

И вот какое предзнаменование предшествовало всему как тогда случившемуся, так и произошедшему далее: голоду, эпидемиям и гражданской войне. Как выясняется сегодня:

«...явление “Державной” иконы произошло за несколько часов до подписания отречения Николая II от престола» [181] (с. 424).

Самого же отречения, якобы подписанного карандашом, судя по всему, не было и вовсе. Потому икона была явлена не после попытки придания этому отъему русской власти в стране какой-либо видимости законности, но уже после ареста правящего на тот день монарха. То есть сразу после изъятия власти у Удерживающего. И вот как сегодня трактуется факт ее появления именно в этот момент:

«...изображенная на “Державной” иконе Богородица приняла скипетр и державу скорее не от земного царя, а от... Царя Небесного. Т. е. Она, в определенном смысле, “подобрала” царские регалии после того, как Царь Небесный, с позволения сказать, “бросил” их, разгневавшись, видя свержение людьми Своего помазанника — земного царя, через которого Он незримо проводил Свою волю» [181] (с. 426).

И все оттого, что на роль главного предателя в этой разыгравшейся драме, затем вылившейся в страшную трагедию, в те времена вышло духовенство. Что подтверждает и его отношение к арестованному монарху:

«Весьма показательно, что писем, отправленных Николаю II в период его заточения, от духовенства Российской православной церкви в делах фонда № 601 нет» [181] (с. 439).

Спрашивается — почему?

Вот самый простой ответ на этот казалось бы изначально очень сложный вопрос. Вот кто, что выясняется, избирал патриарха всея Руси на открывшемся не без участия Временного правительства церковном апокалипсическом сборище:

«На открытии Поместного собора, начавшемся в Успенском соборе Московского Кремля, на почетных местах среди молящихся присутствовали представители Временного правительства: премьер-министр А.Ф. Керенский, министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев, министр исповеданий А.В. Карташев и его заместитель С.А. Котляревский (все четверо масоны)» [181] (с. 458).

Это открытие произошло 15 августа 1917 года. А уже:

«18 августа председателем Поместного собора был избран митрополит Московский Тихон (Белавин)...» [181] (с. 459).

Так кем же он являлся на самом деле?

Вот еще очередной компромат на этого более чем странного патриарха, избранного на свой пост масонами:

«По свидетельствам современников, в конце 1917 г., буквально сразу после поставления на патриарший престол Тихона, к нему обратился епископ Тобольский и Сибирский Гермоген (Долганов). Владыка просил у патриарха поддержки в оказании помощи Царской Семье, находящейся под арестом в Тобольске. Предлагался... вариант “выкупа” царских узников у охраны, назначенной еще Временным правительством. По сведениям исследователя архива Регионального управления ФСБ по Тюменской области полковника А.А. Петрушина (историка по образованию; заместителя Регионального управления ФСБ по Тюменской области: ныне — в отставке) охрана из трех гвардейских стрелковых рот, несколько месяцев не получавшая своего жалования, не скрывала желаний отдать Царскую Семью любой власти, которая в полной мере погасит перед ними все долги. Деньги для выкупа епископу Гермогену были тайно доставлены от монархистов Петрограда и Москвы. Петрушин утверждает, что патриарх Тихон от участия в освобождении Романовых отказался...» [181] (с. 525–526).

То есть для освобождения царственных узников было сделано в тот момент вообще все возможное, что зависело от воли русского человека. Так что русские люди, что выясняется, своего Царя не предавали. Так кто же предал?

Так ведь сам подготовленный масонами на практически папскую должность патриарх всея, что называется, Руси!

Вот как этот Иуда поступил с доверенным ему русскими простачками делом:

«Полученные же деньги, по сведениям Петрушина, патриарх Тихон распорядился по прямому назначению не тратить, а отложить их для церковных нужд» [181] (с. 526).

Вот кто является истинным царевубийцей наравне с Лениным-Бланком-Срулем и Лейбо Троцким-Бронштейном, Шайе Голошекиным-Фрамом и Янкелем Свердловым-Гаухманом.

Подтверждает это мнение еще и тот факт, что, несмотря на наделенность его практически папскими регалиями и полномочиями, этот красный поп до самой Голгофы царственных мучеников так и не сказал ни единого слова в их защиту:

«...патриарх Тихон... ни разу не поднял перед властями вопроса о судьбе содержащихся в заключении царственных узников» [181] (с. 532).

Все то же следует сказать и вообще обо всем церковноначалии тех времен, не только потворствующем красной революции в России, но, что выясняется все более непредвзято, возглавившем ее:

«Поместный собор 1917–1918 годов не является Православным Собором Русской православной Церкви не только потому, что он созван епископами-цареборцами... но, главным образом, из-за того, что его решение возвело цареборческую ересь соборным определением в ранг официального вероучения...»

Таким образом, русское духовенство, исполняя цареборческие синодальные определения, практически в своем полном составе поддержало февральскую буржуазно-демократическую революцию и все делало для того, чтобы закрепить и сделать необратимыми ее достижения» [181] (с. 729).

Еще раз обратим свое внимание на участников открытия этого странного собора, председателем которого был назначен совершивший просто фантастическую карьеру, фактически не реальную по существующим в ту пору церковным законам, Тихон Белавин. Русский народ должен знать своих «героев» — Иуд, продавших его в лихолетье:

«Сопредседателями (заместителями, или товарищами председателя) из архиереев были избраны архиепископы Новгородский Арсений (Стаднецкий) и Харьковский Антоний (Храповицкий), из священников — протопресвитеры Н.А. Любимов и Г.И.

Шавельский, из мирян — князь Е.Н. Трубецкой и М.В. Родзянко. “Всероссийский” митрополит Владимир (Богоявленский)... стал почетным председателем Собора (Деяния Священного Собора... 1994. Т. 1. Деяние 4. С. 64–65, 69–71)» [181] (с. 459).

Вновь возвращаемся к биографии Белавина — патриарха революционного РПЦ.

Каковы следы его деятельности после поставления в епископы?

В конце XIX, начале XX века он оказывается на посту управляющего Североамериканской епархии Православной Российской Церкви. И чем же отмечена его деятельность там?

Он, как и столетием позже Алексей II в соборе Парижской Богоматери, вступил в экуменические связи с американцами. Фотография, запечатлевшая это религиозное экуменическое общение, сделанная в 1900 году в притворе епископального собора в г. Фонд-дю-Лак в штате Висконсин, запечатлела Тихона Белавина в обществе епископов церкви США (см.: [199] (с. 15)). Что лишь подтверждает не случайность выбора закулисы для своих махинаций именно его. А также не случайность вертикальности взлета его карьеры, когда сан епископа он получает уже в 1997 году, будучи от роду еще только 32 лет.

И не случайность тех своих давних связей будет затем подтверждена и в решении Собора 1918 г., когда Тихон Белавин, уже на посту патриарха РПЦ, подпишет вот какой экуменический документ.

В пункте 23 деяний Собора значится:

«Собор предоставляет Священному Синоду организовать постоянную Комиссию с отделениями в России и за границей для дальнейшего изучения старокатолического и англиканского вопросов, для разъяснения путей сношений со старокатоликами и англиканами...» [200].

В пунктах 24–25 собор утверждает это постановление:

«Отдел о соединении со старокатолическою и англо-американскою епископальною Церквами... не находит непреодолимых препятствий на пути к означенной цели» (На страницах 369–370 приведены пункты 23–25. Деяния 170: «Москва, пятница, 7/20 сентября 1918 г. 10.00–14.45. Присутствовало 134 члена Собора, в том числе 32 архиерея. Председатель Патриарх Тихон») [200].

«Обратим внимание на слово “соединении”. Церковь, перерожденную революцией, хотят именно соединить с еретиками, а не еретиков, через установленный чин присоединить к Православной Церкви» [199] (с. 14).

Но и закончил патриарх Тихон свою как жизнь, так и карьеру совсем не так, как в недавнем прошлом обрисовывала нам это пропаганда. Вот какое послание в суд РСФСР позволяет ему выйти из тюрьмы:

«Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к Советской власти враждебно... Признавая правильность решения Суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного Кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, т.е. освободить меня из-под стражи.

При этом я заявляю Верховному Суду, что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархическо-белогвардейской контрреволюции.

16 июня 1923 г. [н. ст.] Патриарх Тихон (Василий Белавин)» [201] (с. 280–281).

«Спустя две недели, 18.06(01.07).1923 г., патриарх Тихон издал послание... в котором полностью подтвердил свою новую линию на открытое сотрудничество с советской властью...» [199] (с. 16).

И вот как обеляюще убийство миллионов русских людей, посредством устроенного большевиками искусственно инспирированного голода в Поволжье, звучат его «покаянные» строки. Он кается, в том числе, и:

«...в сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей...» [201] (с. 286–287).

То есть кается, что не помешал русским людям попытаться осуществить сбор ценностей для голодающих и тем прекратить голод, который все же унесет до десяти миллионов русских людей. Причем унесет именно по той причине, что сбор ценностей произведут вместо Церкви большевики и вместо помощи голодающих церковные ценности будут переориентированы на иные нужды большевиков.

Какие?

Отпечатывание, например, трудов Эйнштейна миллионным тиражом и т.д. С желающими же воспрепятствовать этой затее засевших в Кремле людоедов, то есть с пытающимися помочь голодным, большевики зверски расправятся, не позволив Русской Церкви пустить свои ценности на зерно для голодающих. Таким образом, этим своим покаянием патриарх Тихон, глава РПЦ, произвел акт оплевания могил миллионов погибших. Причем, совершил он этот свой повторный акт их оплевания уже не находясь за решеткой. То есть уже не понуждаемый никем.

Но почему же он поступил именно так?

Ему, судя по всему, просто напомнили — кто он. И как попал на занимаемый им пост. Мало того, — для каких вообще-то нужд во главе РПЦ поставлен.

И ведь нечем ему было возразить, коль рыльце-то в пушку. А потому, что и вполне для него естественно, Тихон посылает в догонку к первому своему акту предательства русского населения России еще и следующий — полностью открытое поклонение захватившему власть в стране большевицкому молоху:

«Указ Святейшего Патриарха Тихона о поминовении за богослужением “предержавших властей страны нашей”» [201] (с. 295).

Но не одними реверансами с большевиками отмечены эти последние месяцы жизни патриарха. Ведь главной его покровителями поставленной ему целью было уничтожение Православия на Руси путем увода РПЦ в сверх ересь — экуменизм.

И вот что он для выполнения уже этой задачи предпринял. Патриарх Тихон:

«...своим постановлением от 24.09(07.10)1923 г. ввел... католический календарный стиль» [199] (с. 16).

Мотивируя это тем, что такое нововведение:

«необходимо по требованиям астрономической науки и потребно для согласования церковной жизни с установленным уже во всех христианских странах времяисчислением» [201] (с. 299).

То есть здесь вновь прослеживается более чем явный заказ усавивших его на патриаршество экуменистов начать подгонку канонов Православия под иноверческие каноны западных церквей.

«Но все вводящие новшества как в пасхалию, так и месяцеслов уже Соборно анафематствованы Православной Церковью» [199] (с. 16).

О них сказано на Соборе в Константинополе 20 ноября 1583 г.:

«Кто... желает следовать григорианской пасхалии и месяцеслову, тот с безбожными астрономами противодействует всем определениям святых Соборов и **хочет** их изменить и ослабить — да будет анафема».

А патриарх Тихон, что выше обозначено, — **хотел**. Потому анафема эта распространяется и на него.

Однако ж в России, и даже в завоеванной ее врагами, ввести данное новшество, подобно введению его на Западе, и даже в ту пору, когда голод истребил, казалось бы,

уже каждую и малейшую возможность попытки русских людей к сопротивлению, все же не удалось:

«решительное сопротивление народа... заставило Предстоятеля Русской Церкви отказаться от реформы» [202].

Это произошло:

«после того, как русский церковный народ полностью прекратил посещение тихоновских храмов» [199] (с. 17).

Вот как звучит формулировка о все же прекращении попытки единения с Русской всех западных церквей, произведенной в ту пору Тихоном Белавиным. Эта отмашка на прекращение попытки введения ереси экуменизма выходит лишь через месяц — 26.10 (08.11) 1923 г. То уже есть после окончательного провала попытки перехода на западное время возглавляемым Белавиным РПЦ. И вот как сформулировано признание провала этой поистине апокалипсической акции, задуманной и проведенной красными попами:

«Повсеместное и обязательное введение нового стиля в церковное употребление временно отложить» [201] (с. 300).

То есть от осуществления данного мероприятия патриарх Тихон даже не отказывался, но приказал лишь временно приостановить ввиду вдруг возникших определенных трудностей, которые он, каким-то нам неведомым образом, все же считал возможным устранить.

Каким же это, интересно бы знать? Уж не штыками ли большевицкой армии интернационала: латышей и австрийцев, венгров и китайцев?

Так что тайная задача Тихона, полученная им от масонов, теперь, в свете нами уже обозначенного, становится совершенно ясна. В его обязанность входило предать вверенный ему в подчинение масонами русский народ склонить к ереси экуменизма.

Все тоже повторяется и сегодня. Но несколько даже более изощренным путем. Пасху 2013 г. нынешний апостасийный МП порешил с 7 апреля перенести на 5 мая. Таким образом, он не только дезориентировал никакого подвоха не подозревающий народ, но и перенес на иной срок: Вознесение, Троицу и Духов день. Причем, стоит пока по этому поводу просто зловещая тишина. Ведь народ на сегодня, проведя 70 лет в атеистическом угаре, к сожалению, уже давно растерял бытовавший у него ранее иммунитет самосохранения от ересей и сект. И в то, что РПЦ на сегодня, возглавляемая генералами от КГБ, представляет собой одну из западных сект, доверие к которой закончится для него весьма плачевно, не понимает и понимать не желает. Потому Апокалипсис на сегодня, апрель 2013 г., уже близок как никогда ранее.

Но во времена предательства Тихона Белавина и его церковных структур народ наш был еще слишком грамотным. А потому задуманное, и даже в эпоху массовых убийств и лютого голода, все же не прошло — русский человек массово восстал против предлагаемой ему ереси. Практически в полном своем составе верующий люд отвернулся от этого пастыря, сквозь овечью шкурку которого, накинутаю явно второпях, вдруг явственно проглянули его оскаленные волчьи клыки.

Вот кто вел страну нашу в погибель со стороны всемогущей в те еще времена РПЦ.

Так что, обратим внимание при подведении итогов, возглавляли гражданскую войну как лидеры красного режима (Ленин и Троцкий — оба масоны), с одной стороны, так и лидеры свергнутого большевиками режима, вожди белого движения, среди которых, после Деникина, Колчака и Корнилова, следует отметить Тихона Белавина и Антония Храповицкого. Один возглавил РПЦ в совдепии, а другой РПЦЗ среди метнувшихся в бега все тех же белых эмигрантов.

Но, если как следует-то рассудить, все они были мазаны одним «миром» — красной масонской революцией.

Но кто же им всем вкуче смел в те времена каким-то весьма странным образом как-либо и пытаться противостоять?

Сейчас определим.

Против кого велась гражданская война

Но была и третья им полностью противостоящая никем не организованная сила:

«Бунин, который прямо и непосредственно наблюдал “русский бунт”... записал в дневнике 5 мая 1919 года: “...мужики... на десятки верст разрушают железную дорогу (будто бы для того, чтобы не пропустить коммунизм — В.К.). Плохо верю в их «идейность». Вероятно, впоследствии это будет рассматриваться как «борьба народа с большевиками»... дело заключается... в охоте к разбойничьей, вольной жизни, которой снова теперь охвачены сотни тысяч...” (Бунин И.А. Собрание сочинений. Берлин, 1935, т. X, с. 112)» [90] (с. 34).

Ленин происходящее понимал лучше Бунина, считавшего возможным исправить произошедшее лишь при помощи масонских вождей белого движения. Потому от такого поведения мужика был слишком не в восторге:

«“мелкобуржуазная анархическая стихия” представляет собой “опасность во много раз (даже так! — В.К.) превышающую всех Деникиных, Колчаков и Юденичей, сложенных вместе” (т. 43, с.18), что она — “самый опасный враг пролетарской диктатуры” (там же с. 32)» [90] (с. 35).

И действительно, восстания проживающих в стране Есенина людей только лишь единственные и были способны сокрушить власть большевиков, усаженных нам на шею тайной масонской организацией. Источники насчитывают сотни восстаний по месяцам сквозь войну 1917–1922 годов. Советский историк Л.М. Спирин сообщает:

«С уверенностью можно сказать, что не было не только ни одной губернии, но и ни одного уезда, где бы не происходили выступления и восстания населения против коммунистического режима» [169] (с. 41).

Мужицкие восстания насчитывают в общей сложности что-то порядка 20 млн. разрозненно, не одновременно и полностью безоружно попытавшихся противостоять жидовско-комиссарскому засилию в России взявшихся за вилы, в лучшем случае за дробовики, русских людей.

Белые же добровольческие армии на этом фоне выглядят более чем куце: на Москву как-то странно пытались наступать какие-то жалкие 150 тыс. деникинцев, а на Питер, что и вообще просто смехотворно, — 18 тыс. солдат Юденича. Просто опереточное воинство.

Противостояли же им обмундированные и вооруженные за счет заграницы и ограбления большевиками складов Центральной России — миллионы! Потому к концу этой странной войны Красная армия довела количество своих войск до 5 млн. чел. [168] (с. 235).

Белые же армии в феврале 1919 г., в момент наибольшего развития белого движения, могли им противопоставить лишь 537 000 бойцов [169] (с. 297–299).

Не походит ли больше на пародию это кровавое братоубийственное месиво, якобы представляющее собой освободительный поход здоровых сил России против пришедших к власти в стране комиссаров?

Да, и от большевиков русский человек разбежался, не желая быть игрушкой в руках хананея комиссара: только в 1919 г. большевиками было задержано 1 млн. 761 тыс.

дезертиров и 917 тыс. уклонившихся [170] (с. 27–31) (половина численности Красной армии!). Но остальные были принуждены воевать.

А загнать русского человека в социалистическое «стойло» помогли два фактора:

1. С одной стороны — кровавое принуждение оплаченной в твердой валюте огромной армии инородцев, достигавшей, по разным оценкам, до 1 млн. штыков (сравните с 18 тыс. солдат Юденича)!
2. С другой стороны — подлая «помощь» с Запада:

В Париже в 1919 г. под председательством Г.Е. Львова, первого главы Временного правительства, было создано игравшее роль представительства Белых армий на Западе организация — «Русское политическое совещание». Оно требовало от белых генералов провозглашать «глубокодемократический характер целей» и «энергично подавлять всякие антиеврейские движения», лишь при этом обещая поддержку со стороны стран Антанты (ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 334. Л. 81) [171] (с. 96–104).

Так что против еврейских комиссаров белое движение не было ориентировано уже и изначально. Потому русский человек, сбегая от набора в Красную армию, в армию Белую, с которой его не связывало вообще ничего, переходить не очень-то и стремился. Потому даже иностранцев в этой смуте участвовало вдвое больше чем солдат, силой набранных во все белые армии всей России вместе взятые.

Корни же этого русского бунта, ну ни в чем не симпатизирующего наследникам идей Временного правительства, уходят в те времена, когда приходом комиссаров еще не запахло на огромных территориях России:

«К ноябрю 1917 г. 91,2% уездов оказались охваченными аграрным движением, в котором все более преобладали активные формы борьбы, превращавшие это движение в крестьянское восстание. Важно отметить, что карательная политика Временного правительства осенью 1917 г. ...перестала достигать своих целей. Солдаты все чаще отказывались наказывать крестьян...» [188] (с. 119).

Итак, хотя Временное правительство не насаждало коммунизм, бунт и при нем имел всеобщий характер: более 9/10 территории страны восстали против краснобантников, пришедших к власти в стране под весьма странным патронажем усадивших их в министерские кресла красных попов:

«Но, пожалуй, еще выразительнее тот факт, что и после Октября “русский бунт” обращался вовсе не только против красных, но и против белых властей! ...народное повстанчество 1918–1920 годов являло собой “сражение и против красных, и против белых” (Иллерицкая Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981, с. 18), и в глазах народа “белые такие же насильники, как и красные” (там же, с. 74)» [90] (с. 36).

Русский бунт:

«...был направлен против всякой власти вообще и, в частности, против любых видов “податей” и “рекрутства”» (там же).

То есть русский человек, которому в течение 300 лет подряд приходилось вскармливать усаженный ему на шею некий такой вид бактерий, состоящий из совершенно инородного ему элемента, которого он просто физически уже не мог дальше на своей шее терпеть, чисто подсознательно всеми силами пытался от него освободиться. А потому:

«...взяв в Октябре власть, большевики в течение длительного времени боролись вовсе не за социализм-коммунизм, а за удержание и упрочение власти... То, что было названо периодом “военного коммунизма” (1918 – начало 1921 года), на деле являло собой “бешеную”, по слову Троцкого, борьбу за утверждение власти, а не создание определенной социально-экономической системы; в высшей степени характерно, что, так или иначе, утвердив к 1921 году границы и устои государства, большевики

провозгласили “новую экономическую политику” (нэп), которая в действительности была вовсе не “новой”, ибо, по сути дела, возвращала страну к прежним хозяйственным и бытовым основам. Реальное “строительство” социализма-коммунизма началось лишь к концу 1920-х годов.

Сами большевики определяли нэп как свое “отступление” в экономической сфере, но это, в сущности, миф, ибо “отступать” можно от чего-то уже достигнутого. Между тем к 1921 году подавляющее большинство — примерно 90 процентов — промышленных предприятий просто не работало (ни по-капиталистически, ни по-коммунистически), а крестьяне работали и жили, в общем, так же, как и до 1917 года (хотя имели до 1921 года очень мало возможностей для торговли своей продукцией). Слово “отступление” призвано было, в сущности, “успокоить” тех, кто считал Россию уже в каком-то смысле социалистически-коммунистической страной: Россия, мол, только на некоторое время вернется от коммунизма к старым экономическим порядкам» [90] (с. 37).

Однако ж на самом деле ни одна из проводимых большевиками программ исполнена так и не была: ни Бога, ни русского духа, ни земли у русского человека отобрано так пока и не было. Разрушительные программы разрушителей буксовали на месте. Потому делали в этой обстановке лишь единственное, что умели: убивали всех с ними не согласных. Убивали миллионами, десятками миллионов.

Причем самыми подлыми методами, которые только возможно себе вообразить.

Например, всеизвестная страшная «испанка», выкосившая у нас несколько миллионов человек, что выясняется лишь теперь, была искусственно выведена в американских лабораториях и, после апробирования на своих же американских солдатах, запущена в Россию. Люди были перепуганы смертью от нее многих тысяч людей, а потому сами требовали вакцинации от этой страшной заразы, не понимая, что именно сама вакцинация, то есть оказываемое ими красной медицине доверие, теперь и несла им смерть: не умерли от нее только те, кто уколам красных медиков не доверился! Но смерть, поголовно, косила лишь тех, кто в страхе за свою жизнь доверялся большевицким врачам убийцам!

Затем, судя по всему подобным же образом — в ходе биологической агрессии против нас Запада, в терроризируемой большевиками России появляются: чума, холера и сыпной тиф. И новые миллионы русских людей выкашивают эти искусственным путем заброшенные к нам в период спровоцированной разрухи болезни. Затем к бесконечным эпидемиям большевиками добавляется еще и голод.

Казалось, Россия безвозвратно погибла.

Но нет. Финал этих битв для большевиков оказался обезкураживающе не в их пользу.

Вот что на эту тему сообщает, например, Б.В. Никольский:

«Патриотизм и монархизм одни могут обеспечить России свободу, законность, благоденствие, порядок и действительно демократическое устройство... теперь самый иступленный большевик начинает признавать не только правизну, но и правоту моих убеждений» [189] (с. 354).

«В активной политике они с нескудеющею энергиею занимаются самоубийственным для них разрушением России, одновременно с тем выполняя всю закладку объединительной политики по нашей, русской, патриотической программе, созидая вопреки своей воле и мысли новый фундамент для того, что сами разрушают» [189] (с. 271).

Вместе с тем:

«разрушение исторически неизбежно, необходимо: не оживет, еще не умрет... Ни лицемерия, ни коварства в этом смысле в них [большевиках] нет: они поистине орудия

исторической неизбежности... лучшие в их среде сами это чувствуют как кошмар, как мурашки по спине, боясь в этом сознаться себе самим; с другой стороны, в этом их Немезида; несите тяготы власти, захватив власть! Знайте шапку Мономаха!...» [189] (с. 272)

Большевики:

«неудержимые и верные исполнители исторической неизбежности... и правят Россией Божиим гневом и попущением... Они власть, которая нами заслужена и которая исполняет волю Промысла, хотя сама того не хочет и не думает... Враги у нас [с большевиками] общие — эсеры, кадеты и до октябристов включительно» [189] (с. 371–372).

Ранее он писал:

«Чем большевики хуже кадетов, эсеров, октябристов?.. Россию правят сейчас карающий Бог и беспощадная история, какие бы черви не заводились в ее зияющих ранах» [189] (с. 360).

Но и Шульгин, в конце концов поняв смысл происходящего (лучше поздно, чем никогда), свидетельствует все о том же. Он, ранее представляя собой национал-демократа влезшего в патриотическое движение, но, как и все уже вышеперечисленные Иуды сам и разваливший его, наконец, ощутив, откуда пришла в его страну беда:

«...постоянно и подчас крайне негодуяюще писал о “еврейском засилье” в большевицкой власти, о том, что евреи, как он определил, “являлись спинным хребтом и костяком коммунистической партии”, которую они “своей организованностью и сцепкой, своей настойчивостью и волей... консолидировали и укрепили” (Шульгин В.В. Что нам в них не нравится... с. 33). Однако еще до окончания гражданской войны, в 1921 году, способный к трезвому размышлению Василий Витальевич недвусмысленно заявил, что именно большевики “восстанавливают военное могущество России... восстанавливают границы Русской державы до ее естественных пределов” (Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989, с. 517). Он уточнял: “Конечно, они думают, что они создали социалистическую армию, которая дерется «во имя Интернационала», — но это вздор. Им только так кажется. На самом деле они восстановили русскую армию... Как это ни дико, но это так... Знамя Единой России фактически подняли большевики... Конечно, Ленин и Троцкий продолжают трубить Интернационал... На самом деле их армия была поляков, как поляков. И именно за то, что они отхватили русские области” (с. 515, 516; имелась в виду война с Польшей Пилсудского в 1920 году)...

Шульгин видел и общую закономерность: выдвижение на первый план “чужаков” вообще, а не одних только евреев; он писал в 1929 году, что большую и необходимую роль в большевицкой власти играли поляки, латыши, грузины и т.п. (Шульгин В.В. Что нам в них не нравится... с. 33) (напомню, что Польша, Латвия и — до конца 1922 года — Грузия были самостоятельными государствами, и, следовательно, речь шла об “иностранцах”)) [90] (с. 208–209).

«Итак, Василий Витальевич, прошедший весь крестный путь Белой армии, признает, что большевицкая — во многом еврейская — власть все же “лучше” безвластия, и, кроме того, вообще не видит другой силы, которая в тогдашних условиях могла бы восстановить государственность» [90] (с. 210).

Ту самую государственность, которую практически до основания разрушили вовсе не они — они лишь доламывали. Но ставленники Февраля — впоследствии руководители так называемой белой идеи.

А вот как распределялся офицерский состав между Белой и Красной армиями:

«...в Красной армии служили... около 43 процентов наличного к 1918 году офицерского состава, в Белой же 57 процентов...» [90] (с. 66).

Причем:

«...офицеров Генерального штаба (Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988, с. 181) в Красной армии оказалось 639 (в том числе 252 генерала) человек, что составляло 46 процентов — то есть в самом деле около половины — продолжавших служить после Октября 1917 года офицеров Генштаба; в Белой армии их было примерно 750 человек (там же, с. 196–197). Итак, почти половина лучшей части, элиты российского офицерского корпуса, служила в Красной армии!» [90] (с. 66).

А вот и еще куда как более шокирующая цифра:

«...из 100 командиров армий у красных в 1918–1922 годах 82 были “царскими” генералами и офицерами...» [90] (с. 67).

Почему такое происходило? Почему офицерство не пошло освобождать от большевиков свою Родину в рядах белого движения?

Очень похоже, что большевики показались для офицерства все же меньшим злом, чем: Алексеев и Деникин, Корнилов и Колчак. Ведь и за версту было видно:

«...что во главе Белой армии стоят исключительно “дети Февраля”, его не раскаявшиеся до самого конца выдвигенцы» [90] (с. 67).

«Чем еще могло окончиться Белое Движение, если все его руководители были разрушителями Православной России как Православной Монархии?» [92] (с. 127).

И такая засоренность масонами в составах правительств Белых армий не могла оставаться незамеченной. Потому отток офицеров происходил не из Красной армии в Белую, но наоборот:

«Было точно подсчитано, что 14 390 офицеров перешли из Белой армии в Красную (то есть каждый седьмой) (Кавтарадзе А.Г. цит. соч., с. 174)» [90] (с. 68).

Однако ж и противоположная сторона — красная — ничего хорошего русскому человеку не сулила:

«Нечто подобное фашизму, без сомнения, имело место в России XX века. Так, например, 17 сентября 1918 года в одной из влиятельнейших тогда газет, “Северная коммуна”, было опубликовано следующее беспрецедентное требование члена ЦК РКП(б) и председателя Петросовета Г.Е. Зиновьева (с 1919-го — глава Коминтерна): “Мы должны увлечь за собой девяносто миллионов из ста, населяющих Советскую Россию. С остальными нельзя говорить — их надо уничтожить” (История советской литературы. Новый взгляд. Ч.2. М., 1990, с. 28)... за последующие четыре года жертвами стало даже в два раза больше людей...» [90] (с. 74),

чем было запланировано Зиновьевым. Но если прибавить сюда и совершенно никем неучтенные жизни маленьких детей, погибающих в ту пору, когда и взрослые-то выжить не все могли, то станет очевидным, что потери были куда как и еще более катастрофичны: большевики много перевыполнили данные ими обязательства.

И здесь, что и вполне понятно, никак не могло обойтись без народных выступлений. Вот что писали в своей листовке, выпущенной в марте 1921 года, вожди русского партизанского движения, чье сопротивление власти белых несколько ранее ознаменовало победу здесь красных частей:

«Народ уничтожил Деникина и Врангеля, уничтожил Колчака, уничтожит и коммуны. С нами Бог и победа, ибо мы за правое дело» [192] (с.152).

Так что победа в конечном итоге красных вовсе не говорит, что именно за ними пошел русский народ. Причем даже не удастся нас убедить в том, что народ просто-напросто ласковенько эдак надули.

Большевиков в народе русском, что на самом деле, ненавидели. Так же, впрочем, как и белых, стремившихся лишь к шкурническим своим интересам — вернуть отобранные большевиками поместья и продолжить прерванные ими на время своего изгнания пиры.

Но кто же, в таком случае, воевал за большевиков. Как они умудрились все-таки победить, не имея никакой поддержки от населяющего страну народа?

А все очень просто. Обе как бы так «воюющие» между собой в той войне армии, а на самом деле воюющие не между собой, но с народом русским, были составлены в основе своей из наемников. То есть на фронте-то и действительно воевали русские, мобилизованные обеими армиями: их было посылать на братоубийственную бойню не жаль. Только вот чтобы их заставить воевать, пришлось прибегнуть вот к какой силе — к битому нами и плененному в войне врагу: к октябрьской революции в России, что выясняется, скопилось до 5 миллионов иностранных граждан — в основе своей состоящих из числа плененных нашим доблестным воинством солдат врага [193] (с. 234).

Так что с русским человеком воевали практически все офицеры (одни за белых, другие за красных) и иностранные граждане, в своей основе военнопленные, освобожденные и вооруженные пришедшими к власти врагами русского народа (одни за белых, например, чехи, другие за красных: венгры, немцы, поляки и т.д.). А русский человек был обезоружен и разобщен: его набирали в армию как белые, так и красные.

Но нашего брата на руководящих должностях не было вообще ни при какой власти. Среди белых главенствовали масоны, среди красных люди исключительно «заезжие», специфически определенной национальности:

««еврейским» был верховный, с формальной точки зрения, орган власти — Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (ВЦИК), избранный 26 октября 1917 года: из шести его большевицких членов четверо были евреи — В. Володарский, Каменев, Свердлов и Ю.М. Стеклов, чья настоящая фамилия — Нахамкис (кроме них в Президиум были избраны еще два большевика — поляк Дзержинский и латыш Стучка; русских там не имелось вообще)» [90] (с. 172).

Но ведь имелись и русские люди среди красного командования. Почему же они так и не вступились за уничтожаемого большевиками соотечественника?

Вступались. Но большевиками, чувствуется, уже заранее были прекрасно отработаны методы борьбы с ними. Потому эти выступления всегда заканчивались одинаково:

«...Миронов, например, звал Троцкого “Бронштейном”, утверждал, что народ гонят на “жидовско-европейский фронт” (то есть используют в “еврейско-интернациональных” целях), клеймил члена ЦК Смилгу и других чужаков “вампирами, проливающими невинную кровь” и т.п. (Медведев Р.А., Стариков С.П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М., 1989, с. 248, 249).

13 сентября 1919 года Троцкий издал приказ: “...Как изменник и предатель, Миронов объявлен вне закона. Каждый гражданин, которому Миронов попадется на пути, обязан пристрелить его как собаку. Смерть предателю!” (Лосев Евгений. Трижды приговоренный. “Москва”, 1989, №2, с. 163).

Однако в этот момент в судьбу Миронова вмешался Ленин...

И все же поведение Миронова было слишком непростительным, и, несмотря на его громкие победы над Врангелем в следующем, 1920 году, он оказался в Бутырской тюрьме...» [90] (с. 212).

И 2 апреля 1921 г. был расстрелян там:

«без всякого суда, неожиданным выстрелом неведомого лица...»

Намного раньше Миронова, еще 1 ноября 1918 года, был также убит блистательный полководец Иван Лукич Сорокин. Правда, в отличие от Миронова, он сам начал

кровавую борьбу с теми, кого считал врагами русского народа. Факты таковы: “13 октября (1918 года. — В.К.) он (И.Л.Сорокин. — В.К.) арестовал председателя ЦИК Кавказской республики Рубина, товарищей (то есть заместителей — В.К.) председателя Дунаевского и Крайнего, члена ЦИК Власова и начальника «чрезвычайной комиссии» Рожанского. Все эти лица — кроме Власова, евреи — были в тот же день (согласно другим сведениям — 21 октября — В.К.) расстреляны. По объяснению приближенных Сорокина, пойманных и заключенных в тюрьму, Сорокин «ненавидел евреев, возглавлявших кавказскую власть»” (“Вопросы истории”, 1993, №5, с.138). 28 октября он был объявлен “вне закона” и вскоре же, 1 ноября, застрелен.

Наконец, Б.М. Думенко, заслуги которого позднее во многом приписали его бывшему “помощнику” С.М. Буденному, был 24 февраля 1920 года арестован вместе со своим штабом и расстрелян 11 мая. “Пункт первый” обвинения: “...проводили юдофобскую и антисоветскую политику... обзывая руководителей Красной Армии жидами”. К делу подшито “донесение политработника Пескарева... в котором он сообщал, что Думенко в его присутствии сорвал со своей груди орден Красного Знамени и, забросив в угол, сказал: «Не надо мне его от жида Троцкого» ...Трибунал республики имел указание Троцкого об осуждении и расстреле Думенко, который нанес ему личное оскорбление” (Викторов Б.А. Без грифа “секретно”. Записки военного прокурора. М., 1990, с. 79, 83).

Перед нами судьбы трех виднейших и в свое время знаменитейших военачальников Красной армии. Все они были безоговорочно против и дореволюционных порядков, и Белой армии. Но они не могли примириться с подавлением “русского народа с его, — пользуясь словами из... мироновского письма Ленину, — историческими, бытовыми и религиозными традициями и мировоззрением”. А находившиеся на верхах власти “чужаки” постоянно этим занимались, “углубляя”, по их определению, революцию...

И дело, понятно, не сводилось к трем названным крупным военачальникам. Нельзя усомниться в том, что подобная же гибель постигла тогда многих занимавших высокие посты людей. Так, согласно убедительным новейшим исследованиям, 30 августа 1919 года был во время боя убит пулей в затылок командир дивизии Николай Щорс, — убит “своими”... Позднее, уже в 1930-х годах, его имя было прославлено — в особенности благодаря превосходному киноэпосу Александра Довженко “Щорс” (1939). Застрелил его, как доказывается, “политинспектор Реввоенсовета” одесский еврей П.С. Танхиль-Танхилевич; ранее член Реввоенсовета Юго-Западного фронта С.И. Аралов доложил Троцкому, что “в частях дивизии (щорсовской — В.К.) развит антисемитизм...” (Зенькович Н.А. Тайны кремлевских смертей. М., 1995, с. 273–276, 281) [90] (с. 161, 212–214).

Между тем Запад отнюдь не от неких таких ему приписываемых щедрот порешил организовать эту странную борьбу с большевиками. Он предоставлял оружие:

«...под залог в виде трети золотого запаса России... (Дроков С.В. Александр Васильевич Колчак. “Вопросы истории”. 1991, №1, с. 61)» [90] (с. 52).

То есть и в этом случае возможность ведения военных действий предоставлялась ценой изъятия у России золотого запаса, что лишало ее возможности иметь свою собственную конвертируемую валюту. Таким образом, подрубались и всякие основы государственности. После чего уже трудно было избежать расчленения страны. Вот какую цель в России преследовал опекаемый масонством Запад.

Не меньшим подрывом русского уклада жизни стали и прошедшие в связи с модой попугайничания Западу земельные реформы, связанные с именем Столыпина.

«Жизнь П.А. Столыпина началась и почти целиком прошла (кроме нескольких лет студенчества и службы в Петербурге) в западной части Ковенской губернии (ныне — Литва). С русской деревней он соприкоснулся лишь на пятом десятке, в 1903 году,

когда был назначен саратовским губернатором (к тому же вскоре начались беспорядки, которые не способствовали объективному изучению деревенского бытия). В Ковенской губернии и соседней Восточной Пруссии, где часто бывал Петр Аркадьевич, господствовали хуторские хозяйства, сложившиеся в давние времена. И ему в какой-то мере представлялось, что эта — по сути дела, западноевропейская — “модель” может привиться в русском крестьянстве. Однако, будучи перенесенной — к тому же очень поспешно — в совсем иной мир, модель эта дала совершенно иные результаты, чем на Западе» [90] (с. 58).

То есть казавшееся со стороны вроде бы и полезным крестьянское переустройство на самом деле и явилось главной причиной, вызвавшей русский бунт, направленный против обасурманивания русской деревни.

Но программа этого переустройства, судя по всему, является плодом масонов, засевавших в те времена практически в любых структурах власти:

«Столыпин не был ни автором основных ее концепций, ни разработчиком. Он воспринял проект в готовом виде и стал как бы приемным его отцом... но это не значит, что между отцом и приемным его чадом не было противоречий... у Столыпина, конечно же, были и свои собственные замыслы, которые он пытался реализовать. Но случилось так, что они не получили значительного развития, ходом вещей были отодвинуты на задний план, зачихали, а приемный ребенок... наоборот начал расти и набирать силу. Пожалуй, можно сказать, что Столыпин “высидел кукушкина птенчика” (Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992, с. 44).

Сам Столыпин... “предлагал организовать широкое содействие созданию крепких индивидуальных крестьянских хозяйств на государственных землях”» [90] (с. 58).

Однако же группа чиновников во главе с В.И. Гурко, уже к тому времени подготовившая свой проект реформы, внесла сильные изменения в проект Столыпина. Вместо создания крепких хозяйств на государственных землях, пустовавших по тем еще временам, политика реформаторов была нацелена на:

«...создание хуторов и отрубов на надельных (крестьянских) землях...» [90] (с. 52).

То есть не предоставить крестьянам освоение новых пока еще не обработанных целинных земель, но, наоборот, разорубить на лоскутки крестьянские общинные земли, тем посеяв обязательную рознь в крестьянском мире. То есть буквально — расколоть крестьянский мир на части и посеять внутри таким образом разрушаемой крестьянской общины непримиримую вражду.

«С агротехнической точки зрения такие новшества не могли принести много пользы... но оно было способно сильно нарушить единство крестьянского мира, внести раскол в общину» [190] (с. 45).

Столыпин же:

«изначально вовсе не хотел насильственного разрушения общины» [190] (с. 53).

Что прекрасно видно на результатах удивительного подъема тех хозяйств, члены которых были именно с его помощью переселены на целинные земли, где в считанное десятилетие только в совсем недавнем прошлом бедняки смогли поднять уровень своего хозяйства даже выше середняков, будучи уже в 18-м раскулаченными большевиками.

В центральных же областях среди остающихся там на жительстве крестьян, стараниями влезших на ответственные должности масонов, эта попытка была не просто сорвана, но все чаяния правительства были переисковерканы в точности до наоборот желаемому:

«...чиновники... непосредственно осуществлявшие реформу... делали не совсем то или даже совсем не то, что имел ввиду председатель Совета Министров» [90] (с. 60).

Так что и это вроде бы благое дело, по наделению крестьян землей, оказалось изуродованным в кривом зеркале внесшего свою лепту в исполнении данного проекта забравшегося практически во все властные структуры масонства, ставящего своей целью уничтожение Православного Царства. И эта подрывная его деятельность в данном случае видна невооруженным глазом: враг прекрасно знал — на чем держатся основы Русского Царства. Эти основы он и поспешил подрубить в самую первую очередь.

И все это не могло пройти совершенно безследно. В русское общество был вбит клин, когда общественная цель русской деревни раскололась на множество целей единоличных. Что и породило этот странный для России феномен: совершенно безпричинный русский бунт. Который и лег в основу всех впоследствии побед и поражений красных и белых армий в ходе гражданской войны:

«Так, например, если бы весной 1919-го не вспыхнуло восстание донского казачества (то самое, которое запечатлено в “Тихом Доне”), армия Деникина вряд ли смогла бы совершить свой поход на Москву, достигший Орла. Точно также Красная армия не сумела бы в конце 1919-го – начале 1920 года менее чем за два месяца выбить армию Колчака из Сибири, если бы не мощное народное восстание против власти белых, основную массу участников которого большевики явно неадекватно называли “красными партизанами”: ведь многие из этих самых “партизан” менее чем через год взбунтовались уже против большевицкой власти» [90] (с. 64).

«В 1917 году над Россией восходит пятиугольная звезда — эмблема всемирного масонства.

Власть перешла к самому злобному и разрушительному масонству — красному во главе с масонами высокого посвящения — Лениным, Троцким — и их приспешниками, масонами более низкого посвящения: Розенфельдом [Каменевым], Зиновьевым [Апфельбаумом], Парвусом, Радеком, Литвиновым [Валлахмакс] и т.д. ...

Программа борьбы новых строителей сводится: к уничтожению Православной веры, искоренению национализма, главным образом “великорусского шовинизма”, разрушению быта русской православной семьи и всего духовного наследия наших великих предков» [141] (с. 409).

Для этого, как посчитал красно-белый общий центр руководства русской революцией, все средства хороши. Потому, под видом ведения противоборствующими армиями военных действий, на страну опускается голод и холод. Мало того, начинается террор — уничтожение мирного населения — как с красной, так и с белой стороны:

«Чтобы со всей очевидностью понять относительную “незначительность” войны между Белой и Красной армиями в общей картине того времени, достаточно обратиться к цифрам человеческих потерь в этой войне. Благодаря недавнему рассекречиванию архивных материалов выяснено, что в 1918–1922 годах так или иначе погибли 939 755 красноармейцев и командиров (Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование М., 1993, с. 54). Что касается Белой армии, о ее потерях имеются только ориентировочные суждения; согласно одним из них, количество погибших было примерно то же, что и в Красной, согласно другим — значительно меньшее» [90] (с. 64).

Чтобы выяснить всю чудовищность пришедшего к нам масонского режима:

«Обратимся к безстрастным цифрам, к статистике. В 1923 году — всего за пять послереволюционных лет — в России исчезло 29,5 миллионов человек. Это означает, что жертвой “Великой Октябрьской Социалистической революции” стал каждый пятый из населявших нашу страну» [92] (с. 93).

Но имеются и более страшные о тех годах сведения:

«Сегодня общее число жертв первых пяти лет после революции оценивается в 37 миллионов человек...» [142] (с. 239).

Так что убит в Советской России большевиками, при деятельной поддержке меньшевиков, правых и левых эсеров, эсдеков, анархистов и иных темных сил «русской» революции, как выясняется — масонских сил, каждый четвертый житель нашей страны. Причем исключая: Среднюю Азию и Прибалтику, Западнорусские земли и Закавказье. Так что цифра эта и еще более ужасающая, чем видится нам в свете принадлежности всех потерь ко всем землям той дореволюционной России, включающей некогда еще и часть Польши, а также Финляндию.

Но, может быть, кто-то серьезно все же ошибается в произведенных им исчислениях?

К сожалению, нет: более чем достоверные факты подтверждают все произведенные на эту тему расчеты более чем непредрвзято. Ведь:

«Даже по официальной статистике, к концу 1922 года в стране было 7 миллионов (!) безпризорных — то есть лишившихся обоих родителей детей... (Малая советская энциклопедия. М., 1929, т. 1, с. 703)» [90] (с. 64).

То есть детей, подавляющая часть которых до своего исчисления в 1922 году просто не дожила. Причем сюда же следует еще добавить и никем не зафиксированных новорожденных детей, умерших сразу после своего появления на этот страшный свет, в тот момент оказавшийся под железной пятой захватившего в стране власть масонства.

Но и в дальнейшем в стране этого в устах марксистов «победившего пролетариата» многим лучше не стало:

«Следующий период: с 1923-го по 1927 год — это уже не гражданская война, более-менее мирное время. За считанные годы страна потеряла 10,7 миллионов своих граждан. Пойдем далее: 1929–1933 гг. убыль населения — 18,4 миллионов. Наконец, пятилетие 1934–1938 гг. потери 9,6 миллионов.

Эти сведения содержатся в безпристрастных и абсолютно чуждых идеологии трудах ученых-демографов Института социально-экономических исследований Госкомстата России: Андреева, Дарского и Харьковской (Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993) [92] (с. 93–94).

Так что:

«...с октября 1917 года вплоть до 22 июня 1941-го в истории России не было ни одного года без чудовищных людских потерь...

Что это, если не война, цель которой — уничтожение России и ее народа?» [92] (с. 94).

Но эти страшные цифры еще не все ужасы тогда совершавшегося собою отображают. Ведь сюда же следует прибавить и десятки миллионов умерших маленьких детей. Ведь это только сейчас аборт стал вполне узаконенным средством по убийству детей в утробе матери. В те времена такие «новшества» могли себе позволить лишь единицы, да и то, преимущественно лишь в идущем в моду со временем городе. Но ведь страна на 80% была крестьянской, а там убийство детей в утробе не приветствовалось никогда. И если в последние дореволюционные годы население страны увеличивалось, несмотря на естественную убыль стариков и больных, на 6 млн. человек в год, то за рассматриваемый период в два десятка лет, из которых на некую такую «войну» приходится лишь три года, оно должно было увеличиться вдвое.

Но оно-то ведь, что самое здесь страшное, — осталось на месте!

То есть вместе с детьми эта цифра наших людских потерь должна быть увеличена и еще в несколько раз! Вот какие страшные потери понесла Есенинская крестьянская Россия в этой необъявленной войне, ведущейся против нее тайной сектой.

А вот как распределяется доля потерь мирного населения России, истребляемого большевицкими палачами после их прихода к власти:

«Доля “исчезнувших” в 1918–1922 годах — 19,9%, в 1923–1927 годах — 7,7%, в 1929–1933 годах — 11,9%, в 1934–1938 годах — всего лишь 6,1% — меньше, чем в “мирных” 1923–1927 годах!» [90] (с. 109).

Но революция продолжается:

«Ленинская диалектика известна: для достижения целей возможны все средства — и основными методами осуществления ленинских — точнее, коммунистических, — принципов всегда были обман и насилие» [92] (с. 94).

Но как на практике осуществлялась эта самая *ленинская диалектика*?

Россия в концлагере

Для определения всей чудовищности изобретенной им страшной машины следует лишь краешком глаза заглянуть в мемуарный труд человека, каким-то чудом все же избежавшего смерти в опутавшей Россию сетью лагерей Ленино-Троцкистско-Сталинской тюрьме.

«В 1936 году в Софии вышла книга Ивана Солоневича “Россия в концлагере”. Солоневич, выживший в советском концлагере в Карелии, сумел бежать. Он рассказал миру о том, что происходит в Стране Советов. Одна из глав этой книги (“Общероссийская платформа”) содержит описание беседы Солоневича и Чекалина — чекиста, занимавшегося отправкой заключенных в систему лагерей Байкало-Амурской Магистрала (БАМ)» [92] (с. 137).

«...Вернулся Чекалин. В руках у него три огромные печеные репы и тарелка с кислой капустой

— Хлеба нет, сказал он и как-то покорежился. — Но и репа неплохо» [92] (с. 142).

Но коньяк, без чего чекистам уж никак нельзя, имелся в изобилии. Потому беседа протекала достаточно раскрепощенно:

«...Мировая революция лопнула явственно. Куда же мы летим?

— К строительству социализма в одной стране, — сказал Чекалин, и в голосе его особенной убедительности не было.

— Так... А вы не находите, что все это ближе стоит к какой-нибудь свирепой азиатской деспотии, чем к самому завалющему социализму... И сколько народу придется еще истребить, чтобы построить этот социализм так, как он строится теперь, — то есть пулеметами... И не останется ли в конце концов на всей Русской земле два настоящих социалиста — безо всяких уклонов — Сталин и Каганович?..

— Это, извините, жульническая постановка вопроса. Конечно, без жертв не обойтись. Вы говорите — пулеметами? Что ж, хлеб тоже штыками выколачивали... Не нужно слишком уж высоко ценить человеческую жизнь... Командир, который в бою будет заботиться не о победе, а о том, как бы избежать потерь, — такой командир ни черта не стоит... Вы говорите — зверства революции... Пустое слово. Зверства тогда остаются зверствами, когда их недостаточно. Когда они достигают цели — они становятся святой жертвой. Армия, которая пошла в бой, потеряла десять процентов своего состава и не достигла цели — она эти десять процентов потеряла зря. Если она потеряла девяносто процентов и выиграла бой, — ее потери исторически оправданы. То же и с нами. Мы думаем не о потерях, а о победе. Нам — отступить нельзя... Ни перед какими потерями... Если мы только на вершок не дотянем до социализма, тогда все это будет зверством и только. Тогда идея социализма будет дискредитирована

навсегда. Нам остановки — не дано!.. Еще десять миллионов! Еще двадцать миллионов! Все равно!.. Назад дороги нет! Нужно идти дальше...» [92] (с. 142).

По трупам. И они, «под звук метели», шли...

Вот как подытоживает эту коммунистическую политику выжженной земли Иван Солоневич:

«Он, конечно, будет переть. Он будет переть дальше, разрушая всякую жизнь вокруг себя, принося и других, и себя самого в жертву *религии организованной ненависти*» [92] (с. 151).

Однако ж и высокопоставленный чекист все ж осознает всю грандиозность производящихся ими убийств:

«— А вот когда выкорчует окончательно — так вопрос: что останется. Может, и в самом деле ничего не останется... Пустая земля. И Кагановича, может, не останется: в уклон попадет... А вот жизнь была — и пропала. Как псу под хвост. Крышка... Попали мы с вами, товарищ, в переделку. Что называется, влипли... Если бы эдак родиться лет через сто и посмотреть, что из этого всего вышло... А если ничего не выйдет? Прямо в петлю...» [92] (с. 152).

Жизнь показала, что БАМ, на стройку которого практически на смерть набирал «лагерную пыль» чекист Чекатилин, так по-нормальному до конца и не отстроили. Даже при наличии самой современной техники — при Брежневе. Прекрасно же и до сих пор функционирует та трасса, которую проложили еще при Царе. Так что в петлю могут определить свою шею и все нынешние последователи Чекатилиных — такова судьба людей: жертв марксистской парадигмы. И очень не зря принимаются в масонство, постоянно устраивающее эти кровавые красные революции, именно с петлей на шее — это конечная участь тех, кто вступил в этот марксистско-ленинский клуб самоубийц.

Но не только к началу 30-х у большевиков-ленинцев оставалась лишь одна «надежда» выхода из тупика — петля. Это стало ощутимо и еще много раньше. Вот дневник одного из партийных работников послереволюционной эпохи:

«1922 год. 15 января

В последнее время самая популярная тема среди коммунистов — самоубийства. Стреляются, отравляются коммунисты на каждом шагу. Общественная деятельность — только средство забытья, заглушить свой внутренний голос. И вот теперь приходят к самым печальным заключениям. Личная жизнь разбита. Одиночество. Семьи нет. Нервы расшатаны. Здоровье подорвано. Материальное положение не обеспечено. И тогда многие из коммунистов, видя, как они остались в дураках, разочарованные, лишают себя жизни... Таеет правоверная коммунистическая рать, всякий скрывает свои истинные намерения фиговым листом фраз. А на самом деле каждый хочет устроиться...

18 января

Читал первую лекцию после каникул в ВЧК. На мой вопрос: кто выиграл в революции, получались самые разнообразные ответы. Общий вывод — *никто*. И это в школе ответственных работников ЧК!.. Утром мы больше часа беседовали о самоубийствах. Решили, что самый лучший способ — хлороформ. Поставить склянку, чтобы хлороформ капал на лицо, лечь и покрыть лицо марлей и ватой. Смерть безболезненная, верная» [94] (с. 483–484).

То есть выхода из тупика никто и не рассматривает: у вчерашних убийц выхода нет. Но лишь выбирается способ наиболее безболезненного ухода, как им кажется, в небытие.

«6 февраля

На душе паскудно. Думаю об иллюзиях, которые люди создают себе. Все в будущем, в будущем, а будущего-то и нет, ибо оно копия настоящего! Помню, в восемнадцатом году беседовал с товарищем о большевизме. Я ему сказал, что нельзя сразу перейти к социализму. Он мне ответил, что я прав, но тогда надо ждать тысячелетия и жить не из-за чего. Словом, надо себя “надуть”! — И все мы себя “надуваем”! Сознательно надуваем! Рисуем себе будущее как веселый праздник, заранее зная, что все это чушь и ерунда.

7 февраля

Марксизм превратился в религию. А стадо баранов глазеют и покорно слушают. Конец близок. После русской революции марксизму как мирозерцанию класса наступил конец. Такие опыты даром не проходят. Нельзя безнаказанно превратить мир в казарму...

15 февраля

Я поймал вора. Мальчишка, сирота. При допросе заплакал и меня назвал баринном. Это на меня подействовало, как ушат холодной воды. Вот тебе и охрана матерей и детей! Гибнут дети тысячами, и мы о них начинаем заботиться только тогда, когда они нас обкрадывают. Идет война между сытыми взрослыми и голодными детьми. Голодные девочки продаются и заражают сифилисом, а мальчики лазят по карманам...

18 февраля

Вечером был в театре с дамой. Со мной случилась беда. — Мои штаны порвались. А в верхнем пальто вход в театральную залу запрещен. Я сидел как пригвожденный. Неудача...

Новых идей в последние дни у меня не было, если не считать наблюдения над антисемитизмом. Он распространен во всех слоях общества. Да, разливается антисемитизм по России широким потоком. Растет ненависть к евреям во всех слоях и классах. Забудется коммунизм. Многие ярые коммунисты станут спекулянтами. Но долго будет жить в сердцах русских вражда к евреям, которых русские считают виновными в коммунистической разрухе и “нэповской” спекуляции. Кутежи спекулянтов и чекистские расстрелы долго будет поминать русский люд, и винить он будет во многом, если не во всем, *евреев*. Такие преступления не скоро прощаются. “Несчастливым евреям” придется платить и за своих комиссаров, и за своих спекулянтов.

21 февраля

У нас пыталась покончить самоубийством молодая красивая жена механика — одна из столь редких теперь, в наше время огрубевших женщин в сапогах, в эпоху гермафродиток и полуженщин. Кажется, ей просто надоела эта жизнь — грязная, серая, нудная, в коммунистической казарме, с вонючими коридорами, с этим коммунизмом и его красными профессорами, с его жизнью нараспашку, на виду у всех» [94] (с. 485–486).

Тяжело жилось «победителям»:

«9 марта

Застрелился Исаак Менделевич Месежников. Он лежал на полу в луже крови и мозга. Комнату вымыли. Монашки крестились и плакали. Видел, как вынесли ведро с кровью и мозгом Исаака Месежникова. Вылили в уборную.

14 марта

Не до праздников сейчас в России. Сомнения охватили все круги общества. То, что несколько месяцев тому назад казалось величайшей ересью, теперь можно слышать от самых правоверных коммунистов...

17 июля

Страна требует мира, покоя, производительного труда. Дадим мы это стране — тогда наше положение самое прочное в мире. Горе нам, если мы не угадаем духа

времени, если захотим еще кормить страну казнями...» (РЦХИДНИ, Фонд 589, Дело №1509, листы 16–52. Подлинник) [94] (с. 487).

Что собой представляют репрессии 37–38 гг.?

«...мы располагаем не столь давно рассекреченными цифрами, точно зафиксировавшими количество смертных приговоров, вынесенных в 1937–1938 годах: их было 681 692...» [90] (с. 109).

Цифра уничтоженных большевиками людей пусть и немалая, но здесь следует все же учесть большой процент репрессированных среди революционеров-ленинцев, приговаривавших в тот момент к расстрелам друг друга. Потому число в этот момент безвинно казненных резко сокращается. И эта слишком невеликая численность жертв революционного террора просто меркнет с тем количеством мирного населения России, которое эти теперь истребляемые ленинцы подвергли жесточайшей смерти в момент исполнения ими своих палаческих функций.

«...соотношение процентной доли умерших в 1933 году (7,1% населения) и в 1937-м — (всего 2,1%): здесь очевидны миллионы погибших (в 1933-м)...» [90] (с. 109).

Но и еще более велика разница в сравнении с годами правления Лениным:

«...жертвы 1918–1922 годов (примерно 12% населения) и 1937–1938 годов (0,4% населения, то есть в 30 раз меньше!) поистине несопоставимы» [90] (с. 110).

Так что Сталин карал тогда, в своей основе, всего лишь настоящих врагов русского народа. Карал убийц. Потому именно эти лишь годы всегда и вспоминаются не ушедшими никуда от государственной власти потомками революционеров, сгинувших тогда на собственной гильотине.

И вот как они клеветали друг на друга:

«Когда 25 августа 1936 года были казнены Зиновьев и Каменев, Бухарин написал об этих людях, с которыми была теснейшим образом связана вся его жизнь: “Что расстреляли собак — страшно рад” (“Военно-исторический журнал”, 1989, №2, с. 71)...

И это не “личная” черта, а типовой признак всех вождей Революции...» [90] (с. 123).

Потому Сталину слишком трудиться по расправе с врагами русского народа не пришлось — они весьма благополучно подавали друг друга и даже поспешили побыстрее перестрелять. Чем и завершилась эта полумиллионная чистка в верхах.

Но это самоизничтожение гидры революции предвидел еще Троцкий. 18 февраля 1935 года он записал в свой дневник. Победа:

«...Сталина была predetermined. Тот результат, который зеваки и глупцы приписывают личной силе Сталина, по крайней мере его необыкновенной хитрости, был заложен глубоко в динамику исторических сил. Сталин явился лишь полубезсознательным выражением второй главы революции, ее похмелья» [191] (с. 91).

А похмелье, что выясняется, было тяжелым. Однако ж оно, если бы большевики выполнили все, что ими задумывалось, могло и вообще не наступить. Но тело России, как задумывалось ими, с этой гулянки должно было быть отнесено прямо в морг. И вот как обстояло дело с попыткой захвативших власть в стране врагов перекрыть русского человека на свой лад:

«План большевиков был поистине гениален: в стране, ввергнутой в разруху, уничтожаемой искусственно вызванным голодом, в расстрелянной России, миллионы детей оказались лишены дома, родителей — ликвидированных, репрессированных, раскулаченных, убитых революцией. Миллионы оборванных безпризорных детей, чья жизнь ничего не стоила, являли собой будущее обращенной в социализм России.

Сказать, что эти дети были никому не нужны, — значит не сказать ничего. Уничтожение этой России — русских детей было одним из этапов строительства Социализма или, иными словами, безжалостной ликвидации России прежней, России — наследницы Великой Святой Руси.

Социализм не возможен до тех пор, пока людей связывают нерасторжимые узы любви, — прежде всего в семье. Человека невозможно превратить в животное, а человечество — в стадо до тех пор, пока он, взлелеянный материнской любовью, чтит отца, пока он готов жертвовать жизнью ради своих детей» [94] (с. 528–529).

Вот что на эту тему отписывал Лейбо Бронштейн:

«Революция сделала героическую попытку разрушить так называемый “семейный очаг”, то есть архаическое, затхлое и косное учреждение. Место семьи должна занять законченная система общественного ухода и обслуживания... Доколе эта задача не решена, 40 миллионов советских семей остаются гнездами средневековья» [94] (с. 529).

Метод подготовки нового поколения советских людей, по Троцкому, сформулировавшему ленинскую политику построения нового общества, заключался в следующем:

«Сосредоточить воспитание новых поколений в руках государства, как можно больше отделить детей от семьи! Школа и комсомол — потрясение родительского авторитета в самых ее основах! Штурм небес! Штурм семьи!» [194] (с. 128).

Самих же родителей планировалось втоптать в лагерную пыль. Что и осуществлялось крупномасштабно. Вот что сообщает Г.М. Юдович, представительница заезжего племени, в 1921 году оказавшаяся по ту сторону решетки.

Вологда:

«Подошла я к двери предназначенной мне общей женской камеры и ахнула. Нет слов, чтобы передать этот невероятный ужас: в почти полной темноте, среди отвратительной клейкой грязи копошились 35–40 каких-то полуживых существ. Даже стены камеры были загажены калом и другой грязью...

Днем — новый ужас: питание. Кормят исключительно полусгнившей таранью. Крупы не выдают — берут себе. Благодаря тому, что Вологодская тюрьма является “центральной” и через нее непрерывной волной идут пересылаемые во все концы, — толчея происходит невероятная, и кухней никто толком не занимается. Посуда не моется. Готовится все пополам с грязью. В котлах, где варится жидкая грязная бурда, именуемая “супом”, черви кишат в ужасающем количестве...» [106] (с. 164).

Вятка:

«Я потребовала, было, умыться; но мне предложили, прежде всего, зайти в камеру, “а там видно будет”...

В большой женской камере 40 человек... “...Ни матрацев, ни подушек, ничего. На койках и просто на полу лежат оборванные, — некоторые почти голые, — полутрупы...

Пол цементный. Почти никогда не моется...

Не припомню другой такой кошмарной ночи, как проведенная в Вятской тюрьме. Насекомых мириады. Заключение женщины мечутся, стонут, просят пить... У большинства высокая температура.

К утру 17 человек оказываются заболевшими тифом. Подымаем вопрос о переводе их в больницу — ничего не можем добиться...

В 8 час. вечера принесли «суп». Ничего подобного я еще не видела: суп сварен из грязных лошадиных голов: в темной вонючей жидкости плавают куски лошадиной кожи, волосы, какая-то слизь, тряпки... Картошка в супе не чищенная.

Люди с звериной жадностью набрасываются на это ужасное хлебово, глотают наперебой, дерутся из-за картофельной шелухи...

Через несколько минут многих рвет.

Так заканчивается день, и снова наступает кошмарная ночь...» [106] (с. 164–165).

Вот еще свидетельство:

«Я думаю, что человеку, недостаточно знакомому с условиями политического быта России наших дней, трудно даже себе вообразить большевицкую тюрьму с заключенными младенцами 3 лет до старцев 97 лет...

Тюрьма в теперешней России действительно один сплошной ужас... Сколько родителей и до сих пор не знают: погибли ли их дети или нет. И живут надеждой открыть дорогое существо в каком-нибудь заброшенном концентрационном лагере севера. Родственники лишены даже последнего утешения — похоронить труп любимого человека» [106] (с. 167).

А вот что сообщается о страшном лагере смерти, устроенном большевиками на Соловках:

«Главное ее отличие от дореволюционной каторги состоит в том, что вся администрация, надзор, конвойная команда и т.д. — все начальство от высшего до низшего (кроме начальника Управления) состоит из уголовных, отбывающих наказание в этом лагере. Все это, конечно, самые отборные элементы: главным образом чекисты, приговоренные за воровство, вымогательство, истязания и прочие проступки. Там, вдали от всякого общественного и юридического контроля, в полную власть этих испытанных работников отдано безправное и безгласное население “красной” каторги... Эти ходят босые, раздетые и голодные, работают минимум 14 часов в сутки и за всякие провинности наказываются по усмотрению изобретательного начальства: палками, хлыстами, простыми карцерами и “каменными мешками”, голодом, выставлением в голом виде на комаров...» [106] (с. 171).

«Положение женщин — поистине отчаянное. Они еще более безправны, чем мужчины, и почти все, независимо от своего происхождения, воспитания, привычек, вынуждены быстро опускаться. Они — целиком во власти администрации, которая взимает дань “натурой”... Женщины отдаются за пайки хлеба. В связи с этим страшное распространение венерических болезней...

Одним словом — самый настоящий рабовладельческий лагерь с полным безправием заключенных, с самыми ужасными картинами быта, с голодом, с побоями, истязаниями, надругательствами...» [106] (с. 173).

Но для чего большевикам необходимо было до такой степени унижить человека? Почему так требовалось растоптать его как личность, смешав с грязью?

Этот метод уничтожения в человеке личности, судя по всему, лежит в основе их программы низведения своих жертв на животный уровень. Это идет в унисон с пестуемой ими теорией Дарвина, приравнивающей эту личность к животному. То есть в среде завоеванного кагалом общества внедряется в жизнь теория, по которой человек считается обыкновенной скотиной, только лишь вместо мычания еще и умеющей немного говорить.

Именно для подобных целей всегда и служили никому не понятные овощные базы и субботники, походы на уборку картошки и расчистка от снега путей.

Ведь здесь, казалось бы, нет ничего проще: найми для этого вида неквалифицированной трудовой деятельности людей и заплати им за тяжелый физический труд хорошие деньги. Тогда эта работа будет сработана быстро и качественно, мало того, — даже в удовольствии.

Но для чего требуется загонять сюда исключительно таких людей, которые к таким видам работ не готовы, которые не имеют для нее необходимого навыка, а иногда и элементарной спецодежды, да и вообще не любят подобного вида трудовой деятельности?

В этом экспериментальном строе требуется приравнять человека к безропотному скоту. То есть приставить к нему рога и потребовать вместо человеческих слов произносить козлогласование: бе-е-е.

И это касается вообще всех членов строящегося общества без исключения. А потому, периодически, без каких-либо видимых причин кидали в лагеря практически любого его члена и превращали в лагерную пыль: эти издевательства были запрограммированы и должны были постигнуть рано или поздно вообще всех.

Для чего такое общество было изобретено?

Это стало понятно лишь теперь. Ведь геноцид построен по законам самоуничтожения. Эти законы и должны были постигнуть в первую очередь тот самый народ, который для построения мирового государства рабов является крайне нежелательным и опасным. Потому именно на нем столь крупномасштабно и был произведен этот жуткий эксперимент.

Но несмотря на все ужасы 20-х и 30-х годов социалистического строительства, то есть планомерного уничтожения в русском человеке всего человеческого через втапывание его в грязь, лагерную пыль и страшный голод, бездушного монстра из него соорудить так и не удалось. Вот что сообщает в 1936 г. о провалившейся попытке комиссаров Григорий Федотов:

«Россия, несомненно, возрождается материально, технически, культурно... Одно время можно было бояться, что сознательное разрушение семьи и идеала целомудрия со стороны коммунистической партии загубит детей. Мы слышали об ужасающих фактах разврата в школе, и литература отразила юный порок. С этим, по-видимому, теперь покончено... Школы подтянулись и дисциплинировались. Нет, с этой стороны русскому народу не грозит гибель... строится, правда, очень элементарное, но уже нравственное воспитание. Порядок, аккуратность, выполнение долга, уважение к старшим, мораль обязанностей, а не прав — таково содержание нового послереволюционного нравственного кодекса. Нового в нем мало. Зато много того, что еще недавно клеймилось как буржуазное» [195] (с. 108–110).

И вот как объясняется столь казалось бы странный этот поворот в государственном строительстве, произведенный в середине 30-х Сталиным:

«...это был... ход самой истории, а не реализация некой личной программы Сталина... И, как явствует из многих фактов, его поддержка этого объективного хода истории диктовалась прежде всего и более всего нарастанием угрозы глобальной войны, которая непосредственно стала в повестку дня после прихода к власти германских нацистов в 1933 году» [90] (с. 243).

Вот что по этому поводу сообщает Григорий Федотов, находясь в это время за границей (1936 год):

«Еще очень трудно оценить отсюда силу и живучесть нового русского патриотизма... Сталин сам, в годы колхозного закрепощения, безумно подорвал крестьянский патриотизм, в котором он теперь столь нуждается... Мы с тревогой и болью следим отсюда за перебоями русского надорванного сердца. Выдержит ли?» [195] (с. 124).

Но русский человек и не такое выдерживал. Потому и руководство страны с лихвой тогда же и воспользовалось этой его национальной практически бессмертностью:

«...осознав, что назревающая война будет, по существу, войной не фашизма против большевизма, но Германии против России, Сталин, естественно, стал думать о необходимости “мобилизации” именно России, а не большевизма. По-видимому, именно в этом и заключалась главная причина сталинской поддержки той “реставрации”, которая так или иначе, но закономерно совершалась в 1930-х годах в самом бытии страны...» [90] (с. 246–247).

Интернационалистов же перековать в русских патриотов было практически невозможно. Потому Сталин и приступил к планомерному их истреблению:

«...это вовсе не было проявлением сталинского “антисемитизма”, а прямой государственной необходимостью — нельзя вести большое строительство руками профессиональных разрушителей» [114] (с. 49).

И вот как эти волки пожирали друг друга:

«В ноябре 1935 г. сотрудникам НКВД были присвоены персональные... “генеральские” звания... Именно эти люди начали и проводили большую чистку... к 1941 г. из этих 37 человек в живых через несколько лет останутся только два» [114] (с. 81–82).

«Злодеи пожрали самих себя. Поделом вору мука. Семь десятилетий назад русский народ хорошо знал только... кровавого главу НКВД Ягоду... Почти все остальные имена, а порой клички — мрак и туман. Они палачествовали над миллионами людей тайно, а потом также тайно удавили их самих в ими же возведенных застенках» [114] (с. 82–83).

«Весьма выразительны с этой точки зрения воспоминания Л.Я. Шатуновой — приемной дочери П.А. Красикова — прокурора Верховного суда СССР в 1924–1932 годах и заместителя председателя того же верховного суда в 1933–1938 годах... Шатунова в 1930-х годах находилась, как говорится, в гуще событий... Она написала, в частности, о погибших в 1937-м большевиках (в том числе и близких ей лично): “...я не нахожу в своей душе ни жалости, ни сочувствия к ним. Конечно, ни в каких преступлениях против партии и государства, в которых их обвиняли, они никогда не совершали... Но была за ними другая, более страшная вина — они не только создали это государство, но и безоговорочно поддерживали его чудовищный аппарат бессудных расправ, угнетения, террора, пока этот аппарат не был направлен против них” (Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990, с. 419)» [90] (с. 276).

Так что вчерашние убийцы, а сегодняшние приговоренные к смерти узники Лубянки, были обречены вовсе не Сталиным, но именно временем, подведшим черту под существование целой эпохи — эпохи чудовищного разрушения России. Но теперь требовалось срочное ее восстановление. Потому от ленинцев-большевиков было необходимо поскорее избавиться.

Эту необходимость, что самое удивительное, они тогда и сами осознавали:

«Как определил впоследствии... Б.И. Николаевский, в сочиненном им “письме” представлены “общие настроения, присущие «старым большевикам», на которых надвигалась новая эпоха, где они погибли...” (Фельштинский Ю.Г., Разговоры с Бухариным. М., 1993, с. 60). Мы, эти большевики, говорится в “письме”, видели, что с начала 1935 года “реформы следовали одна за другой, и все они были в одну точку: замирение с беспартийной интеллигенцией, расширение базы власти путем привлечения к активному участию в советской общественной жизни всех тех, кто на практике, своей работой в той или иной области положительного советского строительства показал свои таланты” и т. д. Между тем “мы («старые большевики» — В.К.) являемся все нежелательным элементом в современных условиях... заступиться за нас никто не заступится. Зато на советского обывателя сыпятся всевозможные льготы и послабления” (там же с. 136, 141).

Утверждение о “нежелательности” этих самых большевиков имеет в “письме” двойственный характер: с одной стороны, признается определенная обоснованность этого “приговора”, с другой же — вроде бы он вынесен (и несправедливо) лично Сталиным, по мнению которого неприемлемы “самые основы психологии старых большевиков. Выросшие в условиях революционной борьбы, мы все воспитали в себе психологию оппозиционеров... мы все — не строители, а критики, разрушители. В

прошлом это было хорошо, теперь, когда мы должны заниматься положительным строительством, это безнадежно плохо. С таким человеческим материалом... ничего прочного построить нельзя, а нам теперь особенно важно думать о прочности постройки советского общества, так как мы идем навстречу большим потрясениям, связанным с неминуемо нам предстоящей войной” (там же с. 137, 138).

...А дальше в “письме” идет речь о “выводе” Сталина: “...если старые большевики, та группа, которая сегодня является правящим слоем в стране, не пригодны для выполнения этой функции в новых условиях, то надо как можно скорее снять их с постов, создать новый правящий слой... с новой психологией, устремленной на положительное строительство” (там же с. 138)» [90] (с. 262–263).

«...террор 1937 года — это порождение не козней каких-либо “злодеев”, а всей атмосферы фанатической беспощадности, создавшейся в условиях революционного катаклизма. Это вполне ясно из изданных в 1983 году за рубежом воспоминаний идеологической, затем литературной деятельности, далее “диссидентки” и, наконец, эмигрантки Р.Д. Орловой (урожденной Либерзон; 1918–1984)... Р.Д. Орлова определила суть 1937 года так: “свои убивали своих” (Орлова Р., Капелев Л. Мы жили в Москве. М., 1990, с. 34). То же самое не раз повторял в широко известных мемуарах И.Г. Эренбург. И эта “формулировка” вполне верна» [90] (с. 281).

«...сроки Мировой Революции все время отодвигались. Сталин делал это, потому что прекрасно понимал: России, превращенная в СССР, уготована роль — послужить лишь “хворостом” для разжигания “мирового пожара”. В преждевременной попытке раздувания “мирового пожара” рухнул бы режим коммунистов на завоеванной революционерами 1/6 части суши; пламя этого пожара поглотило бы и тех, кто по социалистическим принципам осуществлял управление Страной Советов. Сталин прекрасно понимал, что, если возобладают сторонники Троцкого, погибнет и Советская власть и он сам, поскольку еще не пришел час настоящего “мирового пожара” Мировой Революции. Он, следуя Ленину, трезво выбрал национал-коммунизм как единственную возможность сохранения в СССР советской власти — и не ошибся, хотя и заплатил за необходимость термидора Великой Октябрьской собственной жизнью. Не следует абсолютизировать могущество вождя: “Сталин-цезарь” — это миф. Несмотря на мрачную славу диктатора Страны Советов, Сталин не выбирал, начиная свой “новый курс”...» [92] (с. 130).

И вот результаты чистки, устроенной тогда Сталиным:

«...в 1937–1938 годах 681 692 человека были приговорены к смерти... (“Россия. XXI”, 1994, №1–2, с. 110)» [90] (с. 265).

Конечно же, более полумиллиона людей за два года — это превышение нормы за подобный же срок во времена Иоанна Грозного в 5 000 раз (!!!), но все ж в сравнении с уничтоженными двумя десятилетиями ранее двадцатью миллионами русских людей выглядит несопоставимо. Если же все-таки людоедские эпохи большевиков попытаться как-то сопоставить, хотя бы при сравнении все с той же эпохой грозного для врагов Отечества нашего Царя, то соотношение по приведенным в исполнение приговорам возрастет и еще более чем в десятку раз. То есть коммунизм Ленина-Троцкого на Русскую Землю принес 70 000 казнимых властью ни в чем не повинных русских людей взамен одному изменнику, казнимому Грозным. Соотношение, заметим, получается более чем впечатляющее.

Сталин же, из 5 000 казнимых им людей, приходящихся на одного при Грозном, более чем три четверти из них, как и действительных врагов русского народа, уничтожил все же по справедливости: как аукнется, так и откликнется — палачам приходилось самоистрепляться, убивая подобных же самим себе разрушителей, а затем быть и самим убитыми. И ведь впоследствии казни людей, без которых вообще не

мыслимо существование людоедского большевицкого режима, становятся все более редким явлением:

«...в 1939–1943 годах — 39 069 приговоров, в 1944–1948-м — 11 282 (в 3,5 раза меньше, чем в предыдущем пятилетии), в 1949–1953-м — 3 894 приговора (в 3 раза меньше предыдущего пятилетия и в 10 раз (!) меньше, чем в 1939–1943-м)» [90] (с. 266).

И все же, отметим, в десяточек разков поболее, чем в необычайно насыщенную предательствами и смутами эпоху Ивана Грозного. Так выглядели «мирные» времена большевицкого режима в сравнении с временами военными в эпоху Святой Руси. Да и сами эти «органы» свои структуры, как это ни странно выглядит, оставили в виде совершенно неизменном со времен чрезвычайяк:

«...ОГПУ и НКВД, занимавшихся расследованием “контрреволюционных преступлений”, явно не коснулись тогда те перемены, которые произошли начиная с 1934 года в других сферах и областях жизни страны» [90] (с. 271).

То есть сама структура Лубянки, несмотря на основательную зачистку рядовых членов этой организации, от сталинских нововведений оказалась как-то подозрительно в стороне! То есть, сюда Сталина забрать не допустили. Интересно бы знать: почему?

Очень похоже, что подземелья этого большевицкого заведения, своими корнями упирающиеся в «банду подмосковных уголовников», Сталину были совершенно не подвластны. Потому его туда и не допустили.

Но кто же в этом загадочном заведении работал на высших должностях?

«Архивы ОГПУ — НКВД, в сущности, далеко не изучены. Однако что касается верховного руководства НКВД в середине 1930-х годов, оно доподлинно известно, ибо 29 ноября 1935 года в газете “Известия” было опубликовано сообщение о присвоении “работникам НКВД” высших званий — Генерального комиссара и комиссаров госбезопасности 1 и 2-го рангов (соответствовали армейским званиям маршала и командармов 1 и 2-го рангов, — то есть, по-нынешнему, маршала, генерала армии и генерал-полковника). И из 20 человек, получивших тогда эти верховные звания ГБ, больше половины — 11 (включая самого Генерального комиссара) были евреи [Я.С. Агранов (Сорензон), Л.Н. Бельский (Левин), М.Н. Гай, Л.Б. Залин (Левин), З.Б. Кацнельсон, И.М. Леплевский, Л.Г. Миронов, К.В.Паукер, А.А. Слуцкий, А.М. Шанин, Г.Г. Ягода (Иегуда)], 4 (всего лишь!) — русские, 2 — латыши, а также 1 поляк, 1 немец (прибалтийский) и 1 грузин» [90] (с. 291).

«...суть дела состояла в назначении на такие посты не именно и только евреев, а вообще “чужаков”, которые смотрели на русскую жизнь как бы со стороны и могли в тех или иных ситуациях “не шадить” никого и ничего...» [90] (с. 292).

«...в революционные эпохи вполне закономерно и даже неизбежно выдвижение на первый план “чужаков”. Яркий пример — роль во Франции корсиканца, то есть итальянца, Наполеоне Буанпарте, продемонстрировавшего, в частности, чрезвычайную “безпоощадность”, о которой метко сказал Достоевский. И уже одна эта “способность” ни в коей мере “не шадить” основы иного национального бытия решительно выдвигала “чужаков” на командные посты в пору грандиозных переворотов.

Трудно спорить с тем, что состав самых верхних этажей власти формируется далеко не случайно. И просматривается вполне определенная “закономерность” в том, что на исходе Гражданской войны, к 1922 году, в Политбюро числился только один русский из пяти его членов...» [90] (с. 320).

Да и тот, чувствуется, находился там чисто для ширмы.

«...в 1934–1936 годах во главе “центра” НКВД стояли два еврея и один русский (нарком Г.Г. Ягода и его заместители: 1-й — еврей Я.С. Агранов и 2-й — русский Г.Е.

Прокофьев). В конце 1936 года впервые в истории ВЧК — ОГПУ — НКВД (о смысле этого — ниже) главой стал русский, Н.И.Ежов, Агранов остался 1-м замом, а из трех действовавших с конца 1936-го новых замов — М.Д. Бермана, Л.Н. Бельского (Левина) и М.П. Фриновского — только последний не был, возможно, евреем... “Главное управление ГБ Центра” состояло к 1937 году из 10 “отделов” (охраны, оперативного, контрразведывательного, секретно-политического, особого и т.д.), и начальниками по меньшей мере 7 (!) из этих 10 отделов были евреи (Паукер, Миронов, Леплевский, Шанин, Слуйкий, Цесарский, Вейншток)» [90] (с. 294).

И органы тех времен, что в истории с Есениным было показано наглядно, были теснейшим образом связаны с литературным еврейским миром:

«...среди деятелей литературы того времени было немало людей, имевших опыт работы в ВЧК — ОГПУ — НКВД, — скажем, И.Э. Бабель, О.М. Брик, А. Веселый (Н.И. Кочкуров), Б. Волин (Б.М. Фрадкин), И.Ф. Жига, Г. Лелевич (Л.Г. Калмансон), Н.Г. Свириин, А.И. Тарасов-Родионов и т.д.

Далее, своего рода “единство” с ОГПУ продемонстрировала большая группа писателей, побывавшая в августе 1933 года в концлагере Беломорканала, чтобы воспеть затем работу “чекистов” в широко известной книге, где выступили тридцать пять писателей во главе с А.М. Горьким

Уместно привести также позднейшие (конца 1950-х — начала 1960-х годов) рассуждения писателя В.С. Гроссмана о И.Э. Бабеле и других: “Зачем он встречал Новый год в семье Ежова?.. Почему таких необыкновенных людей — его (Бабеля — В.К.), Маяковского, Багрицкого — так влекло к себе ГПУ? Что это — обаяние силы, власти?” (Липкин С. Квадрига. М., 1997, с. 589).

Особой “загадки” здесь нет, ибо Бабель сам служил в ВЧК, одним из наиболее близких Маяковскому людей был следователь ВЧК — ОГПУ и друг зампреда ОГПУ Агранова Осип Брик, Багрицкий же с чувством восклицал в стихах:

Механики, чекисты, рыбководы,
Я ваш товарищ, мы одной породы...

И т.д.

...ясно, что “сопоставление” ОГПУ — НКВД и ССП того времени не является чем-то несообразным» [90] (с. 295).

Так что вся эта спайка красной пропаганды с чекистами теперь не выглядит чем-то таким необычным. Но является вполне естественным «украшением» пришедшего к власти в 1917-м режима. И вот как они тогда «прекрасно» работали. В данном случае как «потрудились» во времена коллективизации чекистский агент Бабель:

«С февраля по апрель 1930 года он, по его собственному определению, “принимал участие в кампании по коллективизации Бориспольского района Киевской области”. Вернувшись в Москву в апреле 1930-го, Бабель сказал своему другу Багрицкому: “Поверите ли, Эдуард Георгиевич, я теперь научился спокойно смотреть на то, как расстреливают людей”» (Липкин С. цит. соч., с. 59) [90] (с. 311–312).

«Маханул», думается, «стаканчик крови» и «сердце как каменное стало» (см. ниже). Вот хотя бы приблизительные сведения о хозяйничаньях в эти годы еврейских революционеров на нашей земле:

«“Коллективизация” 1929–1933 гг. выселила из исконных мест до 15–20 миллионов крестьян, более половины считаются погибшими в невыносимых условиях Сибири и Севера...» [107] (с. 140).

А вот как исчисляются результаты дьявольской работы соучастников коллективизаторских «трудов» еврейского писателя Бабеля, привыкшего на смерть расстреливаемых крестьян смотреть спокойно:

«...были сразу убиты 4 миллиона» (там же).

Вся эта «коллективизация», судя по результатам, на самом деле является массовым ограблением русского крестьянства. А вот что происходило с теми, кому посчастливилось не быть расстрелянными сразу или быть отправленными со своими семьями в районы вечной мерзлоты, где погибло подавляющее большинство:

«В 1930 г. только на Украине было изъято 7,7 млн. тонн зерна, главным образом отправленного за границу. В 1931–32 гг. весь выращенный хлеб снова забрали власти, и опять отправили преимущественно за границу. Голод охватил Украину, Центрально-Черноземный район, Курскую, Воронежскую, Пензенскую и др. области.

Любые попытки крестьян накормить себя и семью жестоко пресекались. В частности, в августе 1932 года введена смертная казнь за хищение колхозной собственности («закон о пяти колосках»). По этому закону расстреливали даже детей, собиравших колоски, чтобы сварить кашу» [134] (с. 187).

Еврейские расправы, судя по всему, пришлись еврейскому сердцу по душе. А потому:

«В начале 1931 года Бабель вновь отправился в те места... (Воспоминания о Бабеле. М., 1989, с. 327)» [90] (с. 312).

И эти массовые преступления племенем «заезжих» чем-то из ряда вон выходящим за рамки обычного в ими завоеванной стране как не считались ранее, так не считаются даже и теперь:

«Все, что происходило до 37-го года, считалось закономерностью и вполне разумной классовой борьбой, потому что крошили не “своих”, а “чужих” (Мандельштам Надежда. Вторая книга. М., 1990, с. 390–391)» [90] (с. 308–309).

Но вот до какой степени серьезно были выкошены эти самые «свои» после проведения ими «коллективизации». Из:

«...восьми членов ЦК, которые непосредственно осуществляли коллективизацию в основных “зерновых” регионах, к концу 1930-х были расстреляны семеро, — “уцелел” только Андреев, — кстати сказать, уже в 1930 году возвращенный с Северного Кавказа в Москву и более не занимавшийся “коллективизаторством”...» [90] (с. 327).

То есть переставшим совершать преступления, за которые постигла кара всех иных большевицких государственных деятелей, вдоволь опившихся кровью миллионами уничтожаемых ими русских людей.

«Побуждает задуматься и сравнительно недавно опубликованная статистика, говорящая о судьбах всех (71 человек) членов ЦК ВКП(б), избранного в феврале 1934 года — на “съезде победителей” (главнейшей их “победой” была именно коллективизация). Из состава этого ЦК к марту 1939 года... уцелели 19... И едва ли уместно счесть “случайностью” тот факт, что из 19 уцелевших цекистов всего только два человека — Андреев и Молотов — имели прямое отношение к коллективизации (не считая, понятно, самого Сталина), а из 46 репрессированных непосредственно руководили этой “второй революцией” более 20 (!)...» [90] (с. 328).

Так что в 1937–1938 годах:

«...почти половина погибших — “победители” в войне с крестьянством» [90] (с. 329).

«Этот вывод целиком подтверждается и судьбами кандидатов в члены ЦК, избранных в том же 1934 году (их было 68 человек). Пять десятков из них к 1939 году были репрессированы, и около половины этого числа — руководители

коллективизации (в частности, Быкин, Вегер, Грядинский, Демченко, Дерibas, Каминский, Кубяк, Лепа, Позерн, Прамнек, Птуха, Шубриков)...» [90] (с. 329).

И все же, почему так жестоко Сталин расправился с лучшими исполнителями своих грандиозных проектов?

«Есть версия, согласно которой деятели, осуществлявшие коллективизацию, как говорится “слишком много знали”, — знали о том, на какой великой крови, на каких страданиях огромного количества людей воздвигалась колхозная деревня, и поэтому подлежали уничтожению.

Но, надо думать, наиболее важно другое: к середине 1930-х годов жизнь страны в целом начала постепенно “нормализоваться”, и деятели, подобные тем, которые, не щадя ни кого и ничего, расправлялись с составлявшим огромное большинство населения страны крестьянством, стали, в сущности, ненужными и даже “вредными”; они, в частности, явно не годились для назревавшей великой войны, получившей имя Отечественной, — войны народной, а не “классовой”.

Поэтому самая широкая замена “руководства” (сверху донизу) была в то время вполне закономерна, даже естественна (как и, например, позднее — в 1956–1960 годах или в 1990–1993-м). Страшное “своеобразие” времени состояло в том, что людей отправляли не на пенсию, а в лагеря или прямо в могилы...» [90] (с. 330).

То есть Иосиф Виссарионович, сам, что нам вбили в голову из суфлерской будочки, якобы и затеявший эту страшную бойню по отъему права русского человека на свободный труд, теперь полностью выкашивал всех руководителей им самим вроде бы как и затеянного действия!

И здесь сказать что убивал он тех, кто несколько перестарался в период коллективизации — значит ничего не сказать. Ведь это «чуть-чуть» выражается миллионами жизней. И не марсиан или лунатиков, но наших соотечественников — русских людей, убитых большевиками на раскроенной по лоскуткам бывшей некогда неделимой территории России.

Однако ж, что никак нельзя не отметить, первоначально, еще только затеявая коллективизацию, планировалось лишь запугать русского человека, загнав в стойло. Убивать его миллионами в самом начале этой затеи, которой и действительно руководил Сталин, еще не планировалось:

«К “ликвидации кулачества” в полном масштабе подключились органы ГПУ, которым были приданы отдельные армейские части. Карательной операцией по уничтожению экономически независимого крестьянства руководил Генрих Ягода. Планы Комиссии предусматривали жесточайшие репрессии в отношении 60 тысяч кормильцев крестьянских семейств (заключение в концентрационных лагерях и расстрелы). Еще 150 тысяч крестьянских семейств обрекались на ссылку в “необжитые или малообжитые местности”» [94] (с. 518–519).

Но планам Сталина не суждено было сбыться. Ведь на их реализацию были откомандированы изуверы, у которых руки по локоть в крови. Потому число жертв репрессий сначала перевалило за расчетные 200 тысяч человек. А затем пошло уже и на десятки миллионов...

И все же Сталин, как мог, пытался унять проснувшуюся тягу к крови своих верных революционных псов, натасканных на травле русского человека. Он требовал:

«...“немедленно прекратить в какой бы то ни было форме насильственную коллективизацию. Решительно бороться с применением каких бы то ни было репрессий по отношению к крестьянам... немедленно проверить списки раскулаченных и исправить допущенные ошибки...”

Правда (об этом уже шла речь), запущенную в конце 1929 года махину “сплошной” коллективизации, сразу захватившую в свое мощное движение миллионы людей (как

насилльников, так и их жертв), уже невозможно было остановить... Тем не менее 17 марта 1930 года Политбюро все же направило в основные зерновые регионы “верховных” лиц — Кагановича, Калинина, Молотова, Орджоникидзе и др., обязав их попытаться “склеить” то, что было уже, в сущности, непоправимо разбито... (отмечу, что эта попытка “исправить” тяжелейшее положение, создавшееся в результате “сплошной” коллективизации, была продиктована, конечно же, не какими-либо “гуманными” мотивами, а опасениями полнейшего краха сельского хозяйства страны)» [90] (с. 329).

Понятно дело, убийц после ими произведенного, следовало уничтожить. Что затем и было исполнено в 37-м — собаке людоеду, в преддверии войны, требовалось произвести собачью смерть. Что и было произведено.

Попытки же обвинить Сталина во времена этих процессов в антисемитизме не имеют под собой никакой почвы. Вот имена палачей:

«Ягода, Агранов (Сорензон), Марк (Меир) Гай, Александр (Шахне) Шанин, Иосиф Островский, Абрам Слуцкий, Борис Берман, Самуил Черток, Георгий Молчанов, то есть 9 евреев и всего только один (!) русский (Молчанов)...» [90] (с. 338).

Таким образом, выясняется, что это было обыкновенным самоуничтожением «бесов Достоевского» себе подобными. Однако ж на том и это дело далеко не закончилось: палачи затем были уничтожены точно так же, как и их недавние жертвы:

«...энкавэдисты так же были расстреляны или же покончили жизнь самоубийством (как знаменитый тогда следователь садист Черток)...» [90] (с. 339).

Но и вновь никакого обрусения среди чекистов Лубянки не последовало:

«Их места весной-летом 1937 года заняли новые “выдвиженцы” — Израиль Леплевский, Бельский (Левин), Дагин, Литвин, Шапиро и т.д.» [90] (с. 339).

Но эта замена евреев евреями отмечалась и во всех иных властных структурах большевицкого режима, что в очередной раз отмечает всякую версию об антисемитизме Сталина:

«...репресслируемые руководящие деятели еврейского происхождения нередко тут же “заменялись” такими же, что опрокидывает версию об “антисемитизме”. Так пост начальника Политуправления РККА и зам. наркома обороны еврея Гамарника, покончившего с собой 31 мая 1937 года в предвидении неизбежного скорого ареста, занял бывший член национальной еврейской партии “Рабочие Сиона” Мехлис; пост репрессированного наркома оборонной промышленности Рухимовича — еврей же Ванников, на место арестованного начальника Спецотдела ГУГБ НКВД Бокия пришел Шапиро и т.п.

Но еще показательнее, конечно, сведения о национальном составе ЦК ВКП(б) в целом. В 1934 году из 71 члена ЦК 12 были еврейского происхождения; к 1939 году (когда на XVIII съезде избрали новый ЦК) 9 из этих 12 подверглись репрессиям, а 3 вошли в новый состав. Но помимо них в этот новый состав (также из 71 члена) были введены 9 человек еврейского происхождения. Таким образом, в 1939 году, после якобы противоеврейских репрессий, в ЦК по-прежнему (как и в 1934 году) каждый шестой из его членов был евреем (это “представительство” в ЦК, между прочим, более чем в десять раз превышало долю евреев в населении страны...»)» [90] (с. 342–343).

Все то же происходило и по части представительства этой прослойки населения и на международной арене — в рядах дипломатического корпуса:

«...евреи Лозовский (Дридзо), Майский (Ляховецкий; с 1932 по 1943 год был послом Великобритании) и Литвинов (Валлах) занимали посты ни много ни мало заместителей наркома иностранных дел, а еврей Урманский был важнейшим послом в США! Не приходится уже говорить о евреях на других, не таких наивысших должностях в Наркоминделе» [90] (с. 343).

Таким образом, вся эта крупномасштабная акция напоминает собой поэтапное уничтожение людей, скажем, зарывших на некоем острове сокровище, а теперь планомерно уничтожаемым, дабы лишнего не сболтнули. А упрятывать в небытие большевикам было что: память о смерти десятков миллионов русских людей, не пожелавших надеть на себя рабское ярмо. И масштабы произведенной акции были слишком велики и слишком антинародны. И обыкновенной пропагандой как-либо прикрыть эти преступления возможности просто не предоставлялось. Но и самих этих интернациональных преступников перед лицом надвигающейся угрозы войны оставлять в живых также было достаточно опасно: эта гвардия привыкла выступать лишь в роли жандарма, а уж никак не в роли защитников Родины от нападения внешнего врага.

Потому их участь была предрешена:

«До 1937 года они беспощадно расправлялись с “чужими”, но в конце концов дело дошло до жестокой расправы в своей собственной среде, вплоть до родственников.. Казалось бы, этому должна была препятствовать тысячелетняя (сложившаяся в “рассеянии”) мощная традиция еврейской сплоченности и взаимовыручки, однако традиция эта действовала в условиях, когда евреи так или иначе противостояли “чужой” для них власти; когда же они сами в громадной степени стали властью, извечный “иммунитет” начал утрачиваться...» [90] (с. 340).

«В 1922 году была издана... книга Евгении Альбац, посвященная беспощаднейшему обличению ВЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ, которые, по ее определению, с 1917 года осуществляли “геноцид в отношении собственного народа” (Альбац Е. Мина замедленного действия. (Политический портрет КГБ.) М., 1992, с. 10). Она особо отмечала, что в НКВД “было много евреев”, ибо революция подняла на поверхность, как определила Альбац, “все самое мерзкое... вынесла на простор Отечества именно подонков народа (в данном случае — еврейского — В.К.). И в НКВД, на эту кровавую работу, пришли те, для кого она была возможностью самоутвердиться, ощутить свою власть” (там же с. 130). Евреи, “трудившиеся в органах, — утверждает Альбац, — были лучше образованы... а потому быстрее продвигались по служебной лестнице, да еще благодаря своему генетическому страху особо усердствовали, опасаясь, что их уличат в «мягкости» к своим... Расплата наступила скорее, чем они предполагали” (там же с. 130)» [90] (с. 347–348).

«”...аресты и репрессии против партийных и государственных работников стали таким же постоянным методом внутренней политики, как и карательные мероприятия в деревне” (имеются в виду “мероприятия” начала 30-х годов)» [90] (с. 360).

«Парадоксальным образом эта система мероприятий привела к тому, что позднее новые кадры государственных служащих пополнялись в значительной мере выходцами из крестьянской среды» [196] (с. 61).

«...из 138 тогдашних членов и кандидатов в члены ЦК примерно две трети были “из рабочих и крестьян”...» [90] (с. 361).

То же наблюдалось и в среде сотрудников государственной безопасности. Потому и количество смертных приговоров, после массового убоя евреями евреев же, резко сокращается. Если в 1937–1938 годах:

«...были приговорены к смерти 681 692 “врага”...» [90] (с. 366).

То:

«...в 1939–1940-м — всего лишь 4 201 “враг” (Конечно же и эта цифра возмущает... но все-таки не около 1 000 человек в день, как в 1937–1938-м!)» (там же).

Впоследствии же, когда органы начинают все более высвобождаться от засилья евреев, частота приведения в исполнение смертных приговоров падает и еще куда как более:

«...в течение 1946–1953 годов были приговорены к смерти 7 895 человек, то есть в среднем около 1 000 человек за год, — а не за день! (Земсков В. Политические репрессии в СССР (1917–1990 гг.) — журн. “Россия XXI”, 1994, №1–2, с. 110)» [90] (с. 366).

«...в 1939–1940-м “годовое” количество смертных приговоров уменьшилось в сравнении с предшествующими двумя годами в 200 с лишним раз, а в 1946–1953-м, когда “хамы” уже преобладали в МГБ, — даже в 360 раз!» [90] (с. 367).

И это все потому, что эти:

«...“деревенские хамы”, пришедшие в НКВД на смену прежним “чекистским кадрам”, отнюдь не проявляли той, унесшей сотни тысяч жизней, кровожадности, которая была присуща их предшественникам...» [90] (с. 367).

Однако же всему когда-то приходит конец: «сатана гулять устал: гаснут свечи — кончен бал»:

«...через сорок лет после большевицкого взрыва уже иссяк тот запал, который так чудовищно проявил себя в 1937-м...» [90] (с. 370).

Д. Самойлов:

«...после расправы с дворянством, буржуазией, интеллигенцией, после кровавой революции сверху, произошедшей в 1930–1932 годах в русской деревне, террор начисто скопил правящий слой 20–30-х годов» [90] (с. 370).

«...то есть дело шло об единой линии террора, длившейся, пока революционный запал сохранял свою мощь и агрессивность...» [90] (с. 370).

Однако ж самой важной причиной резкого снижения навязанного большевиками терроризма на государственном уровне стало физическое уничтожение самих террористов — большевиков-ленинцев. Вот как выглядят позорные смерти этих лютых палачей на фоне истязуемых ими жертв. Маленький пример с мытарствами по тюрьмам Осипа Мандельштама:

«...отдавший приказ об аресте поэта в 1934 году Агранов был арестован 20 июля 1937 года (то есть намного раньше вторичного ареста Осипа Эмильевича) и расстрелян 1 августа 1938 года... А допрашивавший Мандельштама в 1934 году Шиваров был арестован на полгода раньше него, в декабре 1937-го, отправлен в лагерь и там в июне 1938-го (опять-таки раньше гибели поэта) покончил с собой (Нерлер П. “С гурьбой и гуртом...” Хроника последнего года жизни О.Э. Мандельштама. М., 1994, с.79).

...стоит сообщить, что подписавший постановление [об аресте — А.М.] “ответственный секретарь ОСО тов. И. Шапиро” был арестован всего через три с небольшим месяца, 13 ноября 1938 года (когда поэт еще был жив) и позднее расстрелян (“Правда-5”, 1997, №18, с. 10)» [90] (с. 404–405).

Капитаном ГБ Юревичем:

«...была составлена “Справка”... обосновывающая арест: “По имеющимся сведениям, Мандельштам до настоящего времени сохранил свои антисоветские взгляды”. Автор “Справки”, капитан ГБ — то есть, по общевойсковой мерке, полковник — Юревич, был в следующем году арестован и затем расстрелян; распорядившегося об аресте Мандельштама замнаркома Фриновского отстранили от его поста 8 сентября — именно тогда, когда поэт был отправлен в лагерь (это произошло между 7 и 9 сентября), а 6 апреля 1939 года Фриновский был арестован и позже расстрелян. Та же судьба постигла и утвердившего 20 июля “Обвинительное заключение” майора ГБ (то есть ранг комбрига) Глебова (Зиновия Юфу)» [90] (с. 408–409).

То есть здесь вырисовывается картина чуть ли ни полной неизбежности палачами повторения судьбы их только недавних жертв. Та же участь постигала и чуть ли ни поголовно всех иных палачей — чекистов ленинской закваски:

«...о. Павла Флоренского, который был 25 ноября 1937 года приговорен “тройкой” Ленинградского УНКВД во главе с комиссаром ГБ 1-го ранга Заковским (Штибусом) к расстрелу... (самого Заковского арестовали через четыре месяца, 29 апреля 1938 года, и расстреляли 29 августа)» [90] (с. 405–406).

А вот как закончил свою палаческую жизнь начальник контрразведывательного отдела ГУГБ НКВД комиссар ГБ 2-го ранга Миронов, принявший деятельнейшее участие в расстреле поэта есенинского окружения Клюева:

«...Клюев был расстрелян... в конце октября 1937 года; к тому времени Миронов уже давно (14 июня) был арестован, — расстрелян он был позже, в 1938-м» [90] (с. 406).

Так что Корней Чуковский, в середине 20-х написавший свое бессмертное пророческое произведение про наведшего страшный переполох «усатого», в своих прогнозах оказался прав: «волки от испуга» и действительно — «скушали друг друга»!

А потому два десятилетия спустя свершилось некогда сказанное ветхозаветным пророком Израиля, когда посланные на разведку в Палестину воины через 40 дней возвратились, разуверенные в возможности противостоять безчисленным полчищам проживавших там в то время хананеев, что будете вы пребывать за это в пустыне 40 лет — год за день. Так и свершилось исполнение того древнего пророчества над теми русскоязычными спутниками Моисея теперь уже и в XX столетии. То есть где-то 4 тысячелетия спустя. А потому: «сатана гулять устал: гаснут свечи — кончен бал»:

«...кардинальные изменения политической линии Сталина в середине 1930-х годов главным образом определялись, надо думать, очевидным нарастанием угрозы войны — войны не “классовой”, а национальной и, в конечном счете, геополитической, связанной с многовековым противостоянием Запада и России.

Этот “мотив” изменений политики можно обнаружить едва ли не в любой сфере жизни того времени» [90] (с. 370).

И вот началась война. Началась она с Испании. А к тому времени сидящие на нашей шее скорпионы еще не успели пережалить друг друга, а потому считали, что любая война просто обязана вестись исключительно для достижения их полного господства над всем миром:

«Так, боец “интернациональной бригады” А. Люснер писал в 1938 году с испанского фронта известному еврейскому художнику Марку Шагалу: “...вот уже около двух лет еврейские массы, взяв в руки мощное оружие, уже не одного сторонника гитлеровского «Майн Кампф» заставили изменить свое мнение о том, что мы ни на что не способны”. А Шагал в ответ писал о войне в Испании: “Я сознаю, что наше еврейское сопротивление против наших врагов приобретает черты и масштабы библейские” (Шагал М. Ангел под крышами. Стихи, проза, статьи, выступления, письма. М., 1989, с. 171–172)» [90] (с. 378).

Но они оставались слепы к происходящему и многие из них доживали последние свои дни. Под чужеземным ярмом русский человек не смог бы победить в жесточайшей войне — это Сталин прекрасно знал. А потому и действовал соразмерно складывающейся международной обстановке:

«Вскоре же после завершения жестокой коллективизации, уже в 1935 году, показывает Р. Такер, сталинские директивы неожиданно приобретают “прокрестьянскую окраску... Сталин занял позицию, прямо противоположную его негласной позиции в конце 1929 г., когда он начинал свой Октябрь на селе... В 1935-м же “он настаивал на том, что необходимо считаться с личными интересами колхозников. «Некоторые думают, что корову нельзя давать, другие думают, что свиноматку нельзя давать. И вообще вы хотите зажать колхозника. Это дело не выйдет...» И... новый колхозный устав позволил иметь участки площадью... даже до

одного гектара... в каждом крестьянском хозяйстве разрешалось иметь по меньшей мере одну корову, двух телят, свинью с поросятами, до десяти овец или коз, неограниченное количество птиц и кроликов и до десяти пчелиных ульев”...[90] (с. 379).

И эти слова тогда же воплотились в жизнь:

«...принятый в начале 1935 года “Колхозный устав” решительно изменил положение в деревне, — в частности, “колхозники получили известную юридическую гарантию от государства... на ведение личного подсобного хозяйства...” (Горинов М.М. История России XX век. 1996, с. 328–329)» [90] (с. 402).

«В следующем, 1936 году Сталин, напоминает Такер, отверг “запрет на отправление религиозных культов”, а также “заявил... «...не все бывшие кулаки, белогвардейцы или попы враждебны Советской власти...”» (Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928–1941. М., 1997, с. 296–297)» [90] (с. 379).

И вот чем ознаменован результат такой странной сталинской политики:

«...в 1937 году в стране был собран “небывалый урожай” (Наивысший дореволюционный урожай зерновых (1913 года) составил 86 млн. тонн; “колхозный” урожай 1937-го — 97,4 млн. тонн)» [90] (с. 379).

То есть сначала закрутил гайки, просто до безумия (не исключено, между прочим, что такого страшного разгула убийств он тогда от еврейских большевиков просто не ожидал), а затем, совершенно неожиданно, вдруг сделал послабления. Что ну уж никак не могло не сказаться на настроении, а затем и на результатах труда только совсем недавно ограбленных до нитки людей.

«Заезжие» же, напротив, всполошились:

«Так, например, влиятельная партийно-литературная деятельница А.А. Берзинь (1897–1961), которая, в частности, в 1923–1925 годах активно стремилась “воспитать” в большевицком духе самого Сергея Есенина, гневно говорила в 1938 году: “В свое время в гражданскую войну я была на фронте и воевала не хуже других. Но теперь мне воевать не за что. За существующий режим я воевать не буду... В правительство подбираются люди с русскими фамилиями. Типичный лозунг теперь — «мы русский народ». Все это пахнет черносотенством и Пуришкевичем” (“Наш современник”, 1992, №6, с.157)» [90] (с. 381).

«...с середины 1930-х годов слово “отечество” начинает обретать в официальной идеологии свой истинный смысл. Вместе с тем самое широкое утверждение патриотического сознания свершилось тогда чрезвычайно, исключительно быстро, и это означало, что оно жило в душах множества людей только не имело возможности открыто выразиться. Считаю уместным сказать, что я сам — хотя в то время находился между детством и отрочеством — хорошо помню, как легко, прямо-таки мгновенно совершался переход к патриотическому русскому сознанию, — и вот уже в 1938 году завораживающе звучал над страной призыв из кинофильма “Александр Невский” с мелодией возвратившегося из эмиграции Сергея Прокофьева:

Вставайте, люди русские...

Еще совсем недавно о благоверном князе Александре Невском или молчали, или изрекали нечто поносящее его.

Сегодня можно услышать или прочитать, что русский патриотизм в те годы “насадил” Сталин. В действительности он только “санкционировал” то, что жило и нарастало в миллионах русских людей.

...патриотический пафос овладевал тогда в определенной мере и такими людьми, которые еще совсем недавно едва ли даже могли предположить, что это с ними произойдет...» [90] (с. 387).

Так кто же все-таки стал жертвами этих самых сталинских репрессий конца 30-х годов?

«Рассмотрим теперь совершившиеся с 1934-го по 1939 год изменения в численности ВКП(б). В январе 1934 года в ней состояло 1 млн. 874 тыс. 488 членов и 935 тыс. 298 кандидатов в члены (Советская историческая энциклопедия. М., т.7, с.702), которые к 1939 году должны были стать полноправными членами, — и численность таковых составила бы 2,8 млн. человек...

Однако в марте 1939 года членов ВКП(б) имелось не около 2,8 млн., а всего лишь 1 млн. 588 тыс. 852 человека — то есть на 1 млн. 220 тыс. 932 человека меньше, чем насчитывалось совместно членов и кандидатов в члены в январе 1934-го! И эта цифра, фиксирующая “убыль” в составе ВКП(б), близка к приведенной выше цифре, зафиксировавшей количество репрессированных (“политических”) а 1937–1938 годах (1 млн. 344 тыс. 923 человека)» [90] (с. 411).

Эти расчеты достаточно наглядно показывают, что лишь один из десяти в те годы репрессированных не являлся членом или кандидатом в члены большевицкой партии. То есть скорпионы кусали самих себя! Все правильно. Потому:

«...исходя из этого уместно говорить о тогдашней “трагедии партии”, но не о “трагедии народа”» [90] (с. 412).

Национальный же состав этой самой партии в те годы очень красноречиво обрисовывает в своих воспоминаниях Лев Разгон:

«...оказавшись в середине 1938 года в переполненной тюрьме, он встретил там всего только одного русского патриота — М.С. Рошаковского, и ему, как он утверждает, даже “стало жалко” этого человека — как “совершенно одинокого”: “Я здесь со своими, а он с кем?” (“Плен в своем отечестве”, с. 155)» [90] (с. 412).

И именно такой национальный состав тюрем того времени подытоживает знаменитая фраза Сталина: «жить стало веселей». Так оно тогда и было, о чем свидетельствуют люди поколения, которое в конце 30-х наблюдало жизнь глазами подростков.

«В ходе свершившегося с 1934 года “поворота”, о котором подробно говорилось выше, основные показатели промышленного производства увеличились к 1940 году более чем в два раза — что являло собой, в сущности, беспрецедентный экономический рост. Многие ныне ставят вопрос о непомерной “цене” этого роста, которая как бы сводит его на нет, но, как мы видели, непосредственно в те годы не было — вопреки не основанному на реальных фактах “мнению” — действительно массовой гибели людей (в отличие от 1929–1933-го), — смертность была даже ниже, чем в “нэповские” 1923–1928 годы. Другое дело — коллективизация...

За вторую половину 1930-х добыча угля выросла почти на 120%, выплавка стали — на 165%, производство электроэнергии — даже на 200%, цемента на 115% и т.д.» [90] (с. 413).

«К началу 40-х годов по абсолютному объему только в США производилось существенно больше промышленной продукции, чем в СССР” (Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М., 1989, с. 62). Притом, как отметил М.М. Горинов, “рост тяжелой промышленности осуществлялся невиданными доселе темпами. Так, за 6 лет СССР сумел поднять выплавку чугуна с 4,3 до 12,5 млн. тонн. Америке понадобилось для этого 18 лет” (История России. XX век. М., 1996, с. 332)» [90] (с. 419–420).

Подытожим. И это касается не только столь пристально рассматриваемой нами эпохи, но и вообще итога полного провала планов захвативших в России власть революционеров-сатанистов:

«...движение истории определяется не замыслами и волеизъявлениями каких-либо лиц (пусть и обладающих громадной властью), а сложнейшим и противоречивым взаимодействием различных общественных сил, и “вожди” в конечном счете только “реагируют” — притом обычно с определенным запозданием (как было, например, при введении нэпа или при повороте середины 1930-х годов к “патриотизму”) на объективно сложившуюся в стране — и мире в целом — ситуацию.

Наконец, в самом ходе истории есть, как представляется, смысл, который, правда, трудно выявить, но который значительней всех наших мыслей об истории. Никто до 1941 года не мог ясно предвидеть, что страна будет вынуждена вести колоссальную — геополитическую — войну за самое свое бытие на планете с мощнейшей военной машиной, вобравшей в себя энергию почти всей Европы. Но вполне уместно сказать, что сама история страны (во всей ее полноте) это как бы “предвидела”, — иначе и не было бы Великой Победы!» [90] (с. 420–421).

Победы, которая поставила окончательную точку над предотвращением попытки уничтожения мировой олигархией банкиров той самой страны, которая лишь единственная мешает установлению на планете Земля власти рвущегося в мир антихриста.

Мировая революция

Пламя алой зари мировой революции, которую проектировалось начать с Туркестана, впоследствии было намечено разжечь с иного конца — с Польши. Вот как осуществлялся этот план:

«Красная Армия вступила на территорию Польши, — и немедленно было провозглашено создание ПССР — Польской Советской Социалистической Республики. Сейчас все это кажется просто невероятным фактом, однако мы имеем дело с исторической реальностью. Рассекреченный документ, подтверждающий возникновение новой Социалистической Республики в составе СССР, был опубликован еще в шестидесятые годы — в книге “Документы и материалы по истории советско-польских отношений” (М., 1964. Т. 3. С. 221)...

В 1923 году в Смоленске была издана книга Тухачевского “Поход за Вислу”... Вот что писал Тухачевский, излагая стратегические планы Советской власти: “Могла ли Европа ответить на это социалистическое движение взрывом революции на Западе? События говорят: да! Германия революционно клокотала и только ждала соприкосновения с вооруженным потоком революции. В Англии рабочий класс был охвачен новейшим революционным движением... В Италии разразилась настоящая пролетарская революция... Нет никакого сомнения в том, что если бы на Висле мы одержали победу, революция охватила бы огненным пламенем весь Европейский материк!..” — Так думал не только маршал Тухачевский. Таков был символ веры каждого коммуниста, где бы он ни находился.

Чтобы суть революционных планов стала более понятна, обратимся к очень важному свидетельству — высказыванию, вернее, инструкции М.М. Лашевича (... [он] был другом Троцкого еще по юношеским годам в Одессе...), который, без всякого сомнения, представлял когорту настоящих, последовательных советских

революционеров, посвященных в тайну Революции... вот что Лашевич, наставляя младшего соратника, доверительно поведал Беседовскому:

“С точки зрения обычно принятых государственных соображений вся наша внешняя политика представляет собою сплошную бессмыслицу. Но в том-то и дело, что мы не государственники, а революционеры. Правда, мы имеем определенную форму государственности — советскую форму, но и эту форму нужно рассматривать как неизбежное зло — необходимое для организации в нашей стране материальной и политической базы Мировой революции. Мы не можем не считаться с этими интересами, но наша основная задача состоит в том, чтобы считаться с ними как можно меньше, а брать из страны на дело Мировой революции как можно больше!

Старые большевики-революционеры хорошо понимают то, что я говорю, а вот молодежь иногда запутывается в противоречиях и сбивается с правильного пути... Молодежь подпадает под влияние чисто государственных соображений и не только их защищает, но и стремится проводить их в жизнь с крайне вредной для нас последовательностью. Молодых членов партии надо годами держать на агитационной и чисто партийной работе и только после того, как они оформятся во вполне законченных коммунистов, их можно выпускать на государственную работу, иначе они принесут делу революции только вред!” (Г. Беседовский. На путях к термидору. М., 1997. С. 246)» [92] (с. 24–25).

Так что и война с Польшей в 1920-м году выглядит вроде бы полной бессмыслицей. Однако ж причины, послужившие ее началу, слишком упрятаны от посторонних глаз. Но вот всплывают на поверхность и они:

«В 1920 году в Германии разразился запланированный жесточайший экономический кризис. Условия созданы, нужна только искра, чтобы разгорелось пламя революции. Этой искрой должна была стать Красная Армия, на штыках несущая красное знамя в Европу. 23 июля 1920 года “товарищ Ленин”, — по определению Сталина — “гений революционных взрывов и величайший мастер революционного руководства” (БСЭ. Изд. 1-е. Т. 36. Стл. 363), — телеграфировал члену Реввоенсовета Юго-Западного фронта товарищу Сталину: “Положение в Коминтерне превосходное! Зиновьев, Бухарин и я думаем, что следовало бы поощрить революцию...”

Но на пути революции лежала Польша: у России и Германии не было общей границы... Теоретик советских коммунистов Николай Бухарин на страницах “Правды” предельно отчетливо формирует цель: “Непосредственно к стенам Парижа и Лондона!” [92] (с. 29).

И тут же, во мгновение ока, интернационализм вдруг сменяется патриотизмом. Вот что сообщает З.Ю. Арбатов в своей книге “Екатеринослав 1917–1920”:

«Как громом ударило всех воззвание к русским людям, русскому народу и русскому офицерству о вступлении в ряды Красной Армии на борьбу с поляками, подписанное Брусиловым, Клембовским, Гутором, Зайончковским... Слова “матушка-Россия” рядом со словами “геройски сражающаяся Красная Армия” — и подписи видных русских генералов, истинных недавних народных героев» (там же).

Вообще-то, с одной стороны, странно как-то: герой Первой мировой войны переходит на службу к большевикам.

Но если как следует разобраться в «тараканах», которые к тому времени господствовали в его голове, то удивляться будет нечему:

«Меня интересовали и оккультные науки, которыми я усердно занимался вместе с писателем Всеволодом Соловьевым... — писал А.А. Брусилов. — Изучая оккультизм и читая теософскую литературу и книги других авторов по этим отвлеченным вопросам, я убедился, насколько русское общество было скверно осведомлено, насколько оно не имело никакого понятия о силе ума, образования, высоких дарований и таланта своей

соотечественницы Е.П. Блаватской, которую в Европе и Америке давно оценили...» [175] (с. 47–48).

Так что и Брусилов, вслед за Алексеевым, Крымовым и Рузским, был поля все тех же ягодок. Но он даже превзошел и их, не найдя никакой существенной разницы между белыми и красными.

Так ведь ее, собственно, никогда и не было. Просто в сторону Рерихов–Блаватской они шли каждый своим особенным путем. Брусилов, вместе с эсерами и меньшевиками, также переметнувшись к большевикам, был к воплощению их масонских идей гораздо ближе своих белых собратьев по тайной организации.

И все же пусть и близки они были к мировой революции, но вновь — у них не прокатило. Просто они оказались неправильно информированы о настроениях польских панов — то их и сгубило:

«Как известно, под Варшавой Красная Армия — вопреки теории классовой солидарности — потерпела сокрушительное поражение. Однако это лишь замедлило осуществление планов Коммунистического Интернационала, но не отменило их. Следующая попытка должна была привести к победе в 1923-м. В 1923 году в сердце Европы вновь зрела революция.

Вот что рассказывает видный советский дипломат Григорий Беседовский, игравший весьма значительную роль в европейской политике Советского государства двадцатых годов:

“В начале сентября 1923 года в Москве все были как на углях. Революционное движение в Германии развивалось все быстрее и быстрее. Наступала хозяйственная катастрофа. И казалось совершенно неизбежным, что вместе с этой хозяйственной катастрофой придет советизирование Германской республики. В Коминтерне работа шла полным ходом. Намечены были будущие члены правительства советской Германии... Наркомторг тоже не отставал. — По всем торгпредствам был разослан секретный циркуляр с пометкой: «ознакомить всех сотрудников — членов партии». В циркуляре за подписью председателя Совнаркома и Наркомторга говорилось: «Наступление германской революции выдвигает специальные задачи. Органы Наркомторга получили задание: срочно перебросить к пограничным пунктам 60 млн. пудов зерна, создать фонд помощи германской революции в сумме 200 млн. золотых рублей. Отныне деятельность работников Наркомторга будет оцениваться по одному признаку — насколько успешна работа в деле помощи восставшему пролетариату в Германии».

В СССР отбирались кадры: 20 тысяч коммунистов готовили к переброске в Германию. Красная Армия тоже готовилась, особенно кавалерийские части. Дислокация армейских корпусов была совершенно изменена. К польской границе придвигались все новые и новые части...” (Г. Беседовский. На путях к термидору. М., 1997. С. 82–83).

В связи с необходимостью осуществить транзит революции через Польшу в Германию польско-советские отношения приобрели особое значение. В Москве было твердо решено, что добровольно или силой, но Польша должна будет уступить... “Осенью 1923 года работа ГПУ, Коминтерна и военной разведки кипела в Варшаве вовсю. Особенно энергично работал сотрудник военной разведки Маслинский — горбун, большой специалист по установке адских машин” (Там же. С. 85.)

Работа, как показала целая серия взрывов в Варшаве, действительно “закипела”. Самый значительный теракт в Польше произошел 13 октября 1923 года. Вновь обратимся к записям Беседовского:

“...Взорвали погреба, где хранились взрывчатые вещества. Сила взрыва была так велика, что рота солдат, стоявшая на плацу в полукилометре от цитадели, была поднята

целиком на воздух и заброшена на середину Вислы... Атмосфера какого-то ужаса нависла над Варшавой. Бомбисты делали свое дело” (Там же. С. 71, 85, 86).

Террористами руководил Логановский, возглавлявший отдел ЧК и военной разведки при советском посольстве в Варшаве... Логановский потребовал от ЦК Польской компартии предоставить в его распоряжение триста надежных, знакомых с военным делом членов партии для образования боевых дружин. Чичерин (...был гомосексуалистом и алкоголиком. В разговорах с сотрудниками дипломатического ведомства Макс Литвинов (Мейер Валлах) прямо называл наркома “педерастом и ненормальным”) направил советским дипломатам в Варшаву зашифрованное указание — содействовать Логановскому, которому Политбюро поручило ответственную работу — “взорвать важнейшие стратегические объекты”. Так в 1923 году шла подготовка к осуществлению II Мировой войны» [92] (с. 35–37).

Но не только старушка Европа под самую завязку была обложена динамитом, взорваться которому пока мешали лишь амбициозные позиции польских панов.

«Плацдарм Мировой революции на Американском континенте был действительно создан — в Мексике, куда совсем не случайно “выдворили” Троцкого. В Мексике коммунисты осуществили жестокий террор: каждого священника, не отрекшегося от Христа и не сложившего сан, казнили — расстреливали без всякого суда, на месте; вина заключалась только в исповедании веры во Христа и сани священнослужителя» [92] (с. 39–40).

Какие средства были вприсунуты мировым капиталом еще и туда? А ведь Троцкий был женат на Седовой, объединяющей в своем лице капиталы Варбургов и Шиффов, возглавляющих враждебные вихри революций XX столетия. Так что очень не зря Лейбо Бронштейн оказался именно в Мексике.

А вот на что сетует организатор революции на Балканах Евсей Гольдштейн.

«Летом 1925 года Гольдштейн встретился с Беседовским в Карлсбаде. На вопрос Беседовского о том, сколько денег ушло на подготовку балканской революции, последовал ответ: “Ну, не так уж и много! Миллионов пять долларов: Албания, коммунистические партии, македонские организации, взрывчатка, оружие, — словом, все за три года. А надо было потратить в пять раз больше! — Тогда бы вышел толк!.. Если бы мне дали 150 миллионов рублей золотом, Балканы давно были бы советизированы!” (Там же. С. 54)» [92] (с. 40).

Вот на какие нужды советское правительство употребляло деньги, отобранные у народа, завоеванного гидрой революции: на взрывчатку и субсидирование бомбистов в очередных странах, подготавливаемых к захвату.

И это выглядит слишком очевидным, когда во время страшного голода в Поволжье большевиками усиленно субсидируется революция в Германии:

«Для участия в ноябрьских событиях 1923 года в Германии были мобилизованы все левые силы. План захвата власти имел классическую схему: 7 ноября годовщина революции в России. Немецкие рабочие выйдут на демонстрации солидарности; группы провокаторов, подготовленные в Москве ГПУ и военной разведкой под руководством Уншлихта, спровоцируют столкновения с полицией. 8 ноября столкновения перерастают в уличные бои. В ночь на 9 ноября отряды Уншлихта должны захватить важнейшие государственные учреждения, изображая стихийное революционное движение масс, вызванное, так сказать, “зверствами” полиции. — Классический сценарий. Именно так свершилась Великая Октябрьская. Так побеждали социалистические революции в Эстонии, Литве и Латвии — как в восемнадцатом, так и сороковом. По этому сценарию коммунисты приходили к власти и после Второй мировой войны: “стихийные” выступления трудящихся, “народное негодование масс” и

— сплоченные группы профессионалов от революции, действующие четко и предельно жестоко.

Итак, Политбюро ЦК разработало и утвердило детальный план переворота. Была установлена дата — 9 ноября 1923 года. Бажанов пишет: “На Уншлихта была возложена организация отрядов вооруженного восстания для переворота. На него же возлагалась обязанность организации германского ЧК для истребления буржуазии и противников революции после переворота” (Б. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж, 1980. С. 67).

На германскую революцию были отпущены огромные средства, затем принято решение вообще не ограничивать финансирование. — Немецкая революция должна была стать началом мирового пожара!..

В Германию были посланы десятки ответственных членов компартии. 50 тысяч советских коммунистов обучались немецкому языку. Польша была парализована всеобщей забастовкой. Уже прозвучали первые выстрелы в Кракове, где полки польской кавалерии были разоружены в ходе уличных боев. “200-тысячная советская конница, — пишет Беседовский, — как саранча могла пронестись, опустошая все на своем пути, и ворваться в Германию. Опираясь на эту военную силу, немецкая компартия в несколько дней могла сделаться берлинским правительством...” (Г. Беседовский. На путях к термидору. М., 1997. С. 356–357).

Здесь прослеживается череда странных событий и удивительных совпадений, о которых абсолютное большинство историков упорно молчат» [92] (с. 41–44).

И вот в повествовании о чем истории историков молчат так, словно воды в рот набрали:

«К ноябрю 1923 года “Германская рабочая партия” получает название — “Национал-социалистическая Германская рабочая партия” — и нового вождя, — ее фюрером стал... Адольф Гитлер (Шикльгрубер). Именно 8 ноября 1923 года Гитлер, возглавивший немецких национал-социалистов, арестовал в Мюнхене правительство Баварии и провозгласил, что Германская революция началась, объявив Баварское и Общеимперское правительство низложенным. В ночь с 8-го на 9-е захвачен штаб военного округа. 9 ноября Гитлер возглавил демонстрацию. Произошли столкновения с полицией; погибли шестнадцать национал-социалистов и трое полицейских.

Но революция не состоялась: народные массы в Германии не пошли за коммунистами, а Красная Армия не могла помочь немецкому пролетариату: между СССР и Германией не существовало общей границы. Еще одной причиной, помешавшей “Великой Октябрьской (Ноябрьской — по н. ст.) немецкой революции”, было ренегатство Ленина — он решает остановиться — чтобы всемерно укрепить Социализм на 1/6 части суши» [92] (с. 46).

Здесь, очень возможно, Ленин все-таки очень не зря порешил перестраховаться: слишком велика была в этот момент ненависть к устроившим страшный голод большевикам. И выводить из такой страны войска в тот момент было слишком опасно. Тем более что авантюра решившего помаршировать под красным флагом Гитлера, в тот момент безнадежно провалилась: немцы, в тот момент, оказались еще не готовы к разрушению собственной страны.

«Гитлер и его ближайшие сторонники предстали перед судом, далее — заключение в крепости Ландсберг, где будущий фюрер написал “Майн Кампф”. Стоит хотя бы очень кратко напомнить о чрезвычайно благожелательном отношении немецких властей к этому человеку, содержащемуся под стражей за очень серьезное государственное преступление. Иначе как санаторно-курортным периодом пребывания Гитлера в заключении назвать нельзя. Тюремная крепость Ландсберг представляла собой группу зданий, окруженных ухоженным садом. Комнаты, выполнявшие функции “камер”,

были обставлены с большим вкусом, каждый “заключенный” имел отдельную ванную комнату, горячая вода была постоянно, все блестело чистотой и порядком. Шесть часов в день “узники” могли совершенно свободно гулять по саду. Ограничений в посещении и пище не было никаких, включая и вино. Рудольф Гесс, получивший по приговору восемнадцать месяцев и отсидевший всего только шесть, в письмах к родных сообщал о “тюремных” условиях: “...Время для учебы, интересная компания, хороший стол, общая гостиная, личная спальня, милый вид и так далее!” Из этой “тюрьмы” 16 мая 1924 года он написал матери: “Я здесь устроился вполне счастливо...” (Цит. по: П. Пэдфилд. Миссия Рудольфа Гесса. Смоленск, 1999. С. 37).

В высшей степени странно, что в “Майн Кампф”, книге, посвященной памяти шестнадцати соратников Гитлера, убитых 9 ноября 1923 года, ничего не говорится о событиях 8 и 9 ноября. Вместо рассказа о том, как и почему он оказался за решеткой, Гитлер лишь на последней странице книги поместил одну-единственную фразу: “Я не буду здесь распространяться о событиях, которые привели к 8 ноября 1923 года”, — и только. Почему? Это не трудно понять, зная, кто готовил победоносную революцию в Европе. Для этой революции Германия должна была послужить плацдармом.

Удивительно: никому не известный Адольф Гитлер провозгласил Германскую революцию именно в тот день, который был определен в Москве и хранился в величайшей тайне. Колонны национал-социалистов шли под красными знаменами и под лозунгами коммунистов: “экспроприация нетрудовых доходов, национализация концернов, конфискация военных прибылей”. Тактика революционных выступлений полностью соответствовала планам, разработанным Коминтерном: проведение демонстраций вопреки запретам, столкновения с полицией, захват правительственных учреждений. Поразительны эти совпадения целей, методов, места и времени — с точностью буквально до часов и минут. Но революция в Германии провалилась» [92] (с. 46–48).

Корни красного термидора

Но все вышеизложенное старо как мир. Еще за 392 года до Рождества Христова Аристофан написал пьесу «Законодательницы»:

«Утверждаю: все сделаться общим должно
И во всем пусть участвует каждый...
Мы общественной сделаем землю,
Всю для всех, все плоды, что растут на земле,
Чем собственник каждый владеет.
Все передать... на общее благо!
Для всех будет общим хозяйство. Весь город
Будет общим хозяйством. Все прикажем
Снести: переборки и стены разрушим,
Чтобы к каждому каждый свободно ходил!
Знай! И женщин мы сделаем общим добром,
Что б свободно с мужчинами спали!..
Кто же будет возделывать пашню? — Рабы!
— А всегдашней заботой станет вот что:
Чуть долгая тень упадет, нарядившись идти на попойку...
Изобилье и счастье готовим мы всем,
Чтоб в веселом хмелю, на затылке венки,

Возвращался бы каждый с лучиной в руке.
Чтобы в улочках узких, толпясь и теснясь,
Догоняли бы женщины пьяных гуляк
И кричали: “Дружок! Заворачивай к нам,
Расчудесная девочка ждет тебя здесь!”

Не правда ли, интересные строки? Как все поразительно знакомо: “общественная земля” — колхозы; “общее хозяйство” — в виде советской экономики; “разрушенные переборки” советских бараков и коммуналок; “рабы”-колхозники, возделывающие землю, и “рабы”-пролетарии на заводах и стройках; наконец, “изобилье и счастье” — для партийной и советской номенклатуры, проводившей жизнь по Аристофану — “в веселом хмелю”... Как это все до боли знакомо... — счастливым обитателям родины Великого Октября. Но Аристофан написал “Законодательниц” в начале IV века до новой эры...» [94] (с. 300).

Вот для чего большевикам столь настоятельно потребовалась разруха: необходимо было создать предпосылки для уничтожения семьи и брака. И именно для этой цели люди обязаны были иметь общие нары, где мужчины и женщины спали бы вразнобой и где по ночам все соития были бы у всех на виду. Это создавало все условия для полной невозможности женского целомудрия. Именно к этому, что теперь становится совершенно очевидным, и были направлены все стремления большевиков.

Но и все антихристианские учения в этом вопросе с ними совершенно солидарны:

«В I веке после Рождества Христова возникла секта николаитов, проповедовавшая общность имущества и жен» [94] (с. 306).

Это еще такая же модель «счастливого общества». А вот и следующая, такая же:

«Манихейство проповедовало “всеобщее равенство и свободу”. Путь к совершенной жизни и совершенному обществу, по их глубокому убеждению, лежит через ниспровержение всех религий; упразднение критериев добра и зла в оценке всякого человеческого поступка; общность имущества и жен, то есть разрушение семьи» [94] (с. 308).

Смотрим, каковыми являются основы проведения талмудистами древней революции в Персии:

«Манихейские корни имело движение Маздака, распространившееся на рубеже V и VI веков в Персии. Маздак учил, что социальные противоречия возникают из-за отсутствия общности женщин и материальных благ. Персидский историк Мухаммед ибн Гарун сообщает о Маздаке: “Он сделал общедоступными женщин и общими материальные блага...”» [94] (с. 308).

А вот следующая революционная секта все с теми же основами, что и предыдущие революционные течения древности:

«Катары верили, что материальный мир является источником зла и что духовный мир есть средоточие блага. Потому катары отрицали собственность, так как она, по их убеждению, будучи элементом материального мира, связывала человека со злом. Катары проповедовали, что частная собственность и брачные узы должны быть уничтожены. Они верили в существование двух богов: доброго — создателя духовного мира, и злого — создателя человека, земли, неба, солнца, звезд и всего материального. Именно поэтому катары отрицали боговоплощение Христа» [94] (с. 309).

Но и не просто отрицали:

«...катары яростно ненавидели крест, который называли символом “злого божества”, и не признавали Христа Сыном Божиим, Богочеловеком и Спасителем мира» [94] (с. 309).

И вот к чему вела эта их столь странная теория:

«Согласно учению катаров, идеалом и в принципе окончательной целью для всего человечества было всеобщее самоубийство — как переход всех людей к духовному, “благому” бытию» [94] (с. 310).

Но ведь любое революционное движение, что мы уже достаточно хорошо себе уяснили, и является самым настоящим самоубийством. За примерами уж нам, на своей собственной шее испытавшим всю чудовищность последствий опустошительной силы гидры октябрьской революции, ходить куда-либо не требуется. У всех у нас имеются родственники, жесточайше пострадавшие от нее. Да следует припомнить годы уже и нашего «счастливого» социалистического детства (60-е), когда самая мельчайшая крамольная фраза, высказанная ничего не смыслящими в политике партии детьми, повергала наших родителей в смертельный ужас. И они, всем своим видом указывая на нешуточность ситуации, приглушенно шипели нам в ухо: «Тише!!!..» Тогда мы не понимали, что в счастливой лучезарной стране, в которой мы, как нам внушали, якобы по тем временам проживали, за острое словцо в адрес власти можно было оказаться вычеркнутыми из списков этих счастливцев с пионерскими галстуками и исчезнуть не известно где... Но по тем временам режим уже дал серьезную трещину, а потому болтать можно было если не все что угодно, то очень многое, за что еще десятилетие назад оказался бы такой болтун стертým коммунистическим режимом в лагерную пыль.

Но в революционных системах бытовали не только такого вот рода самоубийства, когда люди своих детей сами обрекали гибели, не ведая, что творят. Имелись системы и такие, когда самоубийство производилось не в переносном, но в самом прямом смысле этого слова:

«Манихеи, катары, альбигойцы, вальденсы, гуситы, анабаптисты... — может быть, может быть, эти движения не характеризовали жизнь Европы и всего человечества? Тогда почему от “эндурры” — так называлось ритуальное самоубийство катаров — погибло гораздо больше людей, чем в результате приговоров инквизиции?» [94] (с. 311).

Но нам, прекрасно осведомленным о методах борьбы католического священства против ересей и сект, про это не известно. Почему?

«В крупнейших библиотеках мира можно легко найти множество книг самого различного характера об “ужасах инквизиции”. Но попробуйте отыскать сведения о тех, кто, оказывается, уничтожили гораздо больше людей, чем судьи инквизиции. Попробуйте разобраться в том, что вызвало эти грандиозные движения, носившие явно еретический характер, движения средневекового социализма, — и вам придется почти в одиночку трудиться в обретении истины. В чем причина такого положения вещей? — Причина заключается в следующем: в чьих руках власть, а значит и библиотеки, и книги, и учебники, в тех руках и инструменты воздействия на умы» [94] (с. 311).

А власть, как нам более чем распрекрасно известно, по крайней мере за последние несколько веков, неизменно находилась в руках масонов. И вот какое отношение эта организация имеет к перечисляемым людоедским сектам:

«...масонство вобрало в себя множество предшествующих ему еретических учений древних гностиков, манихеев, всевозможных средневековых ересей, тамплиеров, протестантов всех толков, английских мыслителей вроде Болингброка и Томаса Мора, алхимиков, каббалистов и т.п. Масонство явилось на свет как квинтэссенция всех этих учений, как антицерковь нового времени, в которой эти учения получили синкретическое завершение» [141] (с. 7).

И властными над пропагандой силами на сегодняшний день нам внушено, что ереси и секты были малочисленны, ведьм и колдунов вообще не было, а вот противостоящие

им действия католического духовенства были безчеловечны и своими объемами просто колоссальны, что приводило ко множеству казней ни в чем неповинных людей.

Но вот как все это выглядело на самом деле:

«О масштабах распространения ереси катаров свидетельствуют следующие факты: в 1166 году, согласно сообщению миланского епископа, катары в его епархии по сравнению с христианским населением составляли большинство. Ересь катаров распространилась по Европе необычайно быстро и широко. Бонакурсу, бывший епископом катаров, вернувшись в лоно церкви, показал: “Этими лжепророками переполнены все поселения, города и замки Италии”. В XIII веке в Европе вели свою разрушительную деятельность 72 епископа катаров. В Провансе и Лангедоке эти еретики, при активной поддержке дворянства, насильственным путем захватили власть и удерживали ее более пятидесяти лет. Французский историк Луи Дасте в своем исследовании, увидевшем свет на страницах журнала “Бастилия” (№406, год 1910), пишет: “В начале XI века Орлеан кишел иудеями”. Около 1022 года там появилась секта, которую еврейский историк Бернар Лазар откровенно именуется “иудейской”. В эту секту иудеи сумели привлечь много влиятельных людей, как, например, аббата Стефана, духовника французской королевы Констанции.

Ереси, имевшие явно социалистический характер и иудейские корни, чрезвычайно широко распространились на юге Франции. Французский исследователь Мишле в своей “Истории Франции” сообщает: “Дворянство южной Франции состояло сплошь из детей жидовок и сарацинок... В эту французскую Иудею, как справедливо называли Лангедок, проникли восточные верования: персидский дуализм, гностицизм и манихейство... Руководители Брабансонов (Брабансоны — средневековые наемные войска...) и альбигойцев, прикрываясь учением Аристотеля, тайно проповедовали пантеизм Аверроэса, тонкости каббалы и вообще иудейские идеи”. Бернар Лазар в своей книге “Антисемитизм” признает: “Аверроизм, который так сильно поколебал христианские верования, был создан иудеями. Им обязан Аверроэс своей известностью, так как иудей искони был проповедником безверия и тайно или явно поддерживал всех мятежных духом. Епископ Дуэ в своем исследовании об альбигойцах подтверждает все вышеизложенное. Иудейский историк Грец прямо говорит: «Сношения с иудейскими учеными и чтение иудейских сочинений привели альбигойцев к отрицанию Церкви». Альбигойцы открыто отдавали предпочтение иудейским верованиям...”

Ватикан несколько раз объявлял крестовые походы против еретиков. Но только в XIII веке, после продолжительных тридцатилетних “Альбигойских войн”, богоборческая ересь была побеждена, однако идея единства добра и зла нашла новых адептов.

Впрочем, было бы неверным думать, что римский первосвященник и в его лице Католическая Церковь отстаивали истину. Ватикан боролся с катарами и альбигойцами за власть — над душами и телесами человеческими. Но Католическая Церковь, ко временам “Альбигойских войн” уже очевидно отошедшая от собственно Христианства, представляла собой, как это ни покажется странным для людей несведущих, антихристианскую ересь. Поясним это фактами, которые “почему-то” не упоминаются даже в семинарских учебниках.

Католическое распятие отличается от православного тем, что изображает Христа, пригвожденного к крестному дереву тремя гвоздями (один гвоздь пронзает обе стопы). Мало кто знает, что Католическая Церковь приняла этот обычай от столь ненавистных ей катаров. Именно катары кощунственно изменили распятие Христа, добавив нечто многозначительное: крестообразное сложение ног Христа, — для чего и была введена легенда о трех гвоздях. В средневековой Европе трупы погибших от эпидемий, умерших нищих и бездомных собирали на повозки. Их перевозили без гробов, — вовсе

не потому, что мертвые срама не имеют, а потому, что о них либо некому было позаботиться, либо страх заразиться удерживал родственников от подобающего погребения. Трупы клали — сколько вмещала повозка. Ноги, — чтобы они не свисали, — слагали стопа на стопу: именно так, как мы это видим на распятии катаров, впоследствии ставшем католическим распятием. Таким образом катары прикровенно декларировали, что отвергают божественность Того, Кто во дни Своей земной жизни не имел, где главу преклонить и умер, как они считали, позорной смертью, на Кресте...

Имея дело с фактами, невозможно пренебрегать очевидным: катары вовсе не были христианами в настоящем смысле этого слова. Они исповедовали совершенно иную религию... И совсем не удивительно, что катаров, альбигойцев, вальденсов поддерживали иудеи.

Однако история союза синагоги и язычества уходит в глубокую древность. Упомянем здесь только наиболее очевидные факты, относящиеся к эпохе Новозаветной Церкви. Язычество и синагога, отвергшая Божественного Мессию, призавшего в Царство Небесное все народы, объединились в своей борьбе против Христианства. Во время восстания иудеев в 115 году, при императоре Трояне, евреи захватили Киренаику, где перебили 200 тысяч мирного населения — христиан. То же самое произошло на Кипре, когда жертвами иудейской мстительной злобы стали 240 тысяч жителей.

В 615 году в Палестину, бывшую в то время христианской, вторгся Румизар Шархавбар. Персы, предав Палестину огню и мечу, погнали пленников-христиан, переселяя их в земли на берегах Тигра и Евфрата, чтобы там они стали рабочей силой победившего государства. Французский историк Амедей Тьерри дает весьма интересные подробности событий: «С мешками, наполненными золотом, иудейские купцы целыми шайками толпились за победоносной армией Шархавбара, скупая пленных — не для того, чтобы спасти их, нет, а чтобы резать поголовно... При этом они старательно выбирали людей, имеющих особое значение, городских судей и других должностных лиц, красивых и богатых женщин, но прежде всего — священников и монашествующих. Деньги, уплачиваемые персам за растерзываемых христиан, поступали из так называемого раскладочного сбора, которым облагаемы все евреи согласно состояния каждого, ибо эти страшные злодеяния рассматривались еврейством как дело богоугодное...» — Тогда были убиты 90 тысяч христиан покоренной персами Палестины» [94] (с. 311–314).

Кем являлись эти жесточайшим образом убиваемые талмудистами христиане?

Так ведь населением Палестины тех времен. А проживали там, как известно, иудеи — кровные родственники: Иоанна Предтечи и Богородицы, апостолов и Царя Давида, Иосифа Аримфейского и Закхея мытаря...

Так что и здесь: ничего нового мы для себя не узнаем — революционеры века XX-го действовали теми же методами, как и их далекие предшественники: пытались чуть ли ни поголовно истребить русское православное население Палестины, где в те еще времена и находилась Святая Русь (см. «Противостояние»: [119], [121], [123]). Методы талмудистов за прошедшие с тех пор полторы тысячелетия несколько не изменились: лишь возросли масштабы казней. Ведь если тогда счет жертв революционеров шел на десятки тысяч, то в веке XX-м он пошел уже на десятки миллионов...

«Император Юстиниан Отступник в своем послании к иудейскому патриарху именовал того “братом”. Исторический факт: языческие императоры, жестоко преследовавшие христиан, благоволили иудеям. С 252 года Рим юридически признал законность власти синедриона над иудеями. Только Византия, II Рим, — вселенская Православная империя положила конец укреплению иудейской власти: в 429 году

император Феодосий II упразднил Тивериадский патриархат иудеев и низложил так называемого “патриарха” Гамалиила IV...» [94] (с. 315).

И именно после этого, ощутив свое полное поражение в стране города Русы (Ие-Руса-лима), принявшие на своих детей кровь Христа фарисеи переносят свой командный пункт за пределы Второго Рима:

«Иудеи переместили центр управления еврейством из Тивериады в Вавилон. С этого времени “патриархи” начинают именоваться “князьями изгнания”. Главным и по сути единственным своим врагом иудейство провозгласило Христа и Его Церковь. Так что ничего необычного в том, что иудейство приняло самое деятельное участие в судьбе еретических сообществ средневековой Франции (да и всей Европы) нет.

Генри Чарльз Ли, автор “Истории инквизиции в средние века” (перевод с франц.: СПб., 1911) с нескрываемой симпатией к сектантам писал: “Катары Монку во Франции сделали Образ Божией Матери — кривой и безобразный, говоря, что «Иисус Христос, чтобы показать свое смирение, нарочно избрал Себе в матери такую безобразную женщину»; затем они начали «совершать» этим образом «чудеса исцеления», притворяясь для этого больными; образ этот быстро прославился настолько, что многочисленные копии с него помещались повсюду в церквах и часовнях, пока еретики, к великому соблазну верных, не открыли своего обмана. Нечто подобное они проделали и с Распятием, у которого не доставало верхней перекладины и на котором ноги Спасителя были сложены с крестом и прибиты одним гвоздем. Этот новый тип распятия вызвал много подражаний, пока не открылось, что он был сделан катарами в насмешку”.

Почему Ватикан избрал своим символом, подчеркивающим свое отличие от Православия, распятие катар? По той именно причине, что так называемая Католическая Церковь представляла и представляет собой удавшийся замысел обмана христианских народов. При формальном сохранении “веры во Христа” сущность богооткровенного учения была искусно подменена. Вплоть до нынешних времен “Святая Католическая Церковь”, давно переставшая быть Церковью Христа, своими догматами, методами, наконец, целями демонстрирует то, какого “Христа” исповедует Ватикан и чье пришествие приближает, собирая в свои соборы, костелы и “храмы” паству — для совершения молитв на Запад — по образу синагоги, распявшей Спасителя» [94] (с. 315–316).

«В XIII и XIV столетиях по всей Франции, Германии, Швейцарии и Австрии распространилась секта “братьев свободного духа”» [94] (с. 329).

Но и эта революционная разновидность фактически копировала все предыдущие ереси:

«Для “свободных братьев” не существовало никаких ограничений плоти. Их девизом было: “Пусть лучше погибнет целое государство, чем один духовный брат воздержится от того, чего требует его природа!” Они декларативно утверждали, что физическая близость с любой женщиной, хотя бы с родной сестрой или матерью, только увеличивает их “святость”. Ритуалы этой секты непременно включали беспорядочное смешение полов. Секта “братьев свободного духа” непримиримо враждовала против Церкви, эта вражда чаще всего выражалась в люциферианстве — члены секты поклонялись сатане.

В центре идеологии “братьев свободного духа” стоял не Бог, а человек, провозгласивший себя богом. Многие из “свободных братьев” объявляли, что они — “Новый Адам”, а Конрад Каплер, один из вождей секты, откровенно именовал себя антихристом. В истории этой ереси мы впервые сталкиваемся с отчетливой моделью Гуманизма, позже проявившегося в масштабах всей Европы, а ныне и всего человечества.

Под влиянием “братьев свободного духа” находилась и возникшая во второй половине XIII века в Италии секта “апостольских братьев”. Основные принципы учения “апостольских братьев” — общность имущества и жен и борьба против Церкви. Во главе секты стал Дольчино — незаконный сын католического священника, уличенный в краже, а потому и не получивший сана. Спутницей Дольчино была Маргарита, беглая послушница из монастыря св. Екатерины в Триенте.

В первых годах XIV столетия проповедь “апостольских братьев” собрала под знамена еретиков тысячи людей. Они считали себя “ангелами мести”, которые должны уничтожить все духовенство. “Апостольские братья” оскверняли храмы и монастыри, подвергая полному разграблению: иконы уничтожали, дома священников сжигали. В 1307 году Дольчино после упорных и кровопролитных боев сектантов с правительственными войсками был пленен и казнен. Впрочем, новые религиозные смуты не замедлили появиться. Об идеалах социалистического переустройства жизни проповедовали новые ереси, которые по сути своей были проявлением деятельности древних тайных обществ» [94] (с. 329–330).

А вот что становится известным о гуситских войнах, некогда советской историографией преподнесенных нам в качестве чешского национально-освободительного движения:

«Гуситское движение приняло характер грандиозного еретического и революционного течения, вызвавшего продолжительную и ожесточенную войну в самом центре Европы. В 1415 году Ян Гус был взят в плен и сожжен. После его смерти гуситы объединились под предводительством Яна Жижки. Их центром стала гора, провозглашенная Жижкой “Фавором”. — Отсюда и название сторонников движения: “табориты”...

Среди таборитов самое широкое распространение имели социалистические идеи, сопровождавшиеся апокалипсическими предсказаниями. Табориты верили, что в 1420 году наступит конец света, но этим кончится только бытие старого мира, в котором царствовало зло: наступит, как говорили табориты, “день мщениия и год возмездия”» [94] (с. 332).

И вот в чем выражалась эта на сегодняшний день сбывшаяся идея:

«Табориты провозгласили отмену Христова закона милосердия. Все города, которые будут сопротивляться таборитам, “должны быть разрушены и сожжены — как Содом. Дома священников, все церковное имущество подлежит безусловному уничтожению, равно как все церкви, алтари и монастыри”.

...Табориты верили, что так, через потоки крови, установится Царство Божие на земле — но не для всех, а только для “избранных”, — то есть для них. И в этом “царствии божием” таборитов ясно угадываются социалистические принципы. Учение последователей Гуса и Жижки гласило: “Все будет общим, в том числе и жены. Никто не должен ни чем владеть, но все должно быть общим”.

Набеги гуситов, называемые ими “прекрасными походами”, совершались ежегодно с 1427 по 1434 год. Они опустошали целые области. Отряды таборитов доходили до Балтийского моря, Вены, Лейпцига и Берлина. Им уплатил контрибуцию Нюрнберг. Вся центральная Европа подверглась страшному опустошению. Но вот что странно: это бедствие, движение гуситов, теперь оценивается официальными историками положительно. В современной Праге одна из основных улиц названа “улицей Гуситов”. Почему? — По той именно причине, что гуситы приближали “светлое будущее”. Свет, о котором говорили табориты, указывал путь к “новому мировому порядку”, строителями которого были и Платон, и Ян Гус, и Джордж Вашингтон, и Ленин.

Во время гуситских войн еретики не только разоряли соседние страны: они несли туда свое учение, провозглашая принципы социализма. Их манифесты читались в

Барселоне, Париже, Кембридже. В Германии и Австрии влияние гуситов сказывалось даже через столетие, в эпоху Реформации. В самой Богемии табориты дали начало секте “богемских братьев” — секте, которая существует и по сей день.

Император и римский первосвященник призвали совершить крестовый поход против таборитов, но крестоносцы потерпели поражение. В 1433 году на Базельском соборе Ватикан был вынужден пойти на уступки.

Так Европа вступала в эпоху Реформации, — эпоху, отмеченную новым и очень мощным всплеском социалистических идей. Эти идеи особенно ярко проявились в движении анабаптистов, охватившем Германию, Швейцарию, Австрию, Чехию, Данию и Голландию. В следующем столетии анабаптисты появились в Англии. Название “анабаптисты”, то есть буквально “перекрещенцы”, объясняется тем, что члены секты не признавали действительности крещения детей и, как правило, совершали второе крещение над взрослыми. Впоследствии члены секты стали именовать себя “баптистами”. Странно, что до сих пор исследователи не обращают внимания на то, что так называемое “крещение” баптистов есть не что иное, как инициация — ритуальное действие, посредством которого человек “принимает дух”, — так говорят сами баптисты. Но этот “дух” отвергает все таинства Церкви, равно как и священство, идущее через апостолов от Христа. Почему? — Это совсем не трудно понять.

Рассмотрение антихристианской сущности анабаптизма (или, говоря современным языком, учения баптистов) может составить по крайней мере целую главу, если не книгу. Приведем здесь лишь одно — из многочисленных подобного рода — фактическое свидетельство.

В 1911 году во втором выпуске своих Дневников, в статье “Нечто о тайне беззакония”, архиепископ Вологодский Никон (Рождественский) поместил весьма интересные сведения, касающиеся происхождения баптизма. Архиепископ Никон сообщает об одном из важнейших документов средневекового масонства — “Кельнской хартии”:

“Эта грамота была найдена в архиве главной масонской ложи в Гааге с постановлениями Конвента Волных Каменщиков, бывшего в Кельне 24 июня 1535 года. Насколько этот документ важен для самих масонов, видно уже из того, что в 1835 году ими была выбита особая медаль в память 300-летия этой хартии... Но что поразительно, что особенно должно бы обратить на себя внимание верующих — это три из девятнадцати подписей лиц, вполне исторически известных. Вот эти лица: Гарманнус, архиепископ Кельнский, приложивший все свои усилия, чтобы перевести паству из католичества в лютеранство; адмирал де-Колиньи, бывший главой гугенотов во Франции, и, наконец, знаменитый Филипп Меланхтон, друг Лютера, его сподвижник и самый близкий ему человек. Итак, трое известнейших деятелей Реформации являются отрицателями Христа, врагами не только католичества, но и самого лютеранства, с его безчисленными разветвлениями... Реформация была делом рук масонов. После этого как-то странно звучит название: «Евангельская Церковь», которое так любят присвоить себе последователи виттенбергского монаха” (Архиеп. Никон (Рождественский). Мои дневники. Вып. II. 1911. Сергие Посад, 1915. С. 107).

В 1521 году Лютер откровенно заявил: “Мы с Филиппом Меланхтоном заключили могущественный союз с целью выкорчевать и уничтожить монашеские и священнические обеты”. Женившись на монашке, отнюдь не блиставшей благопристойным поведением (В 1528 году некий Иоахим фон Гейден писал ей, напоминая о минувшем: “...Прежде чем взять Лютера в мужья, ты жила с ним, как проститутка и публичная девка” (Цит. по: И.Гобри. Лютер. Пер. с франц. М., 2000. С. 339–340). Но Лютер был подходящим супругом для Кэтхен. В письме от 15 апреля 1525 года он писал: “У меня — сразу три супруги, и каждую из них я любил до

безумия...”... Вскоре выяснилось, что Лютер недугует «французской болезнью» — сифилисом (Там же. С. 338) и сквернословивший, как солдат, Лютер писал, перемежая изложение своей веры духовными советами, Иерониму Веллеру (единомышленнику и другу), страдавшему, как и “виттенбергский монах”, навязчивыми приступами страха, отчаяния и тоски: “Забавляйся с моей женой и с другими женщинами, резвись и развлекайся. Всякий раз, когда тебя начнет одолевать бес печали, ищи спасения в обществе себе подобных. Пей, играй, болтай глупости, одним словом, не позволяй себе грустить... полезно совершить какой-либо грех, дабы дьявол не смел надеяться, что мы будем терзаться бесполезными угрызениями совести. Тот, кто боится согрешить, уже погиб... Мы обязаны решительно отвернуться от Десяти заповедей и даже не вспоминать о них...” — Лютер убеждал Веллера прибегнуть к надежному лечению, то есть “развлечься с женщиной, а то и совершить какой-нибудь грех пострашнее...”» [94] (с. 332–336).

И это для Лютера — нормально. Ведь:

«Будучи монахом, он соблазнил монахиню. Ему даже казалось, что под одеялом со своей Кати он отлично спасался от наступления Дьявола! (А в итоге так и удавился, привязав веревку к спинке “спасительной” кровати.) В письме к Филиппу Меланхтону Лютер выдает такой пассаж: “Будь грешником и греши сильно, но еще сильнее верь и восхищайся Христом, победителем греха, смерти и мира... Достаточно, если мы будем признавать через богатство славы Божьей Агнца, который принимает на себя все грехи мира; поэтому грех не угрожает нам, даже если тысячи, тысячи раз в день мы будем прелюбодействовать и убивать”» [98] (с. 180–181).

Но и это еще не все об отце реформации. Он очень любил убивать беззащитных:

«...Лютер рекомендовал резать, вешать и жечь восставших анархически настроенных крестьян» [198] (с. 266).

Но и содомский грех с суккубами был неотъемлемой частью болезни головы отца реформации:

«Сатане так не терпелось овладеть душой Лютера, что он редко отходил далеко и “спал с Лютером чаще, чем Кати”» [98] (с. 181).

Такое вот моральное кредо имел по части сексуальных отношений этот монах-расстрига. Но самому ему было при этом тяжело — его мучили бесы:

«Лютера постоянно мучила тоска, доводившая этого “евангелиста” до состояния сердечных приступов и припадков глубокой депрессии. Но основатель “Новой Церкви” мужественно боролся» [94] (с. 336).

И вот какими не совсем монашескими методами:

«В конце концов я просто прижимал к себе жену и старался изгнать сатанинские мысли, возбуждая плоть» [94] (с. 336).

То есть он менял сатанинские мысли на сатанинские действия: никакой женой соблазненная им монахиня не была и быть не могла. И вновь прослеживается совершенно прямая связь доктрины Лютера и наследующих ему революционеров:

«По своим убеждениям реформатор был типичным социалистом. В ноябре 1525 года этот “евангелист” следующим образом толковал содержание шестой заповеди, запрещающей прелюбодеяние: “Бог оказал миру высокую честь, превратив его в стойло, битком набитого прелюбодеями обоего пола... Ничего удивительного, если бы мы ощутили в себе враждебность к Богу, — ведь это Он вынуждает нас к бесчестию, покрывает нас позором и срамом, не оставляя выхода никому, даже монахам, принявшим обет целомудрия. Бог настолько не доверяет никому из нас, что и предположить не может, что на свете найдется хотя бы один муж, хранящий верность своей жене, и наоборот”».

Лютер обвиняет Бога в том, что он, Мартин Лютер, развратен, и, продолжая святотатствовать, изрекает: “Бог не щадит никого. В этой заповеди Он всех мужчин и женщин обвиняет в прелюбодеянии. Он говорит нам, что все мы без исключения бабники...” Яростные ругательства и грязные богохульства вообще характерны для проповедей и эпистол Лютера. Согласно отцу Реформации, мир предстает “стойлом для человеческого скота”, якобы именно так он и устроен Богом. “Виттенбергский монах” рисует ужасающую картину — таким, по Лютеру, и должен стать мир людей.

Как видим, Лютер, неистовствовавший и неудержимо богохульствовавший, не был оригинален. Собственно, Реформация как религиозное учение стала очередным звеном, этапом богоборческой Революции. Стремление революционера от Реформации видеть человечество “стойлом, битком набитым прелюбодеяниями обоего пола”, закономерно, потому что это — Социализм. Социалистические тенденции вполне отвечают замыслу, направленному на ниспровержение христианского порядка жизни. Социалистическими по своей сути были и деяния Лютера и “евангелическая вера”, — ставшая мощнейшим оружием осуществления революции в умах европейцев. Эпоха Реформации, стараниями Лютера, Меланхтона, Цвингли, Кальвина и гуманистов — Эразма Роттердамского, Рейхлина, Гуттена... заметно приблизила Европу к “стойлу”, то есть Социализму.

В 1537 году Лютер пережил период, который он впоследствии называл “болезнью духа”. Две недели он находился в таком состоянии, что не мог ни есть, ни пить. Лютер признавался, что Бог стал казаться ему врагом: “Невозможно разобраться, дьявол ли Бог или Бог — это дьявол”. Отец Реформации видел сатану, являвшегося ему то в виде пылающего факела, блуждающего во мраке ночи, то огромной черной свиньей, бродящей под его окнами. Таковы были труды и дни отца Реформации.

Смерть “евангелиста” была ужасной. В ночь с 17 на 18 февраля 1546 года Лютер после весьма плотного ужина в самом веселом расположении духа отправился спать. Среди ночи он проснулся, охваченный безотчетным страхом. Когда утром слуга вошел в спальню, чтобы одеть хозяина, он увидел его труп: Мартин Лютер повесился. Об этом в конце концов стало известно со слов слуг покончившего с собой. Иоганн Кохлей в том же 1546 году издал книгу, в которой цитировал рассказы прислуги из дома главного реформатора. В 1592 году обстоятельства смерти Лютера подтвердились: в Кельне была издана книга Томаса Боцко, священника-ораторианца, исповедовавшего одного из слуг — очевидца смерти Лютера. События той ночи так потрясли беднягу, что он бежал из протестантской Германии в католический Рим. В 1606 году рассказ слуги еще раз был напечатан в Антверпене» [94] (с. 337–338).

Так что Иудина петля поджидала и этого «пророка» от революции.

Но Лютер в своих попытках уничтожения Церкви оказался не одинок:

«В начале двадцатых годов XVI века анабаптисты перешли от глубокой конспирации к открытой борьбе с Церковью. В Швейцарии анабаптистам не удалось подчинить себе все движение Реформации. Изгнанные оттуда, они бежали в Чехию, где слились с “богемскими братьями”. В секте была введена общность имущества. Жизнь членов общин контролировалась полностью: жилища, одежда, воспитание детей, труд. Было запрещено даже готовить для себя пищу: трапезы были строго совместные. Дети с двух лет отлучались от родителей и воспитывались в общих детских домах.

В Германии анабаптизм принимал все более революционный характер. Главой этого движения стал Клаус Шторх, суконщик из Цвиккау, увлекшийся проповедями Томаса Мюнцера, ученика Лютера и основателя секты анабаптистов. Так как Мюнцер учил, что Церковь должна быть полностью духовной, то, продолжая дело своего наставника, Шторх декларировал, что все материальное — как недуховное — обречено на уничтожение: церкви и монастыри следует разрушить, книги сжечь, а священников

убить — без всякой жалости. Вот основные пункты. Вот основные пункты учения общины Шторха:

“Все должно быть общим, ибо Бог всех людей послал нагими в мир.

Никакой брачный союз не следует соблюдать.

Каждый может брать жен, коль скоро его плоть того требует, и жить с ними по своему произволу в телесной близости.

Все власти, и светские и духовные, надо раз и навсегда лишить их должностей или же убить мечом...”

Распространению секты анабаптистов весьма способствовала Крестьянская война 1525 года в Германии; центральной фигурой Крестьянской войны был Томас Мюнцер. Социалистические тенденции отразились в его деятельности очень ярко. Довольно скоро движение, которое питала идеология социализма: идеология разрушения нравственных основ человеческого бытия, идеология ненависти к Христианству, стало такой силой, с которой нельзя было не считаться. Лозунгом Мюнцера было: “omnia sunt communia”, то есть: “все — общее”. Мюнцер учил: “Каждый должен уделять из своих средств. Если же какой князь или граф не захочет это делать, тому надо отрубить голову или повесить”. “Вперед, вперед! — Пока железо горячо! Пусть ваш меч не остывает от крови!..” — зывал к своим последователям этот апостол Реформации.

“История Томаса Мюнцера”, составленная очевидцем событий того времени, так описывает происходившее: “Единодушно порешили, что все имущество должно быть общим, в конце концов все это и сделали. Это было начало нового Христова Царства. Сразу же изгнали всех монахов, забрали монастыри и всю их собственность... Мюнцер учил, что вся собственность должна быть общей. Народ не хотел работать, но если кто имел нужду в еде или одежде, то шел к богатому и требовал этого. А те, кто не давал с охотой, у того отнимали силой”. — Средством установления этого, так сказать, “нового Христова царства” было жестокое насилие.

В 1525 году армия Мюнцера была разгромлена, а сам он казнен, однако эти идеи продолжали жить в среде анабаптистов, которые в середине тридцатых годов XVI века обосновались в Северной Европе. Средоточием их деятельности стал Мюнстер — один из главных городов в Северной Германии. В хронике тех лет, составленной анабаптистами, гордо сообщалось: “Все на базаре пророчествовали — даже дети семи лет. Женщины делали удивительные прыжки”. Во главе движения стал Ян Маттис и Иоганн Бокельзон из Лейдена. Свою власть анабаптисты показали 24 февраля 1534 года. В Мюнстере были разрушены все церкви и все монастыри, сожжены и разграблены церковные реликвии. Злобу вызывало не только все, что было связано с религией Христа, но и вся старая культура Европы, несущая печать Христианства. Драгоценную коллекцию старинных итальянских рукописей, которую собрал Рудольф фон Ланген, торжественно сожгли на площади. Все картины знаменитой тогда Вестфальской школы были уничтожены, так что теперь они известны только по рассказам. Уничтожались даже музыкальные инструменты. — Какое варварство, — может подумать человек, слыша об этих безчинствах, творившихся в XVI веке в “просвещенной и культурной” Западной Европе. Но все это напоминает о нашем не столь отдаленном прошлом

Высшим авторитетом считалась Библия, но без книг Нового Завета. Царство Божие мыслилось чисто материалистически, неременное же условие осуществления этого царства состояло в общности имущества и жен.

Бокельзон, назвавшийся “Иоганном из Лейдена”, был провозглашен пророком. Очевидцы рассказывали о многочисленных случаях насилия и самоубийств, вызванных социалистическим обобществлением женщин... Бокельзон брал все новых и новых жен. В гареме пророка первенствовала некая Девора (ветхозаветные имена были очень

популярны в среде “новых христиан”, — так устроители “земного царствия Божия” подчеркивали свой отказ от Христианства как такового).

Эмблемой Бокельзона стал изготовленный из золота земной шар с двумя скрещивающимися мечами — знак власти над всем миром. Бокельзон окружил себя множеством слуг и роскошью. Для жителей устраивались особые театральные представления, темой которых служили либо кощунства по отношению к Церкви, либо социалистические интерпретации религиозных сюжетов. Все улицы города были переименованы. Младенцам давали новоизобретенные имена. Почти ежедневно происходили казни. Женщине, отказавшейся стать очередной женой Бокельзона, он лично отрубил голову, при этом хор его жен пел: “Слава Богу Всевышнему”. Нормальный человек увидит в этом патологию, какое-то массовое безумие. Однако в анабаптизме мы видим те же черты, которые характерны для всех социалистических революций» [94] (с. 338–341).

Вся эта эпопея должна была чем-то закончиться. Она и окончилась:

«В конце концов 25 июля 1535 года Мюнстер был взят, город вернулся под власть католического епископа, но это отнюдь не означало, что анабаптисты как очередные устроители, так сказать, Царства Божия на земле исчезли.

Европа, утерев драгоценнейшее сокровище Христовой веры, по сути дела, именно в средние века создавала новое учение, которое должно было изменить общественную жизнь человечества и личную жизнь человека. Не случайно Мюнцер писал, что его учение в равной степени доступно христианам, иудеям, туркам, язычникам. Какое учение выковывалось в добропорядочной старой Европе? Какое учение ввергло в кровавую смуту целые страны и народы? Если ответить предельно кратко, это — Социализм. Поразительно, однако исторические факты неоспоримы: как бы ни отличались ереси друг от друга, они всегда имели принципиальное сходство в отрицании брака, семьи, собственности и яростно боролись против Христа и Его Церкви. Это провозглашали своей главной целью и вальденсы, и катары, и альбигойцы, и анабаптисты, и моравские братья, и наконец в XX веке — коммунисты, создатели Страны Советов...

Социалистическая идеология Новейшего времени несет представление о неумолимо приближающемся коренном переломе, конце и разрушении старого мира, начале новой мировой эпохи. Эта идея прослеживается и на всем протяжении существования сект и тайных обществ. Сначала катары проповедовали о пленении души материей и освобождении души в потустороннем мире. Затем амальрикиане говорили о духовном освобождении путем достижения “божественности” здесь, на земле. Наконец, табариты и анабаптисты учили о материальном освобождении от власти государства и Церкви, установлении господства “избранных” над человечеством. В XX веке коммунисты провозгласили: “кто был ничем, тот станет всем”.

Все социалистические движения прошлого использовали идею равенства людей перед Богом. Это не случайно. Таким образом достигались несколько целей. Во-первых, религиозная идея высшей справедливости служила личиной, под которой скрывались разрушители порядка и власти; во-вторых, в ряды социалистов вовлекались многочисленные сторонники, не подозревавшие об истинных целях “борцов за счастье всего человечества”. И, наконец, самое главное: так велась борьба с Церковью исключительно коварным способом — изнутри» [94] (с. 342–343).

Такова основа деятельности всех этих на первый взгляд странных движений и экзотических сект: все они вели к коммунизму. А вот об идеологах этих доктрин:

«Развитие идей, предложенных Томасом Мором, спустя столетие продолжил Томмазо Кампанелла, автор знаменитого сочинения — “Город Солнца”» [94] (с. 343).

Однако же никак не менее значительным являлось и куда как менее известное его сочинение:

«Через несколько лет Кампанелла написал еще одно сочинение — “О наилучшем государстве” (“*Questiones sull optima republika*”), в котором он утверждает возможность построения общества по социалистическим принципам. Он говорит: “И это показали теперь анабаптисты...”» [94] (с. 343).

То есть это вовсе не шуточки — об обобществлении женщин: теоретики указывают, что лишь в этом случае будет достигнута ими преследуемая цель, к которой столь настойчиво двигали массы революционные вожди.

«В идиллическом, совершенном Городе Солнца все будут равны, — утверждает Кампанелла. Равенство простирается вплоть до полного однообразия одежд, более того: одежда и мужчин и женщин должна быть одинаковой. Регламентировалось буквально все — даже то, как часто стирать белье. Преступлений в Городе Солнца не могло быть. Но это и не удивительно: закон карал смертной казнью даже за то, если бы женщина нарумянила лицо, надела бы обувь на каблуках или платье более длинное, чем положено.

Несмотря на исключительную суровость законов, в Городе Солнца нет палачей — дабы “не осквернить государство”. Но смертная казнь есть: она исполняется руками народа, который умерщвляет, “побивая камнями”. Закон Города Солнца человеколюбив; осужденным на смерть оказывается милосердие: они могут сами уйти из жизни; они могут сами обложить себя мешочками с порохом и поджечь порох. — Какая идиллия! Закон бесконечно гуманен: осужденный не может быть казнен без его же согласия. Приговоренного убеждают до тех пор, пока он сам не пожелает себе смерти...» [94] (с. 343–344).

Тут, думается, эти «убеждения» представляли из себя тот род убеждений, которыми пользовались в 20-х, 30-х годах заплечных дел мастера в Стране Советов, очень быстро начиная обвинять и себя и свое окружение не только в том, чего никогда не было, но и в том, что не могло быть и чисто теоретически.

Далее:

«Отношение полов будет полностью под контролем государства. Рождение детей сравнивается с заботливым выведением скота. “Поэтому, — говорит Кампанелла, — производители... детей подбираются наилучшие...”» [94] (с. 344).

То есть из элиты намечаемой партноменклатуры. Если же партаппаратчики оказываются в этом вопросе чрезмерно хлипкими, то женщина предназначается для удовлетворения телесных нужд всего подготавливаемого марксистами «производственного коллектива». То есть:

«...переходит в общее пользование» [94] (с. 344).

И далее все так, как и случилось в обезкровленной революцией России:

«Детей воспитывает государство. Дети не будут знать своих родителей: в “идеальном” обществе семья полностью упразднена.

Буквально исполнял планы социалиста Кампанеллы Женевский Конгресс I Интернационала. Это объединение коммунистов приняло составленную Марксом резолюцию, которая гласила: “В рационально устроенном обществе всякий ребенок, начиная с девяти лет, должен быть производительным работником”» [94] (с. 345).

Так что даже зверства Гитлера, убивавшего маленьких детей именно за их «не способность работать», еще всего лишь цветочки: ягодки нас еще ждут впереди, когда нами рассматриваемые идеалисты доведут свои наполеоновские планы до конечного результата.

Красный термидор и его последствия

«Европа, как по мановению невидимого повелителя, вовлекалась в социалистическое строительство общественной жизни. Одно за другим появлялись теоретические обоснования светлого социалистического будущего, уготованного всему человечеству. “Утопия” Мора, “Город Солнца” Кампанеллы, “Закон Свободы” Джерарда Уинстенли — эти трактаты свидетельствовали о решительном намерении некоторых людей изменить мир по совершенно определенному плану.

Сочинение Уинстенли было напечатано в 1652 году. “Закон Свободы” начинается с обращения к Оливеру Кромвелю, генералу республиканской армии в Англии. Уинстенли сетует, что, несмотря на победу революции и казнь короля, “обещания уничтожить вместе с королем все священство, епископство и тиранию — не выполнены”. “За что мы боролись?” — патетически восклицает автор “Закона Свободы”.

В дальнейшем появлялись произведения, подтверждавшие, что работа по распространению социалистических учений не прекращалась. В 1675 году Дени Верас написал социалистический роман — “Историю севарамбов”. Через год вышло еще одно произведение того же направления: “Южная земля” — роман, принадлежавший перу Габриэля Фойньи. В самом конце XVII века Фенелон опубликовал “Приключения Телемаха” — сочинение, в котором он рисовал планы перехода человечества к Социализму. В следующем столетии, в 1768 году, Европа познакомилась с еще одним социалистическим романом: “Республикой философов” Фонтенеля. Через несколько лет Ретиф из Бретани подарил миру “Южное открытие, сделанное летающим человеком...” — продолжение проповеди социалистических идей: общность имущества, рабское равенство и, конечно, борьба с Богом» [94] (с. 348).

А вот и еще один очередной социалист — католический священник Жан Мелье. В своем «Завещании»:

«Мелье утверждает, что семья должна быть уничтожена: “Надо, чтобы предоставили свободу мужчинам и женщинам — беспрепятственно сходиться и расходиться... — так падет великое зло, привнесенное Церковью, — нерасторжимость брака”. Мелье учил: “Нельзя руководствоваться в жизни правилами христианской морали, которые так противоречат естественному праву... естественной справедливости...”

...в возрасте пятидесяти пяти лет Мелье покончил с собой.

Любопытна история его “Завещания”. Оно попало в руки Вольтера, на которого произвело очень сильное впечатление. 16 февраля 1762 года он писал своему ревностному поклоннику и единомышленнику — поэту графу д’Аржаналю: “Вы ничего не сказали мне о дьявольской книге этого юре Жана Мелье: это произведение крайне необходимо дьяволам, превосходный катехизис Веельзевула! Знайте: это — сокровище!.. Жан Мелье должен убедить весь мир. Почему его евангелие так мало распространено? Вы слишком вялы в Париже! Вы прячете свой светильник!” В другом письме Вольтер сообщал: “Знайте, что благословение Божие над нашей зарождающейся церковью: в одной из провинций были розданы 300 экз. Мелье, которые дали много новообращенных”. — Итак, Вольтер откровенно свидетельствовал, что идеологи социализма исповедуют религию сатаны.

Позже, в 1793 году, когда республиканский Конвент Франции проводил дехристианизацию государства и вводил религиозный культ Разума, было предложено воздвигнуть в храме Разума статую священника, который отрекся от Христа, — статую Жана Мелье» [94] (с. 349–350).

А вот и еще очередной поводырь вскрывает суть надвигающейся волны революций:

«Дешан так описывает быт граждан идеального будущего: “Свежая солома, переходящая от них на подстилку для скота, составляла бы общее и здоровое ложе, на котором они предавались бы отдыху. Они располагались бы для этого без разбора, женщины попеременно с мужчинами...”

По мысли автора “Голоса Разума”, такое устройство жизни должно привести к изменению психики людей. Отпадет необходимость рассуждать, и язык станет гораздо более простым; все люди в конце концов станут говорить на одном наречии, уже не подверженном переменам. — Так будет воссоздано единение народов, возводивших Вавилонскую башню. По Дешану, все книги должны погибнуть. Дешан говорит: “Слово «Бог» подлежит устранению. Должны исчезнуть индивидуальность личности, и все люди станут на одно лицо. Они не плакали бы и не смеялись. На всех лицах написан был бы ясный вид довольства. Похороны бы их не отличались от погребения скота. Их мертвые собратья не должны для них значить больше мертвой скотины. Они умирали бы смертью тихой, смертью, похожей на их жизнь...”

Может быть, зловещие мечты социалиста XVIII века лишь патологические фантазии человека, бывшего не совсем нормально психически? Но эти идеи в той или иной форме, с той или иной степенью откровенности, как мы видим, звучали на протяжении тысячелетий. И более того, предпринимались деятельные попытки превратить человека в животное, а человечество — в стадо» [94] (с. 378).

И идеологи французской революции в этом вопросе исключением не являются:

«Вольтер говорил о Руссо, что главная идея его сочинений: “встать на четвереньки и убежать в лес”. В XVIII веке член ордена бенедиктинцев Жюльен Офле Ламетри написал два трактата на ту же тему: “Человек-растение” и “Человек-машина”, в которых излагались атеистические представления о человеке. Ламетри пропагандировал теорию о единстве животных и человека, утверждая, что существовали и, возможно, существуют переходные формы и что при известных условиях обезьяна может превратиться в человека. Но самая главная идея Ламетри заключалась в том, что всеобщее счастье наступит лишь тогда, когда все люди станут атеистами. Наконец в XIX столетии эта идея, так сказать, “научно” сконструированная Дарвином, стала знаменем материализма, и богоборцы новейших времен торжественно провозгласили: “человек произошел от обезьяны!”» [94] (с. 380).

«Идеи социализма были детально разработаны в эпоху Просвещения. Великая Французская Революция явилась плодом именно социалистических устремлений тайных обществ, распространявших свое влияние повсюду. Главной целью революционеров-социалистов всегда было богоборчество...

26 июля 1790 года Марат обратился к народу с такими словами: “Пять или шесть тысяч отрубленных голов обеспечат вам спокойствие, свободу и счастье!” Правда, всего через полгода в декабре того же 1790 года он писал: “Требуется отрубить пять–шесть тысяч голов, но, если бы даже пришлось отрубить 20 тысяч, нельзя колебаться ни одной минуты!” Через полтора года была создана так называемая система “революционного правосудия” — что-то вроде французского ЧК, а Марат в своей газете “Друг народа” стал требовать уже 200 тысяч голов. Поскольку наказывать требовалось не только противников революции, но и тех, кто проявлял безразличие к республиканскому делу, то есть равнодушных, тюрьмы оказались забиты простолюдинами, — за лучшую жизнь которых ратовали революционеры.

Публичному гильотинированию подвергли 17 тысяч французов. Абсолютное число казненных таким образом (85%) были крестьяне, рабочие и ремесленники; их виной являлось “равнодушие” к делу революции и неприятие социалистических принципов устройства жизни. Для сравнения: собственно “враги революции” составляли меньшинство обезглавленных: дворяне — 6%» [94] (с. 381–382).

Но ведь и у нас, что и понятно, история повторилась: правящий класс, эту революцию и затеявший, имея на то финансовые возможности, в большинстве своем из-под угрозы красного молоха успел разбежаться. Потому террор коснулся в своей подавляющей основе население, в раздувании этой революции вовсе не заинтересованное. То есть, как именовалась их вина у французов, — *равнодушных*. И наша “Антоновщина” является лишь повторением давно пройденного — французской провинции Вандеи, где народ попытался воспрепятствовать превращению себя «избранными» в стадо безсловесного скота:

«На восстание крестьян в Вандее революционеры-социалисты ответили созданием так называемого “Комитета общественного спасения” — начали организованный массовый террор. При образовании “Комитета” Марат заявил: “Только силой можно установить свободу... Пришел момент организовать деспотизм свободы!” В революционной Франции два миллиона из тех, кого историки сухо именуют “гражданским населением”, были казнены, убиты или замучены в застенках; число погибших военных составило 1 млн. 900 тысяч. Каждый шестой француз был уничтожен революцией» [94] (с. 382).

Так что вообще все эти революции, якобы имеющие своей целью от чего-то там такого особого освободить народ, на самом деле призваны освободить его в первую очередь от свободы. Ну, а если он тому воспротивится, то и от самой жизни. Что и случалось практически при всех социалистических режимах: начиная с гностиков и манихеев и отнюдь еще не заканчивая Пол Потом — все эти *обостренья* «классовой борьбы» нас ждут еще впереди. Ведь сегодняшняя идея свободного мира, столь усиленными темпами вводящаяся в действие, вообще аналогов в прошлом не имеет — для ее осуществления весь свободный мир требуется прочипировать.

Кстати, именно гностиков упоминает Раковский в качестве одного из звеньев на пути установления все того же — нами разбираемого коммунистического интернационала в качестве орудия овладения миром «комитетом 300». Вот что он по этому поводу сообщает следователю Кузьмину по отношению к имени, которое использовал Вейсгаупт для проведения французской революции:

«Он был главой того масонства, которое известно под именем иллюминатов, это имя он позаимствовал из второй антихристианской коммунистической конспирации той эры — гностицизма» [135].

А вот какие прожекты выдвигал в начале XIX века идейный вдохновитель декабристов и петрашевцев — Шарль Фурье:

«Фурье излагал довольно странные для нормального человека принципы, на которых он строил свою систему “идеального общества”. Вот основные из них:

“— Граждане, наиболее полезные общественному механизму, — те, кто наиболее склонны к утонченным наслаждениям и смело отдаются удовлетворению своих страстей.

— В обществах комбинированного строя (так Фурье называет идеальное, коммунистическое общество будущего — Н.С.) самое полезное для торжества правды — любовь к богатству”...

Социалист Фурье учил своих последователей: “Наслаждайтесь моментом! Избегайте любого брачного или иного союза, не дающего удовлетворения вашим страстям уже сейчас! К чему вам работать на пользу общего блага?! Ведь это благо итак превзойдет ваши сокровенные желания, и в комбинированном строе вам грозит только одна неприятность: невозможность вдвое увеличить количество вашей жизни, чтобы исчерпать огромный круг предстоящих вам наслаждений!..”

Приведем еще одну цитату из Фурье: “Весь распорядок комбинированного строя будет прямой противоположностью нашим (человеческим) навыкам и вынудит поощрять все то, что мы именуем пороком...”

...Маркс и Энгельс, как и декабристы в России, считали идеи Фурье “гениальными”. Педагогические взгляды Фурье соответствуют его социальной теории достижения гармонии...

По Фурье, детям следует прививать навыки производственных работников с трехлетнего возраста, а в пять лет ребенок должен стать маленьким мастеровым. Естественно, возникает вопрос: зачем? Разглагольствования Фурье о “всеобщем благе” служат не более как покровом идеи всеобщего рабства, без установления которого невозможно достижение “светлого будущего”. А неотъемлемыми чертами светлого социалистического будущего служит, как говорил Маркс, возможность — для вождей Социализма — “делать сегодня одно, а завтра — другое; утром охотиться, после полудня ловить рыбу. Вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике...”

Согласно социалистической концепции Фурье, дети должны получать образование лишь в той степени, насколько это необходимо для выполняемых ими производственных работ. Дети должны изыматься из семей — без этого Социализм, оказывается, не осуществим в принципе. Воспитание “маленьких мастеровых” будет тоже социалистическим — в мастерских, на кухнях и в опере. В этом заключается основной принцип Социализма: превратить людей в рабов, обеспеченных “хлебом и зрелищами”. — Все предельно просто. И такая система, по теории Фурье, должна полностью подчинить человека, с пятилетнего возраста обреченного быть “винтиком Социализма”. Характерно, что Фурье, определяя метод разрушения семейных уз, утверждает, что дети Социализма будут организованы в группы. Фурье называет эти группы довольно откровенно: “маленькими ордами” или “маленькими бандами”. — “Гениальная” педагогическая идея Фурье была на практике объяснена обитателям Страны Советов: “Деятельность тех и других организаций используется на общественно-полезных работах в интересах коллектива” (БСЭ. Изд. 1-е. Ст. “Фурье”. Т. 59. М., 1935. С. 344–350).

В советской газете “Известия” в сентябре 1923 года появились любопытные заметки в разделе “Конкурс на лучший колхоз”. Вот содержание этих очерков-отчетов о строительстве счастливого будущего в образцовых, лучших колхозах: “Денег собственных никто не имеет, все они хранятся в общей кассе... Все индивидуальное будет изжито. Внутренне оно уже почти изжито (5.IX 1923). В коммуне — общий дом для жилья, общая столовая и общая кухня. О еде и работе извещают звонки...” Газета с сожалением констатирует “недоработки”: “Только из-за отсутствия постельных принадлежностей не проведено еще в жизнь полное интернирование детей” (11.IX 1923)» [94] (с. 395–398).

Так что не в воображаемых снах мечтателей, но на самом деле, лишь за маленьким пустячком, нехваткой постельного белья, обобществление женщин с отчуждением неизвестно от кого появившихся детей, в некоторых уголках нашей захваченной Иудами страны стало кошмарной реальностью, и по сию пору так и не уместающейся в нашем вполне здоровом воображении.

И даже вполне осознавая, что и действительно такие коммуны не на Луне, но у нас же в стране некогда обретали свое истинное лицо — звериное, не позволяет сегодня как следует оглянуться и, перед избранием очередного «народного» избранника, оглянуться назад и осознать всю тупиковость предлагаемого нам пути:

«...люди, которых ведут на заклание, послушно, как стадо баранов, бредут за “демократическими избранниками”, не подозревая, что за одним из исторических поворотов их ввергнут в бедствия войн и революций, сделают рабами, а потом принесут в жертву. Им все время говорят, что “так надо” и что это “историческая необходимость”» [94] (с. 420).

«Войны и революции умножают зло, в бедствия ввергаются страны и целые континенты. Войны и революции — это реки крови, пролитые как жертвоприношение сатане — божеству минувших языческих цивилизаций, нынешних масонских лож, современных антихристианских религий, религии Социализма — грядущего царства тьмы» [94] (с. 422).

«Социализм является теорией и практикой подготовки и проведения всемирной революции и захвата власти. И одновременно социализм — это технология власти, философия и модель абсолютного государства, подчиняющего себе жизнь каждого человека и всего человечества. Вот почему Маркс, Энгельс, Каутский, Троцкий, Бухарин и прочие социалисты-революционеры объявляют своими предшественниками Платона, Дольчино, Мюнцера и Мора. Вот почему Карл Каутский, теоретик II Интернационала, в своей работе, имеющей откровенное программное название: “От демократии к государственному рабству”, торжественно, от имени всех коммунистов, провозгласил: “Они нам дороги все, все! От анабаптистов до парижских коммунаров!” (К. Каутский. От демократии к государственному рабству. Берлин, 1921. С. 166)» [94] (с. 384).

Но чем же является это странное устройство мира, к которому нас столь настойчиво пододвигают все перечисленные и не перечисленные ереси и секты, партии и движения?

«...история с неопровержимостью факта свидетельствует, что Социализм есть синоним общественного устройства жизни люциферианских цивилизаций древности. Эпоха, явно указывающая признаки приближающейся апостасии, убеждает, что ужасы Социализма, осуществленного в древнем Китае, равно как в империях Нового Света, вовсе не следует считать отличительными следами безвозвратно минувших эпох, чем-то вроде “неизбежного этапа в революционном развитии человечества”.

Социализм — это царство грядущего антихриста, тотального духовного рабства и временного торжества зла. Суть обмана неизменна: идею справедливости, имеющую свое начало в религии Истинного Бога и свое воплощение в Христианстве первых веков (“Верующие... имели все общее” [Деян 2, 44]), представить как “естественное” социальное право — и только. Чем будет атеистическое царство атеистического материализма, где станет править “проклятым заклеянный”, вполне показали революции Новейшего времени — Великая Французская и Великая Октябрьская.

Ленин в своей статье “Пролетарская революция и ренегат Каутский” писал: “Диктатура пролетариата есть власть, осуществляемая партией, опирающейся на насилие, и не связанная никакими законами!” Потому ту же идею будет воплощать в жизнь и вождь III Рейха» [94] (с. 385).

Да, германский фюрер тоже был социалистом. Вот что он по этому поводу заявляет:

«Партия принимает на себя функцию, которую прежде имело общество. Партия — всеобъемлющая сила. Она управляет всей широтой и полнотой жизни. Поэтому необходимо развешивать подразделения партии, которые задействуют жизнь каждой отдельно взятой личности. Больше нет своей воли, больше не будет свободного места,

где личность была бы предоставлена самой себе. Вот это называется Социализм! А всякие мелочные споры о частной собственности на средства производства не имеют к нему никакого отношения. К чему об этом спорить, если я прочно свяжу людей дисциплиной, из рамок которой они не смогут вырваться? Пусть они владеют землей и фабриками, сколько им угодно. Самое главное, что государство распоряжается ими с помощью партии, независимо от того, хозяева они или работники. Собственность больше ничего не значит. Наш социализм берет значительно глубже. Зачем размениваться на полумеры, если в руках нечто гораздо более существенное — сам человек!

Массы всегда клюют на внешнее. В данном случае это национализация, социализация. Как будто что-нибудь изменится, если владельцем фабрики будет называться государство, а не какой-нибудь господин. Но когда все господа директора и высшие чиновники будут подчинены одной общей дисциплине — тогда и придет новый порядок, который невозможно описать прежними словами.

У нас есть особое, тайное наслаждение — видеть, как люди вокруг нас не могут взять в толк, что же с ними происходит на самом деле. Они упрямо таращатся на знакомые внешние приметы — на имущество, доходы, чины и порядок наследования. Если все это на месте — значит, все в порядке. Но они уже вовлечены в новые связи, гигантская организующая сила определяет их курс. Они уже изменились. И здесь им не помогут ни имущество, ни доходы. Зачем нам социализировать фабрики и банки? Мы социализируем людей» [197] (с. 152–153).

Так что социализм Гитлера, по его же личным словам, от иных видов социализма не отличается практически ничем. Единственной его версии нового мирового порядка отличительной чертой является изобретенная им очень тонкая подмена внешних черт устраиваемого железного порядка, где внешне все вроде бы и остается как было, но меняется внутреннее содержание произведенных перемен. И меняет он не порядок построения общества, но самого человека, обращая его в неслыханное рабство, где каждый следит за каждым, уподобляя себя судьбе «святой» фем.

Но такое мы уже проходили. Так что искаженная идея апостольских времен Христианства является первым правилом изготавливаемой революционерами апостасии. Что еще?

Подготовка некой «революционной ситуации»:

«Энгельс — Марксу: “На рынке улучшение настроения. Будь проклято это улучшение!”

Энгельс — Марксу: “Теперь хорошо бы еще в будущем иметь плохой урожай на зерно, и тогда начнется настоящая музыка!” (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.-Л., 1929–1931. Т. XXI. С. 328; Т. XXII. С. 295; С. 450)» [94] (с. 388).

И здесь лучше самого Энгельса о революционной доктрине поджигательства и не скажешь. И все это вновь: в отражении кривого зеркала христианских заповедей:

«Христос учил, что зло побеждается только добром, Социалисты учат, что для достижения блага необходимо усиление зла — полная и абсолютная диктатура узурпаторов власти над прочими людьми. — Вывод о том, кто прав, сделать не трудно» [94] (с. 388).

Но и по части полного ни во что неверия захватившая в нашей стране власть клика тоже слишком далека от соблюдения атеистических заповедей:

«Социализм есть религия, и если это скрыто от исследователя, тогда он мало что может понять в движении, охватившем в XX столетии весь мир. Истинные вожди Социализма — это адепты особой, тайной религии, что, собственно, тщательно оберегается — как величайший секрет — от рядовых членов социалистических обществ и партий. Достоевский на страницах январского номера “Дневника писателя”

за 1877 год очень точно подметил: “Социализм есть устройство человеческого общества без Христа и вне Христа...” Вожди Социализма вовсе не считали, что Бога нет; они боролись против Него — со всей яростью и жестокостью одержимых.

Сергий Булгаков в своей работе “Первохристианство и новейший социализм” пронизательно отмечал: “Социализм в наши дни выступает не только как нейтральная область социальной политики, но как религия, основанная на атеизме, то есть богоборчестве и человекобожии, на самообожествлении человека и на признании стихийных сил природы и социальной жизни единственным зиждущим началом истории”. В брошюре “Христианство и социализм”, вышедшей в 1917 году, Булгаков пишет еще откровеннее: “Современный социализм представляет собой возрождение древнеиудейских мессианских учений...” Именно на это указывают многочисленные свидетельства эпохи революционных потрясений, заливших кровью великую страну и погрузивших ее во мглу на долгие-долгие годы... Между прочим, известное в двадцатых годах движение “богостроительства”, возглавляемое Луначарским и Горьким, имевшее целью соединить марксизм с религией, ясно обнаружило эту, скрытую, религиозную природу социализма. (Социалист-“богостроитель” Луначарский-Мандельштам как раз в период конструирования им мировоззренческой модели, соединяющей социализм и религию, устраивал черные мессы на могиле своей дочери.)

Вера Луначарского и Горького типологически вполне определена, и именно поэтому о религии “богостроительства” литературные критики и историки социализма в России пишут крайне невразумительно» [94] (с. 388–389).

А вера эта — вера в Бафомета — верховное масонское божество.

«Представление о Социализме как о “самом передовом учении” есть не что иное, как соблазнительная и искусно сочиненная ложь, которой в XX веке, увы, поверили столь многие. Социализм и социальная справедливость отнюдь не синонимы, — хотя именно так людей приучали думать. Социальная справедливость должна присутствовать в любом человеческом сообществе — начиная с семьи — именно потому, что оно человеческое и потому, что каждый человек имеет совесть. Социализм — это система, где совесть упразднена, и государство предстает безжалостным владыкой душ и телес человеческих, всемогущим Левиафаном.

Социализм — объективно и на деле — является теорией подготовки и проведения революций, списком правил, которым надо следовать, чтобы захватить власть; философией государства, регламентирующего абсолютно все в жизни каждого человека; это тотальный контроль и полное рабство. Социализм — это и технология абсолютной власти, сверхдиктатура и полное насилие над личностью и обществом, осуществленное для создания нового человека, человека-животного, и нового общества — общества-стада» [94] (с. 431–432).

Вот что о своей религии говорят сами ее идеологи. В частности, Иосиф Дицген:

«”Дорогие сограждане! В идеалах социал-демократии содержится новая религия. Культурное человеческое общество — вот высшее существо, в которое мы веруем, наши надежды возлагаются на социал-демократический строй! Боги демократии отрицают старину. Они всегда являются шагом вперед в смысле духовной чистоты божества, свободы от обрядов, ставших бессмысленными”.

Что стоит за этими странными словесными формулировками? Чтобы понять, почему Дицгеном восхищался не только Луначарский, но и классики — Маркс и Энгельс, нужна помощь фактов. И таковые факты — в виде документов — существуют. В материалах немецкой ложи Гроссландес, относящихся к двадцатым годам XX века, есть очень интересное свидетельство, относящееся к данной теме. В одном из протоколов упомянутой ложи сказано следующее: “Идеалом масонов XX века является

социал-коммунизм”. — Сведения извлечены из фондов Центра хранения историко-документальных коллекций бывшего Особого Архива КГБ СССР (Ф. 1412. Оп. 1. Д. 815. Л. 38).

Что это означает? За разъяснениями придется прибегнуть к наследию классиков. Основоположники “научного коммунизма”, восхвалявшие революционную практику баварских иллюминатов, прямо указывали, что именно масонско-иллюминатский “Социальный кружок”, созданный в Париже в 1790 году оккультистом Ф. Боннвилем, дал начало революционному движению Новейшего времени в целях осуществления коммунистической идеи. Маркс пишет: “Эта идея, при последовательной ее разработке, есть идея нового мирового порядка” (К. Маркс, Ф. Энгельс. ПСС. Т. 2. С. 132). Коммунист Маркс мечтает о “Новом мировом порядке”...

Итак, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, учитель Маркса Моисей Гесс, тов. Ленин, Сергей Булгаков, Николай Бердяев, Герман Коген, Луначарский... — собственно, вся история этого движения как в древности, так и в Новейшее время, свидетельствует, что Социализм имеет свои идейные корни в богоборчестве. В языческих культах социалистические тенденции или же даже отчетливо социалистические формации являлись по сути неизбежным результатом люциферианских религий, определявших в конечном итоге и цель существования этих языческих сообществ и формы общественного устройства жизни. После распятия Христа эти усилия объединил иудаизм...

Современный еврейский идеолог и апологет основ иудаизма Адин Штанзальц пишет: “Пути исправления мира предначертаны Торой. Тора — это практическое руководство к действию, объясняющее, как именно осуществлять задачу по исправлению мира...” Конечная цель иудаизма, — утверждает этот “учитель Израилев”, — “гаолам”, “габа” — то есть Коммунизм.

Однако какое все-таки отношение имеет каббала к социализму? — Самое непосредственное... Единство всего, божественность тварного мира, тождество добра и зла — вот главные постулаты каббалы, как видим, лежащей в основе идеи Социализма, поставившего целью привести мир к “Единому”, а все человечество — к абсолютному единообразию. Так учили и вожди древней секты адамитов, проповедовавших, что человек создан, чтобы соединить в себе добро и зло. Адамиты изображали первого человека в виде фигурки, правая рука которого воздета вверх, левая — простерта вниз. В этом адамиты тождественны с каббалистами: правая рука в учении каббалы означает необходимость и зло, а левая — свободу и добро.

Именно эта идея лежит в основе проповедей Льва Толстого о непротивлении злу и толстовского “евангелия”, которое тот сочинил, “исправляя” Евангелие Христа. Между прочим, учение Толстого о “непротивлении злу” вовсе не учение Толстого; Лев Толстой только пропагандировал догмат каббалы и масонства. Ничего необъяснимого в этом нет, — если, конечно, знать, кем был граф Толстой и что одним из его наставников являлся раввин Соломон Минор (Залкинд), — тот самый Соломон Минор, который научал графа, как приблизить пришествие в мир иудейского мессии. Именно о Соломоне Миноре упоминает И. Лютостанский в своей книге “Об употреблении евреями христианской крови для религиозных целей”. Профессор Лютостанский рассказывает о Соломоне Миноре — “казенном” раввине, игравшем в Москве роль ученого, как и рабби Хвольсон в Петербурге.

Лютостанский сообщает, что раввин Минор, наставлявший Толстого талмудической премудрости, фактически в то же самое время организовал уничтожение набора книги В.И. Даля, ныне известного только по словарю русского языка. А между тем Даль, будучи на должности товарища министра, по поручению графа Льва Алексеевича Перовского, возглавлявшего Министерство Внутренних Дел Российской Империи,

составил служебный документ: “Розыскание о убиении евреями христианских младенцев и употребление крови их”, напечатанный по приказу министра в 1844 году всего лишь в десяти экземплярах...

Мы привыкли считать, что существовавший до недавнего времени “социалистический лагерь” был непримиримым противником и смертельным врагом для буржуазного, то есть антикоммунистического, Запада... Тогда почему в “старой доброй” Англии с конца девяностых годов XX столетия воплощен ленинский принцип социализма: “строжайший учет и тотальный контроль”? Почему путешественник, проезжая по “свободной” буржуазной Бельгии, постоянно встречает на дорожных указателях столь знакомое слово: “коммуна”? Почему от Китая до Чили главенствующее место занял один символ — магическая пентаграмма? Почему евреи, толпами бежавшие из построенного ими же социалистического рая — СССР в землю обетованную, довольно скоро обнаружили, что современный Израиль — по сути своей страна тотального социализма? Все это вехи того пути, по которому движется человечество, отступившее от Бога. Вот почему герб Соединенных Штатов Америки — государства, олицетворяющего всю мощь и идеологию западного мира, содержит девиз Социализма, с одинаковой точностью воспроизводящий цель “идеального государства” — от Платона и Правителя царства Шан до коммунистического Советского Союза» [94] (с. 436–440).

Так что мир со все большим ускорением катится в бездну и этого не возможно не заметить. Но что пока так еще и не пускает человека греха приступить к исполнению своих обязанностей на последние три с половиной года, обещанные в Апокалипсисе?

Россия. Только в ней еще сохраняется как вера истинная, так и противостоящая приходу супостата отличающее человека от животного чувство — любовь. Ведь несмотря на все усилия пропаганды русский человек так все еще упрямо и не желает забираться в изготовленный для него зверинец. И все потому, что именно он этот зверинец уже поиспробовал вволюшку на самом себе, а потому теперь стал учен — знает, что к чему. Потому лишь разрастившийся Запад теперь погружается в сеть коммун, где для затравки получает первичные дурманящие наслаждения: свободную половую любовь. Но это, как мы теперь прекрасно поразобрали, только пока — для начала...

И вот чем противостоит наша ячейка общества — семья, столь ненавидимая революционерами всех мастей, столь теперь облюбованной Западом модели общества — коммуне:

«У супругов, связуемых союзом любви, который апостол Павел именует “союзом совершенства”, воистину все общее — и кров, и хлеб насущный, и дети. По учению церковному, семья есть “малая церковь”, основа государственного устройства жизни. Потому-то русский православный крестьянин, которого одинаково ненавидели Маркс, Ленин, Фейхтвангер, Горький..., называл православного государя “царем-батюшкой”, — в простоте веры сохраняя эту многовековую мудрость жизни и распространяя эту богодарованную истину на всю Россию.

Закон божественной любви действует и во всей Церкви — непрестанно ломимом Телес Христовом, ибо силы зла не престают ополчаться на Божие достояние, враждуя извне и изнутри. Вот почему люди, возненавидевшие Бога, во все времена яростно стремились разрушить семейные узы и уничтожить Церковь: их цель — ниспровержение богозданных основ устройства жизни человеческих сообществ, важнейшая из которых — любовь. Вот почему для Томаса Мора, автора “Утопии”, одно из главных препятствий для достижения коммунистического будущего — женщины, а значит — брак и семья, где торжествует любовь.

Христос предсказал признаки приближения конца мира, лежащего во зле. Это прежде всего — оскудение любви между людьми [Мф 24, 12], — как зловещий признак

оскудения веры; и тогда умножатся и усилятся пороки, растлевающие души. Когда же исполнится мера беззаконий, — наступит Социализм, осуществится легенда о Великом Инквизиторе; на краткое время иудейского мессии настанет царство зверя — “царство божие” безбожных иудеев» [94] (с. 441).

Мы такое совсем недавно на своем горбу уже проходили. И у кого есть память, тот помнит, что:

«Социалистический конец света был осуществлен в России. Десятки миллионов русских людей погибли — “во имя” и “ради” светлого будущего. В 1917 году большевики взяли власть: началось беспощадное, кровавое воплощение в жизнь утопической теории Мировой Революции — построение Социализма. Страна была обречена на революционный террор. Террор по схеме Великой Французской революции. Террор без пощады. Террор без суда и следствия...

Главным орудием уничтожения великой христианской страны явилась Чрезвычайная Комиссия: ЧК, орудие тотального террора, безжалостная машина смерти, управляемая жрецами революции...

В газете “Красный террор” от 1 ноября 1918 года за подписью заместителя Дзержинского Лациса (настоящая фамилия — Судрабс) была опубликована своего рода программа большевиков. В ней говорилось: “Мы не ведем борьбы против отдельных лиц. Не ищите доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против Советской власти. Первый вопрос — какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и сущность красного террора. Требуется не наказание, а *уничтожение*”.

Когда в свое время на Лубянке обсуждались принципы действия карательных органов социалистической власти, предложенные Лацисом, чекист Мизикин предельно упростил смысл и задачу социальных преобразований: “К чему даже эти вопросы о происхождении, образовании?.. Я пройду на кухню и загляну в горшок, если есть мясо — враг народа, к стенке!” (Р. Гуль. Дзержинский. М., 1992. С. 56)...

“В советских «Известиях» было напечатано разъяснение по поводу одного расстрела: «Обыск показал квартирную обстановку типичного спекулянта; были обнаружены крахмальные воротнички и галстуков 6 шт.»» (Р. Донской. От Москвы до Берлина в 1920 г. // Архив Русской революции. Т. 1. Берлин, 1921. С. 214).

В Петербурге во главе ЧК стоял Петерс. Свое вступление в должность он отметил немедленным расстрелом без суда и следствия более тысячи человек, трупы которых были брошены в Неву. В дальнейшем кровавый Петерс получил повышение — переведен в Москву. В Москве его помощницей стала чекистка Краузе, женщина-зверь, известная изощренным садизмом при пытках. Один из очевидцев перемен, происходивших в России тех лет, товарищ обер-прокурора Синода, князь Жевахов в своих “Воспоминаниях” сообщает: “Она издевалась над своими жертвами, измышляя самые тонкие виды мучений преимущественно в области половой сферы. Объектом ее мучений были главным образом юноши. Никакое перо не в состоянии передать, что эта сатанистка проделывала над ними... Пытки длились часами и прекращались только тогда, когда корчившиеся в страданиях люди превращались в окровавленные трупы” (Н.Д. Жевахов. Воспоминания. М., 1993. С. 135).

Ее достойным соратником по “адовой работе” был чекист Орлов, извращенный садист; только в Москве он расстрелял несколько тысяч детей, вся вина которых заключалась в том, что для Советской власти их родители были “социально чуждым элементом”» [94] (с. 444–447)

«Бывший следователь Киевского ЧК Михаил Богеросов на страницах своих воспоминаний, опубликованных в 1925 году в Праге, рассказал следующее: “Чекисты производили обыски и аресты, неприкрыто грабя население. Служба превратилась в

непрерывный кутеж, сопровождаемый изнасилованием женщин и истязанием арестованных” (Сб. “На чужой стороне”. Т. 9. Прага, 1925. С. 118).

В Киеве порядок новой власти обеспечивал “товарищ Лацис”. Прежде всего Советская власть провозгласила своей целью: “искоренение русского национализма”. С памятника Богдану Хмельницкому коммунары сбили историческую надпись: “Волим под царя Московского, православного. Богдану Хмельницкому — Великая и Единая Россия”. ЧК открыло список своих жертв убийством шестидесяти восьми видных деятелей российской культуры и науки, причем все они были расстреляны даже без обвинительного приговора, — “в порядке красного террора” — именно как “русские националисты”.

В помещении Киевской губчека на Елизаветинской улице, рядом с хранилищем реквизированных ценностей, чекисты организовали “коммунистический клуб” — ресторан с развлечениями, особую “коммуну”, где все перероднились и переболели венерическими болезнями.

В этом древнем городе — матери городов русских существовало около полусотни чрезвычайек; наиболее страшные три: на Екатерининской улице, на Институтской и на Садовой. Каждая имела свой собственный штат сотрудников, точнее, палачей; особой жестокостью отличались “товарищ Вера” и ее соплеменница — Роза Шварц. В одном из подвалов был устроен некий “чекистский театр” — с расставленными креслами для зрителей и сценой. Роза Шварц лично убила на этой кровавой “сцене” несколько сот человек, которых по очереди втискивали в деревянный ящик с отверстием для головы, и в этот ящик стреляли, как в тире. Это было их обычным занятием. Гораздо большее удовольствие Роза Шварц и “товарищ Вера” испытывали, выкалывая своим жертвам глаза иглами или выжигая папиросой. В Киеве жители шепотом рассказывали о Розе Шварц — чудовище, часто завершавшей невыносимые пытки приказом: “Залей ему глотку горящим оловом, чтобы не визжал как поросенок...” Приказ выполнялся буквально. Особую ярость Розы Шварц и “товарища Веры” вызывали те арестованные чекистами, у кого находили нательный крест. После невероятных глумлений над христианской верой они выжигали крест на груди и на лбу своих жертв.

Расстреливали в ВУЧК (Всеукраинская Чрезвычайная Комиссия), в Особом отделе 12-й армии, в Губ. ЧК, в Гор ЧК, в многочисленных комендатурах ЧК, которых только на Елизаветинской улице было пять. Расстреливали обычно ночью или утром, а в полночь к зданиям ЧК подъезжали специальные подводы. Как-то одному из возчиков стало дурно при виде очередной груды трупов, вываленных в телегу, и он зашатался. Комендант Угаров, сменивший сошедшего с ума на расстрелах Фраермана, выхватил револьвер и заорал: “Что воротишь морду, хочешь рядом с ними лежать?”

...Один из палачей харьковской ЧК сетовал на трудность “работы”: “Мучился, да товарищ научил выпить стакан крови человеческой. Выпил — сердце как каменное стало”» [94] (с. 449–451).

Иногда чекисты откровенно вымогали у схваченных ими людей ценности. Вот пример с учительницей Домбровской в екатериноградской ЧК:

«”...чекисты имели донос о сокрытии Домбровской золотых вещей, полученных ею от родственника, какого-то генерала. Этого было достаточно, чтобы подвергнуть ее пытке. Предварительно она была изнасилована и над нею глумились. Изнасилование происходило по старшинству чина. Первым насиловал чекист Фридман, затем остальные. После этого подвергли пытке, допытываясь от нее признания, где спрятано золото. Сначала у голой надрезали ножом тело, затем железными щипцами, плоскозубцами отдавляли конечности пальцев. Терпя невероятные муки, обливаясь кровью, несчастная указала какое-то место в сарае... В 9 часов вечера 6-го ноября она была расстреляна, а часом позже в эту же ночь в указанном доме производился

чекистами тщательный обыск, и, кажется, действительно, нашли золотой браслет и несколько золотых колец” (Че-Ка, 230–231)» [106] (с. 120).

Вот как описываются следы преступлений, оставшиеся после сбежавших комиссаров:

«30 августа 1919 года большевики спешно оставили Киев. В городе еще рвались снаряды, — отходя, Днепровская флотилия большевиков в бессильной ярости обстреливала церкви. Киевляне бросились к открытым дверям ЧК — отыскивать родных. Зрелище, представшее их глазам, было жутким. Екатерина Гауг была среди тех, кто надеялся узнать судьбу близких:

“Сильный трупный запах ударил в лицо. Все стены забрызганы кровью. Пол на несколько вершков сплошь залит кровью. На полу, точно на прилавке мясной лавки, лежали человеческие мозги. Посреди углубление... Стоял громадный сруб дерева, весь окровавленный, на нем шашка, тоже вся в крови. На стене огромная петля, кусок железа — орудие для пыток каленым железом” (Воспоминания Екатерины Гауг // Сб. “Белое дело”. Т. 2. Берлин, 1927. С. 204).

Другой очевидец, подписавшийся “чиновник Н.Б.”, дополняет: “Рядом — печь, в которой еще дымились угли. Гвозди; какие-то особые, никогда мной не виданные ножи, вроде докторских; все было покрыто клочьями мяса и запекшейся кровью. Потом, осматривая трупы, я видел руки с облезшим отваренным мясом и голыми костями вместо пальцев; видел трупы совершенно без кожи и с кожей, оставленной в виде погон и лампасов, с отрубленными и вырезанными частями тела — все это были следы «следствия». Сад во дворе Гор. ЧК представлял собой сплошную братскую могилу... трупы, трупы, без конца трупы... У всех решительно головы раздроблены, чтобы труп не был опознан” (Сб. “На чужой стороне”. Т. 10. Прага, 1925. С. 221).

Екатерина Гауг продолжает: “При нас был откопан труп девушки семнадцати лет. Совершенно нагая, лежала эта девушка, почти ребенок, перед нами. Голова ее изувечена до неузнаваемости. Все тело в ранах и кровоподтеках. А руки! Эти руки носили следы дикого зверства. С них до локтей снята кожа и белела пристегнутая бумажка. На ней было написано: «Буржуазная перчатка»...” (Воспоминания Екатерины Гауг // Сб. “Белое дело”. С. 204).

Так было по всем отделениям Всеукраинской и Губернской ЧК в Киеве — на Садовой, в Екатерининской, Елизаветинской, Институтской, Пушкинской улицах... Так было в Одессе и Харькове... Так было везде на Великой и Малой Руси, где торжествовал победу Социализм.

В Харькове после изгнания большевиков в подвалах чрезвычайки было обнаружено множество так называемых “перчаток”. Этим словом товарищи чекисты именовали содранную с рук вместе с ногтями кожу. Харьковскую чрезвычайку возглавляли “товарищ Эдуард” и бывший каторжник Саенко, — под их руководством практиковалось сдирание кожи с живых людей, для чего их сначала ошпаривали кипятком, потом делали надрезы на шее, вокруг кистей рук и щипцами сдирали кожу. Раскопки ям, куда сбрасывались замученные жертвы харьковской ЧК, обнаружили на трупах следы какой-то чудовищной операции-пытки над половыми органами, сущность которой не смогли определить даже хирурги. Чекисты применяли одну из китайских пыток, по своей мучительности превышающую человеческое воображение. На трупах бывших офицеров — вырезаны или выжжены на плечах — погоны, на лбу — пятиконечная звезда, на груди — орденские знаки; были отрезаны ноги, уши, губы... На женских трупах — отрезанные груди... Масса раздробленных, оскальпированных черепов, содранные ногти, с продетыми под них иглами и гвоздями, отрезанные пятки...» [94] (с. 453–455).

«Каждая местность в первый период гражданской войны имела свои специфические черты в сфере проявления человеческого зверства.

В Воронеже пытаемых сажали голыми в бочки, утыканные гвоздями, и катали...

В Царицыне и Камышине — пилили кости... В Полтаве... Гришка-проститутка сжигал особенно бунтовавших крестьян, а сам... сидя на стуле, потешался зрелищем...

В Екатеринославе предпочитали и распятие и побивание камнями. В Одессе офицеров истязали, привязывая цепями к доскам, медленно вставляя в топку и жаря, других разрывали пополам колесами лебедок, третьих опускали по очереди в котел с кипятком...

Формы издевательств и пыток неисчислимы» [106] (с. 129).

Причем и сами большевики часто об этом пробалтываются. Например, газета “Известия” 26-го января 1919 г., №18 в статье «Неужели средневековый застенок?» о ведении дел следственной комиссией Сущево-Мариинского района г. Москвы сообщает:

«"...Тут избивали людей до потери сознания, а затем выносили без чувств прямо в погреб или холодильник, где продолжали бить с перерывами по 18 часов в сутки. На меня это так повлияло, что я чуть было с ума не сошел". Через два месяца мы узнаем из “Правды”, что есть во Владимирской Ч.К. особый “уголок”, где “иголками колят пятки” (№12, 22-го февраля 1919 г.)» [106] (с. 131).

«В Вологде свирепствовал Кедров (Цедербаум), воспроизводя в точности то, что творили французские революционеры в Нанте. По его приказу людьми набивали баржи, которые выводили на середину реки и топили, ускоряя казнь пулеметными очередями. Его надежной помощницей в этой человеческой бойне стала жена. До революции в одном из уездных городков Тверской губернии жила некто Пластинина, имела самую гуманную профессию медика. Но в 1917-м ее, как тогда говорили о себе сами эти “герои”, — “призвала революция”, и фельдшер Пластинина перестала скрывать свое настоящее имя: Ревека Майзель. Вместе со своим очередным мужем — Кедровым-Цедербаумом — она отправилась на тот свет, борясь за “светлое будущее”, тысячи жителей Вологды и Архангельска. Древнее и славное село Холмогоры, родину Ломоносова, они превратили в кладбище. Бывшая Пластинина, “товарищ Ревекка”, лично застрелила 87 пленных офицеров, 33 местных жителя и руководила уничтожением пятисот беженцев: загнав в баржу, их хладнокровно утопили.

...В Одессе свирепствовали чекисты Дейч и Вихман. Среди их “сотрудников” были китайцы и даже негр: он специализировался на особой пытке, вытягивании жил. В Полтаве, упоминаемой Светловым-Шейкманом, неистовствовал “чекист Гришка”. Он лично руководил казнью арестованных монахов, — их посадили живьем на кол. Таким же образом в Ямбурге были казнены все плененные на Нарвском фронте офицеры и солдаты. Жевахов сообщает: “Трупы этих великомучеников являли собой потрясающее зрелище: почти у всех от боли глаза вышли из орбит” (Н.Д. Жевахов. Воспоминания. Т. 2. М., 1993. С. 138).

В Симферополе чекист Ашикин заставлял свои жертвы проходить мимо него совершенно голыми, оглядывал их со всех сторон и затем ударом сабли отрубал часть тела. Истекая кровью, несчастные просили пристрелить их, но Ашикин хладнокровно подходил к каждому, сам выкалывал им глаза и лишь затем приказывал отрубить голову.

“В Севастопольском порту, — пишет князь Жевахов, — были места, куда водолазы отказывались опускаться: двое из них, после того как побывали на дне, сошли с ума. Когда третий решился совершить погружение, то выйдя рассказал, что видел целую толпу утопленников, привязанных за ноги к большим камням. Течением воды их волосы и руки приводились в движение. Среди этих трупов был священник в рясе; его

руки вздымались волнением воды, он как будто произносил ужасную речь...” (Там же. С. 139.)

В Алушке чекисты расстреляли триста больных и раненых, подвергая их невыносимым истязаниям: заживающие раны, полученные на фронте, вспарывали и засыпали солью, грязью, известью и заливали спиртом или керосином. Затем следовали пытки и убийства. Татарское население, ошеломленное бойней, увидело в такой безчеловечности наказание Божие и приближение конца света: потрясенные происходившим татары-мусульмане наложили на себя трехдневный пост.

О масштабах революционных преобразований в России должно судить даже не по числу жертв большевицкого Молоха (хотя и сами цифры повергают в ужас), а по свидетельствам очевидцев, на себе испытавших иго социалистического рабства. Бунин писал:

“Девятнадцатый год: этот год был одним из самых ужасных в смысле большевицких злодеяний. Тюрьмы ЧК по всей России переполнены, — хватали кого попало, во всех подозревая контрреволюционеров, каждую ночь выгоняли из тюрем мужчин, женщин, юношей на темные улицы, стаскивали с них обувь, платья, кольца, кресты, делили между собой. Гнали разутых, раздетых по ледяной земле, под зимним ветром, за город на пустыри... Минуту работал пулемет, потом валили, часто недобитых, в ямы, кое-как заваливали землей...” — И вот что удивительно: среди людей, чьи имена прочно ассоциируются с русской культурой, многие не столько ради сытого существования, а и согласно собственным убеждениям славословили большевиков и тот ужас, который объял Россию. Бунин риторически вопрошал: “Кем надо было быть, чтобы бряцать об этом на лире, превращать это в литературу, литературно-мистически закатывать под лоб очи? Волошин бряцал:

Носят ведрами спелые гроздья,
Валят ягоды в глубокий ров...
Ах, не гроздья носят, юношей гонят
К черному точилу, дают вино!

Чего стоит одно это томное «ах!» Но он заливался еще слаще, что ж поделаешь, ведь убийцы чекисты суть «снежные, древние стихии»:

Вейте, вейте, снежные стихии,
Заметайте древние гроба...
Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии...

...Вечером у нас опять сидел большой любитель покушать Волошин. Чудовищно! Говорит, что провел весь день с начальником чрезвычайки Северным (Юзефовичем), у которого «кристальная душа». Так и сказал «кристальная»... Из его речей ясно, что он масон” (И. Бунин. Окаянные дни. СПб., 2000. С. 270–272, 265). Волошин вступил в масонство в мае 1905 года, как он сам пишет об этом — “Автобиографическая проза. Дневник”. М., 1991. С. 225–227» [94] (456–458).

В ногу с революцией шагали и все иные масоны литераторы, которых в стране Советов было явное большинство.

А вообще завоевавшие страну интернациональные комиссары вели здесь себя точно так же, как двумя десятилетиями позже будут вести себя на наших оккупированных территориях такие же разноязыкие полчища врага:

«Одну молодую женщину, приговоренную к расстрелу за спекуляцию, начальник контрразведки кисловодской Ч.К. “изнасиловал, затем зарубил и глумился над ее

обнаженным трупом” (Материалы Деникинской комиссии). В черниговской сатрапии... при расстреле жены ген. Ч. и его двадцатилетней дочери, последняя предварительно была изнасилована. Так рассказывали свидетелю шоферы, возившие их на место убийства...

Вокруг женщин, бившихся в истерике на полу, толпились их палачи. Пьяный смех и матерщина. Грязные шутки, расстегивание платья, обыск... “Не троньте их” — говорил дрожащим от испуга голосом старший по тюрьме, не чекист, а простой тюремный служащий. “Я ведь знаю, что вам нельзя доверять женщин перед расстрелом...” Это из описания ночи расстрела в Саратове 17-го ноября 1919 года» [106] (с. 151–152).

Вот еще вариант удовлетворения своей похоти захватившими Россию оккупантами. На этот раз представителем кубанской ЧК:

«Не было женщины, интересной по своей внешности, попавшейся случайно на глаза Сараеву, и не изнасилованной им. Методы насилия всегда просты и примитивны по своей дикости и жестокости. Арестовываются ближайшие родственники намеченной жертвы — брат, муж или отец, а иногда и все вместе, приговариваются к расстрелу. Само собой разумеется, начинаются хлопоты, обивание порогов “сильных мира”. Этим ловко пользуется Сараев, делая гнусное предложение в ультимативной форме: или отдается ему за свободу близкого человека, или последний будет расстрелян. В борьбе между смертью близкого и собственным падением, в большинстве случаев жертва выбирает последнее. Если Сараеву женщина особенно понравилась, то он “дело” затягивает, заставляет жертву удовлетворить его похоть и в следующую ночь и т.д. И все это происходило безнаказанно в среде терроризированного населения, лишенного самых элементарных прав защиты...

Фактов эротического характера можно привести без конца. Все они шаблонны и все свидетельствуют об одном — безправии населения и полном, совершенно безответственном произволе большевицких властей» [106] (с. 152–153).

А вот как большевиками выполнялась программа по низведению полов в свальный грех скотского состояния, заповеданный революционерам идеологами социальных программ:

«В 1918 году Троцкий, будучи в Екатеринодаре, издал декрет о реквизиции шестидесяти молодых девушек. Этот декрет Советской власти был применен во многих городах поработанной России. “Социализация” женщин стала одним из методов уничтожения русского народа. Декрет осуществлялся повсеместно: и на верхах руководителями Советской власти, и в подвалах чрезвычайек, и в казармах красноармейцев. Это — один из характерных признаков Социализма, торжествовавшего на руинах великой христианской державы. Во Владимире молодых девушек восемнадцатилетнего возраста принуждали записываться в специальном бюро для того, чтобы вступать в связи по большевицкой разнарядке» [94] (с. 460).

Этот декрет гласил:

«Каждая незамужняя женщина, начиная с 18-летнего возраста, объявляется достоянием государства и обязана зарегистрироваться в Бюро Свободной Любви, где мужчины в возрасте от 19 до 50 лет могут выбрать себе женщину независимо от ее желаний”. В Саратове и Вятке был принят “декрет об отмене частного владения женщинами” — т.е. об отмене семьи» [231] (с. 116).

«Английский генерал Ф. Пуль, находившийся при штабе адмирала Колчака (он же контролировал Деникина), в докладе от 11 января 1919 года на имя военного министра Великобритании сообщал: “Во многих городах Советской России созданы комиссариаты свободной любви; почтенные женщины подвергались публичной порке за отказ повиноваться”.

В Екатеринодаре после издания упомянутого декрета красноармейцы врываются в женские гимназии, устраивали облавы в городском саду. Тридцать гимназисток были уведены во дворец Войскового атамана к Гроцкому, другие — в Старокоммерческую гостиницу к начальнику большевицкого конного отряда Кобзиреву, еще одна группа — в гостиницу “Бристоль” к матросам. Все они были изнасилованы, многие убиты и брошены в Кубань и Карасунь. Одна из этих жертв — ученица 5-го класса гимназии подверглась насилению в течение двенадцати суток целой группой красноармейцев, после чего ее привязали к дереву, прижигали раскаленным железом и расстреляли.

По занятии большевиками Одессы, банды красноармейцев хватили женщин и девочек, тащили в порт, Александровский парк, деревянные склады. Многие из тех, кто стал жертвами красного террора, или умирали, или сходили с ума. Редкие прохожие, осмеливавшиеся появляться на прилегающих улицах, с ужасом слышали доносившиеся из парка душераздирающие крики насилуемых до смерти, предсмертные хрипы и стоны.

Английский генерал А. Нокс, находившийся при Колчаке, к своему докладу на имя министра приложил мандат, найденный у захваченного в плен комиссара. Вот текст этого документа: “Сим удостоверяется, что товарищ Едиоников уполномочен взять для себя молодую девушку. Никто не должен оказывать ему никакого сопротивления. Он снабжен неограниченными полномочиями, что и удостоверяется”.

Многие задавали себе вопрос: чем объяснить самую возможность такого неслыханного зверства, такой дикой, непонятной нормальному человеку злобы, обрушившейся на самый богобоязненный, самый кроткий и простодушный народ в мире, каким всегда был русский православный народ, всепрощающий и смиренный? Может быть, ад, объявивший Русскую Землю, был каким-то массовым умопомрачением, охватившим страну и людей? — Нет, это было не наваждение и не массовое помешательство. Это была Социалистическая революция, осуществлявшаяся по точным планам “пламенных” социалистов-богоборцев, человеконенавистников, служителей и жрецов сатаны.

В своих “Воспоминаниях” князь Н. Жевахов весьма точно определяет суть революции... Он пишет: “Самые сильные умы России оценивали ужасы происходящего только с точки зрения крушения старого, обеспечивающего благо народа, царского уклада государственной жизни, серьезно обсуждали те или иные декреты и распоряжения узурпаторов власти, многоликие и противоречивые, спаянные между собой глубоко скрытой ложью, непонятные и бессмысленные; оценивали их с государственной точки зрения и предрекали катастрофы, делились сомнениями и недоумениями, но никто из них даже не догадывался о том, что здесь выполнялась вековая программа жидов, сводившаяся частью к поголовному истреблению, частью к порабощению христианского населения сначала в России, а затем во всем мире, во исполнение прямых повелений еврейского бога, обещавшего своему избранному народу мировое господство” (Н.Д. Жевахов. Воспоминания. Т. 2. М., 1993. С. 120–121). — Не Того Бога, Которого евреи и раньше в большинстве своем постоянно оскорбляли и Которому постоянно изменяли, богоборчеству, запечатлев наконец свой союз с дьяволом безпримерным деянием ненависти ко Творцу, распяв Его Единородного Сына и продолжив свое богопротивление в жесточайших гонениях на христиан; а того “еврейского бога”, которого они позаимствовали у жрецов Шумера, которому они научились служить в Египте фараонов и которому поклонились у подножия горы Синай...

Этого “еврейского бога” совершенно определенно Христос именует “дьяволом”, и столь же определенно в Евангелии назван народ, творивший и продолжающий творить волю человекоубийцы искони: “дети дьявола” [Ин 8, 44].

В своих воспоминаниях Жевахов цитирует А. Луначарского (Мандельштама), возглавлявшего советский комиссариат народного просвещения: «Мы ненавидим христиан. Даже лучшие из них должны быть признаны нашими врагами. Они проповедуют любовь к ближнему и сострадание, — то, что противоречит нашим принципам. Христианская любовь преграждает развитие Революции. Долой любовь к ближнему! То, что нам нужно, — это ненависть. Мы должны уметь ненавидеть; только тогда мы сможем победить вселенную!» (Н.Д. Жевахов. Воспоминания. Т. 2. М., 1993. С. 182) [94] (с. 460–462).

Вот в чем заключалась основа всей стратегии той совершенно вроде бы и не понятной кровавой резни! Именно на ненависть, столь изощренно раздутую большевиками, и возлагалась основная надежда перекройки православного народа в безсловесное стадо, столь необходимое организаторам этой очередной революции.

«Равнодушным историкам, перебирающим в архивах безмолвные свидетельства нашего социалистического прошлого, — видящим и не понимающим того, что видят; — так и не понять, что происходило — и происходит в нашей России и с нашим народом...

История огромной страны в XX столетии иллюстрирует осуществление планов, которые в деталях были описаны мудрецами Древнего социалистического Китая, жрецами египетских государств первых фараонов; Шумера времен Вавилонской башни; предписаний греческого ученого Платона; планов строителей «светлого будущего» — «Утопии» Мора до каббалистов конца второго тысячелетия по Рождестве Христовом» [94] (с. 489–490).

«Страна поэтапно превращалась в огромный концентрационный лагерь. Все происходило по планам социалистов всех времен и народов: обобществление имущества, «социализация женщин», тотальная слежка друг за другом, ожесточенное богоборчество и новая идеология — апокалипсическая религия Социализма... Жизнь страны Советов все более напоминала схему идеального государства Платона: рабы — рабочие и крестьяне; стражи — армия вместе с карательным аппаратом ЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ и, наконец, философы — то есть партийные и комсомольские работники, «воспитывавшие» население «в духе марксизма-ленинизма».

Пролетариат и крестьянство являли собой класс рабов; правда, существовали в этой среде и определенные различия. Собственно в рабство были обращены миллионы согнанных в концентрационные лагеря, — затем эти лагеря превратились в «стройки века». Сначала концлагеря служили для непосредственного уничтожения русского населения поработанной страны. Однако довольно скоро метод построения Социализма претерпел изменения: миллионы, обреченные на смерть, прежде, чем умереть, должны были своим «героическим трудом» обеспечить существование социалистического рая на земле. 6 ноября 1929 года Постановлением ЦИК и Совнаркома СССР в «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» были внесены необходимые изменения. При ОГПУ СССР создавалось Главное управление трудовых лагерей и трудовых поселений, ставшее во главе всей системы исправительно-трудовых лагерей. Новые лагеря планировалось организовать на Севере, в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии.

Впрочем, история Страны Советов свидетельствует: создание системы концентрационных лагерей в СССР началось гораздо раньше — фактически с первых дней бытия государства «нового типа»» [94] (с. 551–552).

Однако же свои коррективы в эту людоедскую политику социализма вносит угроза нападения на СССР иного социалистического государства, также претендующего на роль мирового лидера по уничтожению русского населения России — фашистской

Германии. Этот момент не слишком отмечен изменением политики страны советов — там заняты иными более злободневными проблемами — физическим уничтожением так называемого «кулака». На самом же деле самого работоспособного населения русской деревни.

Но нищая в то время Германия вдруг начинает получать колоссальные займы практически от всех окружающих ее «империалистических» держав. А потому ее молниеносная милитаризация никак не может не озаботить главарей советского режима.

Потому тотальный геноцид русского населения к 36-му году начинает ослабевать. Партии ставятся совершенно не свойственные ей задачи: *защита Отечества*. Однако революционерам, у которых руки по локоть в крови, такое не понятно. Потому их приходится убивать практически поголовно — кто умеет воевать исключительно с мирным населением, воевать против населения вооруженного не годится.

В нынешнюю запутанность характера массовых убийств верных большевиков-ленинцев вносит и шаблонность предъявляемых им следственными органами обвинений в каком-то таком непонятном теперь *вредительстве*.

Что это за термин и откуда у него «ноги растут»?

В 1929 г. страну покидает Троцкий — резидент «Мемфис Мицраим» в России — главный организатор двух революций в этой стране. Последним все решающим ударом, нанесенным ему Сталиным, является убийство Есенина, произведенное руками ближнего окружения в совсем недавнем прошлом второго лица в государстве. На первый взгляд проведенное топорно следствие, а на самом деле изображающее лишь нарочитую небрежность, в случае получения этому убийству огласки, просто указывает перстом на Лейбо Давидовича, как на главного заказчика. А Сергей Есенин — кумир народа этой страны. Потому Троцкому остается одно — покинуть СССР. Что он в начале 1929 г., сразу после газетной атаки на Сергея Есенина, а косвенно на него самого, прекрасно понимая, чем может все это закончиться, срочно и делает, эмигрируя в Мексику.

Вместе с ним и финансирование революции переориентируется от СССР к новому намечаемому «комитетом 300» вершителю социалистической мировой революции — Германии. Пару лет хватает на то, чтобы профинансировать приход к власти в этой стране группы социалистов под красными знаменами Гитлера. Затем начинается усиленное вливание средств в гитлеровский режим для *похода на* ушедший из рук Троцкого *Восток*. Конечно же, комиссары никуда оттуда не ушли и так пока и продолжают производить массовые убийства подлежащего тотальному уничтожению населения. Именно они и являются естественными помощниками Льва Давидовича для свержения власти Сталина, временно узурпировавшего власть. Потому именно через них Троцкий пытается помешать Сталину подготовиться к отражению агрессии. Вот откуда появляются эти столь теперь странно выглядящие «вредители». Ими, что обнаруживается только сейчас, просто кишел сталинский государственный аппарат. Конечно же, в те годы, да и в дальнейшем, коммунистический режим пытался придать этой подрывной деятельности сторонников Троцкого окраску попытки агрессии на молодую советскую республику со стороны некой такой «буржуазии». Сегодня это странное движение социалистов против самих же себя пробуют всеми силами вообще выбросить из памяти. Однако ж на самом деле эти диверсии имели своей целью возвратиться во главу страны Троцкого, причем, либо посредством государственного переворота, либо, если с его организацией ничего не выйдет, интервенции извне. Потому не только подрывающие экономику страны действия «вражеской» агентуры, но и неудавшийся военный заговор советских военачальников следует отнести все туда же — к попытке возврата к руководству страной Льва Троцкого — резидента «Мемфис

Мицраим» в захваченной «комитетом 300» России. Однако ж заговор не удался, и Сталин перестрелял как самих заговорщиков, так и все их разветвленные связи по всей стране. И никакого антисемитизма — расстрелянных евреев сменили евреи же. Может, даже в большей пропорции, нежели было их до этого.

Однако ж вред оборонной промышленности, благодаря этому вмешательству Троцкого, был нанесен все же значительный. Причем даже и после убийства самого Льва Давидовича, диверсионная деятельность сторонников намеченной «Мемфис Мицраим» линии на военное поражение СССР не прекратилась.

А план у «комитета 300», подготавливающего Германию к войне с СССР, был достаточно безхитростен. Весь мир работает на обеспечение военно-промышленного потенциала национал-социалистического государства, намечаемого в агрессоры. Затем Германии подставляют для внезапного нападения определенную часть европейских государств, предназначенных на роль доноров. Германия жиреет и превращается в монстра, ни чем не уступающего объединенной Европе Наполеона. Параллельно затевается и игра во «второй фронт», которая просто обязана подставить войска СССР для внезапного нападения. Ведь кто может предполагать, что метание настоящих бомб в живых людей может быть обыкновенной «игрой»?

И второе: обеспечивается более четкий контроль над оборонными нуждами СССР. Какой шпион тебе раздобудет такую секретную информацию, какую «партнер» не просто может, но обязан разболтать тебе сам?

Как и следовало ожидать — ничего нам на момент начала агрессии необходимого, что было запрошено у своих казалось бы партнеров в первую очередь, липовыми этими союзниками за все время войны поставлено вообще не было. А вот из-за ими затеянной игры в войну немцам удалось произвести начальный удар не 60% своих войск, на что у нас в тот момент в штабах рассчитывалось, но всеми 100% боеспособных дивизий.

Этот небывалый по силе удар просто обязан был раздробить и уничтожить все наши войска еще на границе. Полтора месяца агонии — максимальный срок, который отводился правительству Сталина для попытки заткнуть русскими телами по всем швам рвущийся фронт. Затем, судя по всему, следовал срочный переезд правительства Сталина в Куйбышев, где неудачливому диктатору, допустившему тотальное поражение в войне, подлежало быть обвиненным в государственной измене и расстрелянным. Немцам, что и понятно, отдавались земли до Урала включительно для тотального уничтожения проживающего там населения. И если они еще у сражающейся страны выкосили в некоторых областях до трети доставшегося им мирного населения, попавшего в оккупацию, то не сложно понять, что бы они творили уже там, где плененному населению оказывать помощь некому...

Дальний Восток, все для тех же целей, отдавался японцам.

А вот на оставшуюся часть, судя по грандиозности замыслов, должен был, после уничтожения Сталина и его единомышленников, прилететь Троцкий — победитель гражданской войны.

И вновь все обязано было повториться по уже раз произведенному сценарию. Все поставки Германии со всего мира резко прекращались (напомним, 80% стратегического сырья ей перед войной поставлялось из-за рубежа), а вся помощь перекидывается на СССР. Россия пока беззуба, а потому оккупированные территории «очищаются» от проживающего на них населения. Так что свою часть программы мировой революции, что и задумывалось Гитлером изначально, он выполняет в полном объеме — уж в его палаческой способности усомниться было бы излишне. С противоположной стороны России свою палаческую функцию выполняет и Япония.

А ведь обезкровливание России являлось для революционеров всех мастей — наипервейшей задачей. Потому Троцкий неизменно помогает ей уже и изнутри, постоянно находя и «обезвреживая» очередные партии «шпионов».

И вот финал — власть в мире в руках у масонов: Черчилля, Рузвельта, Троцкого и Гитлера. России же, как таковой, более не существует — ее народ уничтожен почти поголовно. Потому можно приступать уже не к обыкновенному послевоенному переделу мира, но к воцарению антихриста — масонского мессии.

Но планам этим не суждено было свершиться:

«Марксизм стал революционной идеологией, позволившей разрушить священную государственность в России... эта попытка реванша удалась только на первых этапах. Затем марксизм удивительным образом был перемолот и заменен на советизм, который воссоздал здание государственности, правда в отрыве от веры» (Т.В. Грачева).

Это государство, возродившееся из небытия, и поставило крест на всех вышеизложенных далеко идущих планах. Причем именно возрождение Православия позволило уничтожить минимальной кровью собранные масонами со всей Европы орды.

Но прошли годы, советизм в России, не имея в свою поддержку многомиллионных жертв, потихонечку сошел на нет. И никто теперь даже и приблизительно не ответит — в чем же заключался его смысл. Но ни что не стоит на месте. А потому масонством были подготовлены и внедрены агенты влияния на высшие должности СССР. Россию вновь расчленили, как и в 17-м году. Теперь, правда, лозунги другие. Но суть одна — продолжение разрушения нашей страны и уничтожение ее населения. Началось, как и предсказывал Серафим Саровский, третье на нас нашествие масонов.

Потому, что и следовало ожидать от наследников Ельцина и Горбачева, перед самым началом агрессии: армия России практически уничтожена, промышленное производство, и в особенности военное, — свернуто, поля центральных областей — не засеяны, народ — разложен, деградирует и постоянно теперь уменьшается в числе, Церковь все далее скатывается в апокалипсическое вероисповедание — экуменизм. Подавляющее большинство храмов пронумеровано и в них ходить уже больше нельзя.

Что нас ждет завтра?

Однако ж нет худа и без добра. Нас за последние времена так унизили, уж слишком много раз сунув мордой, что называется, в самое дерьмо, что потихоньку дурман какой-то мазохистической любви к грабящим нас беззастенчиво инородцам стал утихать. Тому в подтверждение имеется очень позитивная статистика:

«Лозунг — “Россия для русских!” поддерживали в 1998 г. 43%, в 2000 г. — 49%, а в 2002 г. — уже 58% населения (опрос ВЦИОМ)» [134] (с. 246).

Может и не все так безнадежно, как кажется на первый взгляд? Может еще очухается древний исполин, одурманенный западной отравой, а проснувшись, скинет с себя крепко впившихся в него надоедливых вшей инородчества и иноверия?

Оглавление

Часть 1

Петля для «Англетера»

Плоды петровской реформации.....	1
Не мы, но кто-нибудь.....	7

Операция «Золотая голова».....	18
Феномен притяжения.....	23
Тайна гостиницы «Англетер».....	25
Миф о «Черном человеке».....	30
Лезвие бритвы.....	34
Кошки мышки.....	40
Смерть поэта.....	43
Миф «Англетера» проясняется.....	45

Часть 2

Гидра, пожирающая своих детей

Поводыри белой идеи.....	53
Переворот и церковь.....	57
Против кого велась гражданская война.....	66
Россия в концлагере.....	73
Мировая революция.....	96
Корни красного термидора.....	100
Красный термидор и его последствия.....	112
Библиография.....	132